Край симбирский

Край симбирский

Краткий исторический очерк

Саратов
Приволжское книжное издательство
Ульяновское отделение
1989

ББК 63.3(2Р354)
К78

Редакционная коллегия: *В. Н. Сверкалов* (ответственный редактор), *М. А. Гнутов* (составитель), *Д. С. Точеный, С. П. Волошин.*

Край симбирский: Краткий историч. очерк. —
К78 Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульян. отд-ние), 1989. — 256 с.
ISBN 5—7633—0277—X

Предлагаемая книга — первая обобщающая научно-популярная работа, в которой в краткой форме освещается история Симбирской губернии с древнейших времен до марта 1917 г.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{0503020901—61}{153(01)—89}$ без объявл. **ББК 63.3(2Р354)**

ISBN 5—7633—0277—X

Родной край становится еще ближе и роднее, если узнаешь его историю.

М. И. КАЛИНИН

ВВЕДЕНИЕ

Наш край, как и другие районы страны, — неразрывная часть России, а его история входит составным элементом во всероссийскую историю. Развитие края подчинялось тем же историческим закономерностям, что и развитие страны в целом.

Предлагаемая читателю книга является первой попыткой систематического изложения истории симбирского края. Она представляет собой краткое освещение важнейших этапов развития Симбирской губернии с древнейших времен до марта 1917 г. На основе марксистско-ленинской методологии и принятой в исторической науке периодизации в ней дается социально-экономическая характеристика края на разных временных отрезках, говорится о становлении и развитии его культуры. В ряде глав показывается, что Симбирская губерния в прошлом была не только «сонным краем», «дворянским гнездом», но и районом, где, как и во всей стране, зарождались и развивались прогрессивные, демократические течения; здесь так же существовали и боролись между собой две культуры: культура господствующих классов, с одной стороны, и демократическая, революционная культура — с другой.

Читатель найдет в книге богатый материал, свидетельствующий об острой классовой борьбе в крае, об активном участии крестьян в антифеодальных войнах XVII—XVIII вв., о проникновении в губернию идей декабристов и разночинцев, о деятельности здесь революционных народников. Рассказывается также о целой плеяде выдающихся деятелей культуры, которая внесла заметный вклад в развитие просвещения, науки, литературы не только губернии, но и страны в целом. Это педагог-просветитель И. Н. Ульянов, «отец русской физиологии» И. М. Сеченов, исследователь и путешественник М. Н. Богданов, писатель-историограф Н. М. Карамзин, ученый-орнитолог и охотовед С. А. Бутурлин, офтальмолог В. П. Филатов,

писатели и поэты Н. М. Языков, И. А. Гончаров, Д. В. Давыдов, Д. В. Григорович, Д. Н. Садовников, Д. Д. Минаев и многие другие.

Большое место в книге уделено особенностям зарождения и развития капитализма в губернии, падению крепостного права, формированию и росту рабочего класса, возникновению и становлению большевистских организаций, под руководством которых рабочие и крестьяне в годы первой русской революции 1905—1907 гг. и Февральской революции 1917 г. активно боролись против самодержавия, помещиков и буржуазии.

Книгу подготовил к изданию авторский коллектив (руководитель М. А. Гнутов) в составе членов кафедры истории СССР Ульяновского государственного педагогического института им. И. Н. Ульянова. Отдельные главы ее написали: I и II — В. И. Ледяйкин, III, IV и VII — Н. А. Кузминский, V и VI — И. А. Стеценко, VIII и IX — А. Л. Кругликов, X, XIV и введение — М. А. Гнутов, XI и XII — В. В. Казюхин, XIII — Л. М. Константинова.

В книге использованы произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Фактический материал извлечен из фондов местных и центральных архивов. Использованы также статистические и документальные сборники, мемуарная и краеведческая литература, периодическая печать.

Авторы не претендуют на полное освещение всех проблем истории губернии. Слабая изученность археологических памятников не дала возможности глубже осветить древнюю историю края. Ограниченность или полное отсутствие статистических материалов не позволили более полно отразить динамику населения в XVII—XVIII вв. и т. д.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: преподавателей и студентов вузов, учителей и учащихся старших классов средних учебных заведений, пропагандистов, лекторов, краеведов и всех тех, кто интересуется историей родного края.

Авторский коллектив выражает искреннюю признательность и приносит глубокую благодарность всем, кто оказал помощь своими советами, замечаниями и материалами при подготовке настоящего издания.

Глава I. ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ

Эпоха камня

Самый древний и самый продолжительный этап в истории человечества назван эпохой первобытнообщинного строя. Начавшись вместе с появлением человека, он завершился с возникновением классов и государственных образований.

В зависимости от материала, из которого в разное время изготавливались основные орудия труда, первобытная общественно-экономическая формация условно делится учеными на эпохи камня, бронзы и железа. Эпоха камня, в свою очередь, подразделяется на древнекаменный век (палеолит), среднекаменный век (мезолит) и новокаменный век (неолит), а в эпохе бронзы вычленяется медно-каменный век (энеолит или халколит).

Палеолит. Территория нашей страны по своим природно-климатическим условиям находится за пределами первоначальных мест возникновения и обитания древнейших человеческих коллективов. При низком уровне развития производительных сил древние люди (архантропы) способны были освоить только определенные пространства тропических и субтропических зон. Наиболее ранние из всех обнаруженных следов пребывания человека на территории СССР относятся к раннему палеолиту и датируются 600—700-тысячелетней давностью. В это время человек освоил все южные районы нашей страны и начал постепенное продвижение в северном направлении.

Заселение людьми Среднего Поволжья происходило в среднем палеолите, в конце так называемой мустьерской эпохи, около 80 тыс. лет назад. Природные условия того времени в значительной степени отличались от сегодняшних. Большая часть европейского континента была покрыта ледником. Однако территория Среднего По-

волжья, в том числе и нашего края, даже в эпоху самого большого — днепровского (рисского) оледенения не входила в ледниковую зону. Следы жизни людей того времени обнаружены во многих местах. К наиболее древним памятникам каменного века относится стоянка Тунгуз (в Куйбышевской области). Здесь найдены разнообразные орудия труда: скребла, остроконечники, каменные рубящие орудия, широкие отщепы и дисковидные никлеусы (ядрища). В одном слое с орудиями труда найдены и кости вымерших животных — мамонта и шерстистого носорога.

На территории нашего края известно 46 местонахождений костей древнейших животных и человека, причем большинство из них находятся в бассейне реки Свияги. Кости неандертальского человека (два черепных свода, нижняя челюсть и плечевая кость) найдены на острове у села Ундоры. Около села Русская Бектяшка обнаружены палеолитические орудия труда вместе с костями ископаемых животных.

Низкий уровень развития производительных сил определял характер хозяйствования первобытного человека. Основным его занятием была охота и собирание диких плодов и корней растений. Люди жили небольшими группами — стадами, не имели постоянных жилищ и в поисках пищи переходили с места на место. Пользовались они грубыми орудиями труда, изготовлявшимися методом двусторонней оббивки (ручные рубила, скребла, остроконечники). Эти орудия имели универсальное назначение и могли служить для различных целей в крайне несложном хозяйстве человека того времени.

Первые человеческие коллективы основывались на совместном добывании пищи и взаимной защите от опасностей. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности»[1]. Коллективный труд обусловливал общую собственность как на средства производства, так и на предметы потребления.

В это время у людей начинают зарождаться первые религиозные представления. Неандертальцы впервые стали хоронить своих сородичей с определенным ритуалом в специально вырытых углублениях.

В эпоху позднего палеолита (50—13 тыс. лет до н. э.) под влиянием трудовой деятельности постепенно совершенствовались как орудия производства, так и сам че-

ловек. Орудия труда теперь изготавливали не способом двусторонней оббивки, как раньше, а путем скола и отжима. Большинство предметов делали из ножевидных пластин. Впервые появились орудия из кости и рога. Начала применяться специально сшитая из шкур животных одежда. В позднепалеолитическом обществе постепенно сложилось половозрастное разделение труда. Основным занятием мужчин стала охота. Женщины поддерживали домашний очаг, занимались собирательством, шили одежду, готовили пищу, воспитывали детей, вели усложнившееся хозяйство. Женщины постепенно приобретали первостепенную роль в хозяйственной жизни первобытной общины, которая становилась все более и более оседлой.

Важное значение имело установление прочных брачных отношений между представителями разных родов (экзогамный брак). Мужчины, вступая в брак, переходили к женщинам в чужие родовые коллективы. Родство устанавливалось только по женской линии. Это усиливало роль женщины не только в домашнем хозяйстве, но и в общественных делах. Так сложился матриархат и оформилась родовая община, возглавляемая женщиной. Экзогамный брак способствовал также образованию племен, племенных коллективов.

Мезолит. В период мезолита резко изменились природно-климатические условия из-за быстрого таяния ледника. Он отступал на север, оставляя на своем пути освобожденную почву, массу озер, заболоченных пространств и моренных нагромождений. В начале таяния ледника (14 тыс. лет до н. э.) климат был субарктическим, мало чем отличающимся от ледникового периода. Позже, около 8500 лет до н. э., наступил бореальный период с более теплым и сухим климатом. Просторы Среднего Поволжья вместо прежней тундровой растительности покрылись сосновыми и широколиственными лесами. Вместо вымерших мамонтов, шерстистых носорогов, северных оленей и других животных в лесах теперь обитали благородный олень, лось, бурый медведь, кабан, бык, лошадь, бобр и другие представители современной фауны. В многочисленных водоемах водились водоплавающая птица и рыба. В этот период сформировались близкие к современным ландшафтные и растительные зоны. В центральных и северных районах, в том числе и в Среднем Поволжье, основными видами хозяйственной

деятельности продолжали оставаться охота, рыболовство и собирательство.

На смену прежним, малоэффективным приемам и орудиям охоты пришли новые. Появились орудия из тонких мелких кремневых пластинок с правильными геометрическими гранями и острыми краями. Возникла и совершенствовалась вкладышевая техника их изготовления, когда кремневые пластинки вставлялись в деревянную или костяную основу. Впервые была одомашнена собака.

Но самым крупным достижением мезолитического человека стало изобретение лука и стрелы. «Лук, тетива и стрела, — писал Ф. Энгельс, — составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности...» [2] Новый вид оружия дал человеку возможность охотиться небольшими группами или даже индивидуально. Это способствовало зарождению основ оседлого хозяйства. Для своих стоянок люди выбирали места вблизи крупных водоемов, где строили жилища в виде больших шалашей. Родовая община, возглавляемая женщиной, продолжала оставаться основным хозяйственным коллективом. Прочнее стали племенные объединения, которые были способны сообща выполнять трудоемкие хозяйственные работы и заботиться об обороне своей территории и места жительства.

В Среднем Поволжье насчитывается свыше 40 обнаруженных мезолитических стоянок и местонахождений. В нашем крае наиболее известные стоянки — Березовка II и III, Старая Майна VII и стоянка в Инзе. Здесь найдено значительное количество кремневых отщепов и пластин, служивших вкладышами; наконечники гарпунов, стрел, ножевидные пластины, скребки и т. д. Материалы этих стоянок свидетельствуют, что при формировании местной мезолитической культуры сказалось влияние на нее культур как южных и юго-западных районов нашей страны, так и восточных, особенно Приуралья.

Неолит. Широкое распространение лука и вкладышевой техники привело к коренным переменам в хозяйственной жизни человека. Постепенно были созданы реальные предпосылки для перехода человечества на новую, более прогрессивную ступень своего развития — в новокаменный век, или неолит.

В симбирском крае начало этой эпохи относится к

V тысячелетию до н. э. На данном этапе люди достигли уже больших успехов в технике обработки камня. Кроме кремня, основного сырья для изготовления орудий в предшествующее время, впервые начинает употребляться вязкий камень — диорит, нефрит, змеевик. Возникли новые приемы в их обработке — сверление, натачивание, шлифование (полировка). Распространение получают такие орудия, как каменные топоры, тесла, долота, позволявшие более эффективно обрабатывать дерево, сооружать бревенчатые дома и изгороди, изготовлять повозки, сани, лыжи, челны и другие предметы домашнего обихода. Наивысшего расцвета достигает техника скола и отжимной ретуши. С помощью этой техники делали изящные наконечники стрел, дротиков, ножи, проколки, скребки и т. д. Значительно улучшилась техника обработки кости и рога. Лук, стрелы и гарпуны прочно вошли в обиход жизни неолитического человека.

В долинах рек Волги, Большого Черемшана, Свияги, Суры и их притоков обнаружен целый ряд стоянок и могильник неолитического времени (Гулькинский). К наиболее выразительным стоянкам относятся Луговое III (на р. Свияге), Лебяжье I и II, Мелекесс III—V (на Большом Черемшане), Юрманки II (на р. Урень) и т. д. Вместе с другими указанные памятники, приуроченные к долинам рек, составляют четыре территориальные группы, из которых майнско-уренская и черемшанско-калмаюрская расположены на Левобережье, а свияжская и сурско-инзенская — на Правобережье Волги. Места поселений устраивались вблизи водоемов, чтобы удобнее было заниматься рыболовством и охотой на водоплавающую дичь. Жилищами служили землянки, полуземлянки и наземные сооружения. Культурные слои, содержащие большое количество орудий труда и быта, свидетельствуют о том, что оседлость была довольно прочной.

Важным изобретением людей этой эпохи стало производство глиняной посуды. Ее изготовлением занимались женщины. Другим крупнейшим достижением явилось возникновение примитивного прядения и ткачества. Из растительного волокна изготавливались одежда, мешки, сети и т. п. Охотничий промысел у племен Среднего Поволжья стал специализированной отраслью. В целом это был «период преимущественного присвоения готовых продуктов природы» [3], а искусственно созданные чело-

веком продукты служили главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения.

Материнский родовой строй достиг в неолите высшей формы своего развития. Возникли зачатки парной семьи, хотя групповой брак был еще в полном расцвете. Стоянки родовых групп, принадлежащих одному племени, располагались недалеко друг от друга, составляя основу крупных племенных объединений. Постепенно формировались большие этнические объединения со своей территорией, языком или диалектом, особенностями культуры.

Территория нашего края, расположенная в лесостепной полосе, и в неолитическую эпоху оставалась зоной постоянных контактов между северными лесными и южными степными племенами. Поэтому ее население не представляло собой единой этнической массы. Археологи установили, что люди, жившие на Правобережье Волги, по своему культурному облику были близки племенам днепро-донецкой культуры, а в культуре стоянок Левобережья без труда усматриваются черты волго-камских неолитических племен. На жителей стоянок сурско-инзенской группы сильное влияние оказывали волго-окские неолитические племена. По мнению большинства исследователей, на территориях северо-восточной части Восточной Европы, в том числе в Среднем Поволжье, в мезолите и в неолитическую эпоху расселились древние предки современных финно-угорских народов, прародиной которых была территория Приуралья.

Бронзовый век

На рубеже III и II тысячелетий до н. э. жители Среднего Поволжья впервые начали пользоваться металлическими орудиями. Сначала металлические орудия изготавливались из чистой меди, а позднее человек освоил бронзовую металлургию. В это время сложилась техника первобытного литья. Выделились мастера-литейщики, занимавшиеся изготовлением металлических изделий и пользовавшиеся особым положением в родовом коллективе.

Изменения в хозяйстве и в быту привели к коренной ломке общественных отношений: «Приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные

до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения»[4]. На смену матриархату приходит патриархально-родовой строй. «Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме — ограничение ее труда домашней работой, — эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчин в доме; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком»[5].

Родовой строй вступил в период наивысшего своего расцвета, явившийся в то же время и началом его разложения.

Волосовские племена. Конец III и начало II тысячелетий до н. э. характеризуются значительными этническими передвижениями, в процессе которых территория края неоднократно испытала вторжения иноземных племен. Все Среднее Поволжье в это время было заселено финно-угорскими племенами волосовской культуры *, памятники которой в нашей области еще слабо изучены. Наиболее выразительным является волосовский комплекс на Гулькином Бугре (р. Утка). Отмечены места поселений с волосовской керамикой по реке Усе (Шигонское), ряд памятников по реке Суре и ее притокам. Волосовские племена были охотниками и рыболовами, но со временем значительную роль в их хозяйстве стали играть скотоводство и земледелие. Культура этих племен оказала очень сильное влияние на развитие местного населения, придерживавшегося еще неолитических традиций ведения хозяйства.

Фатьяновские (балановские) племена. В начале II тысячелетия до н. э. значительная часть средневолжского Правобережья оказалась занятой племенами фатьяновской (балановской) культуры **, пришедшими сюда из Среднего Приднепровья с уже сформировавшимся скотоводческим и земледельческим хозяйством. В нашем крае они оставили такие поселения, как Ашна-Пандо на Средней Суре, Луговое III на Верхней Свияге, Гулькин Бугор на реке Утке и др. Места поселений *** выбира-

* Волосовская культура названа по с. Волосово близ г. Мурома, где был найден первый памятник (клад) этой культуры.

** Культура получила условное название по первому раскопанному могильнику у с. Фатьяново Ярославской области.

*** Первое поселение было найдено П. Д. Степановым на границе Ульяновской области и Мордовской АССР — городище Ош Пандо.

лись преимущественно на высоких берегах речных долин, удобных для обороны. В культурных слоях найдены медные и бронзовые топоры, наконечники копий, украшения, кремневые топоры с полированными лезвиями, боевые ладьевидные топоры, шлифовальные долота, костяные проколки, прекрасно отретушированные наконечники стрел и копий, множество обломков керамики и костей домашних животных. В общественных отношениях фатьяновцев господствовал патриархат.

Культура, созданная фатьяновскими (балановскими) племенами, отличалась очень высоким для своего времени уровнем развития. Это древнейшие в нашем крае скотоводы и земледельцы. Различные по своему происхождению, языку и хозяйственному укладу, они длительное время не вступали в контакты с местным населением (волосовским). Лишь со второй половины II тысячелетия до н. э. началось постепенное растворение этих племен в местной среде.

Абашевские племена. В начале же II тысячелетия до н. э. на территории нашего края и сопредельных областей вторглись абашевские племена *. В отличие от других племен, они проникли сюда в незначительном количестве и жили небольшими островками в массиве чуждого им населения. Преобладающим видом хозяйства у абашевцев было оседлое скотоводство. Они разводили коров, лошадей, овец, быков и свиней. Большое распространение получило довольно развитое бронзолитейное производство. Различные нашивки и подвески из бронзы и серебра, которыми украшалась женская одежда, отличаются изяществом форм и рисунков. Свои поселения абашевцы устраивали на крупных берегах речных пойм и, как правило, вблизи лесов. Такое поселение раскопано археологами около села Старое Тимошкино Барышского района. Жили абашевцы в бревенчатых домах большими патриархальными семьями. По антропологическому типу они, как и фатьяновцы, относятся к европеоидной расе.

Взаимоотношения абашевцев с местным (волосовским и фатьяновским) населением не всегда были мирными. Найдены братские могилы, где похоронены люди одного племени, пораженные стрелами, употреблявши-

* По мнению ученых, абашевцы, как и фатьяновцы, своим происхождением связаны с племенами среднеднепровской культуры.

мися в другом племени. Так, в Пепкинском кургане были нохоронены 27 убитых абашевских воинов. В кургане у села Старое Ардатово в Мордовии также раскопана братская могила, где вместе с мужчинами похоронены женщины и дети (всего 7 человек), вероятно также погибшие во время схватки.

Срубные племена. В конце первой половины II тысячелетия до н. э. в Среднее Поволжье проникают степные ираноязычные племена, получившие название срубных *. Срубная культурно-этническая общность сформировалась в степях Нижнего Поволжья и Причерноморья. В поисках новых пастбищ срубники довольно быстро освоили значительную часть Левобережной Украины, Среднее Поволжье и Подонье. На территории нашей области они оставили очень много поселений, курганных могильников, кладов. К наиболее ранним памятникам этой культуры относятся ряд селищ на Свияге: Торфоболото I и III, Вырыпаевка I и II, Белый Ключ I, Луговое III, Абрамовка, Кувшиновка II, Русская Бектяшка I, Крестовое Городище (на Волге) и Зеленовка (на Утке), а также курганы у рабочего поселка Ишеевка, сел Кайбелы, Белорыбка, Елховый Куст, Уржумское.

Отличительной особенностью срубной культуры являлось небывалое развитие скотоводства и земледелия, которое почти совсем вытеснило охоту. В стадах преобладал крупный рогатый скот, но были также козы, овцы, лошади и свиньи. Об этом свидетельствуют находки и изображение колесницы на одном из сосудов Елховокустинского кургана. Для мотыжного земледелия использовались наиболее плодородные речные долины, но практиковалась и подсечная система.

У срубных племен значительного развития достигла металлургия меди и бронзы. Кроме сельскохозяйственных орудий труда здесь делались наконечники стрел, кинжалы, боевые топоры, долота и т. п. Очень широкое распространение получили кельты, благодаря их универсальному применению. В зависимости от того, в каком положении они надевались на ручку, кельты могли выполнять роль топора, тесла или мотыги.

Жилищами срубников служили землянки или полуземлянки. Основной общественной ячейкой была боль-

* Наименование этой культуры возникло от обряда захоронений покойников в бревенчатых срубах под курганными насыпями.

шая патриархальная семья. Несколько таких семей составляли род, проживавший в одном поселке.

Приказанские и поздняковские племена. В условиях развития новых, более производительных форм хозяйства в середине II тысячелетия до н. э. на территории Среднего Поволжья сформировались две очень близкие между собой археологические культуры позднебронзового века — приказанская и поздняковская. Территория формирования раннеприказанских племен была ограничена в основном Казанским Поволжьем и прилегающим участком Нижнего Прикамья, преимущественно на Левобережье Волги. На правом берегу Волги, в бассейне Оки, сложились поздняковские племена. Как приказанская, так и поздняковская культуры возникли на базе групп волосовской культурной общности при значительном воздействии срубных, абашевских и, вероятно, фатьяновских (балановских) племен.

С широким расселением приказанских и поздняковских племен по всей территории Среднего Поволжья в крае начала постепенно изживаться существующая прежде этническая пестрота. В последней четверти II тысячелетия до н. э. эти племена стали господствующими, что было вызвано, с одной стороны, их усилением в экономическом и культурном отношении, а с другой — ослаблением в силу разных причин абашевских, срубных, фатьяновских (балановских) племен, довлевших над всеми племенами края в середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э. Приказанские и поздняковские племена заложили этническую основу многих современных финноязычных народов края.

На территории нашей области памятников поздняковской культуры пока не обнаружено. Приказанская же культура представлена такими поселениями, как Гулькин Бугор, Старая Грязнуха I и II, Змеиный Остров (бассейн р. Майны), Кайбелы I близ устья реки Калмаюр и Коржевка на реке Суре *. Племена приказанской культуры были первыми племенами местного происхождения, широко освоившими производящие отрасли хозяйства — земледелие, скотоводство, металлургию.

---

* Река Сура являлась естественной границей между приказанскими и поздняковскими племенами. Наиболее близкие к нам из известных поздняковских памятников — Пензенская стоянка на Верхней Суре и Зимняя Шишка в долине р. Алатыря.

Общественные отношения приказанских племен находились на патриархально-родовой стадии с зачатками ранней формы военной демократии в конце развития культуры. В позднеприказанских могильниках стали обычными коллективные захоронения, которые, возможно, следует рассматривать в качестве погребений одной патриархальной семьи. Она постепенно превратилась в решающую экономическую силу общества, так как в руках ее членов уже сосредоточивались основные орудия производства.

Ожесточенная борьба с пришлыми племенами способствовала образованию племенных союзов, которые заботились об обороне своих земель, защите родового имущества и коллектива. В условиях постоянной угрозы внешних нападений постепенно усилилась военная организация. Из родовых общин начали выделяться наиболее способные и сильные воины, которые со временем стали представителями военной знати.

Конец эпохи бронзы характеризуется налаживанием тесных культурных связей средневолжского населения с племенами Урала, Западной Сибири, Северного Кавказа и других районов страны.

Железный век

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. впервые «человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории... Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»[6].

Ананьинские и городецкие племена. В IX—VIII вв. до н. э. на основе позднеприказанских племен на огромной территории Волго-Камского бассейна сформировались племена, культура которых получила название ананьинской *. Большая часть их поселений и могильников распространена по Левобережью Средней Волги.

---

* Ананьинская культура названа по с. Ананьино Татарской АССР, где был раскопан первый могильник этой культуры.

В западной правобережной части Среднего Поволжья в VIII—VII вв. до н. э. на основе поздняковской образовалась городецкая культура *, племена которой в дальнейшем широко расселились вплоть до Саратовского Поволжья.

Поселения ананьинских и городецких племен располагались обычно по долинам крупных рек. Они занимали высокие мысы берегов и имели искусственные укрепления — глубокий ров и высокий земляной вал. Такого рода укрепленные поселки, называемые городищами, в нашей области обнаружены у Ундор, Поливны, Старой Майны на Волге, Малой Кандарати, Гулюшева, Лавы, Атяшкина в бассейне реки Суры и во многих других местах. Каждый поселок состоял из нескольких полуземлянок или наземных домов и различных хозяйственных и общественных сооружений.

Хозяйство как у ананьинцев, так и у городецких племен носило комплексный характер, то есть здесь сочетались земледелие, скотоводство, охота, рыболовство и собирательство. Кроме мотыжного земледелия применялась подсечно-огневая система. Земледелие из подсобного промысла, являющегося делом рук женщин, стало одной из ведущих отраслей хозяйства, которой начал заниматься мужской коллектив родовой общины. В скотоводстве лошадь превратилась в тягловое и верховое животное, о чем свидетельствуют находки элементов конской упряжи.

На большинстве городищ и в могильниках (ананьинцев**) находят следы металлургического производства. Железо добывалось из местных болотных руд и выплавлялось сыродутным способом. Из него готовили не только орудия труда, но и несложные части костюма, например застежки. Мастера-кузнецы делали и украшения, преимущественно из меди или бронзы.

Характерной чертой керамики городецкой культуры являются отпечатки вязаных тканей и рогожи на поверхности изделий. Ананьинцы же лепили различной величины круглодонные чаши и горшки, часто украшенные по венчику ямочно-шнуровыми узорами.

* Городецкая культура названа по с. Городец Рязанской области, где было раскопано первое городище этой культуры.

** Погребальный обряд городецких племен до сих пор остается исторической загадкой: пока не найдено ни одного погребения.

На городецких городищах найдены вещи, сделанные по привозным образцам. Среди обломков грубой посуды выделяются осколки чаш из хорошо промешанной глины и с орнаментацией, не свойственной местной посуде. Эти чаши были или сделаны по образцу сарматской керамики, или завезены от соседей. Предметы, изготовленные в Причерноморье, на Кавказе, в горах Алтая и даже на берегах Нила, сегодня находят и при раскопках ананьинских памятников.

На жизнь городецких и ананьинских племен существенное влияние оказывали процессы, проходившие в лесостепи и степи, где господствовали скифский и сарматский племенные союзы, стоявшие в преддверии образования своего государства. Об этом свидетельствуют не только вещественные, но и письменные источники. По сведениям Геродота, соседние со скифами племена принимали непосредственное участие в политических событиях того времени (например, при отражении нашествия войск персидского царя Дария в 512 г. до н. э.). Исчезновение в Правобережье ананьинского населения в конце VI в. до н. э. некоторые исследователи связывают с тем, что Дарий, преследуя скифов, остановился вблизи земель, заселенных фиссагетами — городецкими племенами. Не выдержав опустошения со стороны скифов, которые обходили персов с севера, большая часть волжских правобережных ананьинцев ушла на восток и север в Прикамье и Поветлужье. Оставшаяся часть ананьинцев смешалась с городецким населением.

О фиссагетах — городецких племенах Геродот говорит как о народе особенно многолюдном. И действительно, сформировавшись на территории Средней и Нижней Оки, эти племена впоследствии обширно расселились по Волго-Донскому междуречью до уровня современного Саратова. Во второй половине I тысячелетия до н. э. племена городецкой культуры распались на ряд групп, каждая из которых занимала определенную территорию и имела свои специфические особенности. Такие локальные варианты этой культуры выделяются на Средней и Нижней Оке, в Чувашском и Саратовском Поволжье, на Самарской Луке, в пензенском и тамбовском краях и в Мордовии.

Родоплеменное общество городецкого населения во второй половине I тысячелетия до н. э. уже вступило на путь разложения. Жилые постройки, исследованные на

городищах этого периода, имеют небольшие размеры, что свидетельствует о выделении из крупной патриархальной семьи малой семьи, которая постепенно превращалась в отдельную хозяйственную единицу.

Городецкие племена поддерживали тесные контакты с соседями. Но если с ананьинскими, дьяковскими, юхновскими и другими племенами лесной полосы отношения строились на мирной основе, то со скифо-сарматским населением городецкие племена чаще всего вступали в ожесточенные столкновения. В поисках живого товара для пополнения рынков работорговли в государствах-колониях Северного Причерноморья скифы и сарматы проникали и в наши края. Об этом говорят находки скифских стрел и другого наступательного оружия в толщах оборонительных сооружений городищ.

В конце I тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье начинают складываться более мелкие племенные союзы, ставшие затем основой для последующего формирования современных народов, в частности мордвы.

Глава II. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Племена и народы симбирского края в I тысячелетии н. э.

На рубеже новой эры культура населения Среднего Поволжья претерпела значительные изменения как в области хозяйства, так и в общественных отношениях. Постепенное развитие имущественного неравенства, скопление богатств в руках отдельных родовых коллективов порождало межплеменные и межродовые столкновения. Сильно возросла угроза внешних нападений.

Простиравшаяся на несколько сотен километров территория городецких племен была заселена крайне редко, в основном по руслам крупных рек. Родовые поселки были отделены друг от друга десятками, а иногда и сотнями километров. Это вызывало серьезные затруднения при отражении нападений извне. В таких условиях возникла необходимость в объединении разрозненных пле-

мен в более прочные племенные союзы с некоторым ограничением территории расселения. Уже в начале I тысячелетия н. э. под натиском пришедших в движение сарматских племен городецкое население оставляет территорию Саратовского Поволжья, Самарской Луки и консолидируется в бассейнах рек Оки, Мокши, Суры и Свияги. В этот период в жизнь городецкого населения западной части Среднего Поволжья заметные изменения внесли пьяноборские племена* Прикамья, которые с первых веков н. э. постепенно начали просачиваться в Западное Поволжье, растворяясь в местной среде.

Расселение древнемордовских племен. Началом I тысячелетия н. э. датируется ряд древнемордовских могильников, погребения в которых сопровождаются богатым инвентарем, состоящим из множества различных бронзовых и серебряных украшений одежды, головных уборов и обуви. Самыми древними памятниками такого типа являются Кошибеевский, Сергачский, Криушинский, Селиксенский, Абрамовский могильники и погребения Андреевского кургана, ранние вещевые комплексы которого датируются I—III вв. н. э.

Консолидация древнемордовских племен привела во второй половине I—II в. н. э. к образованию нескольких племенных союзов. Одна из групп сформировалась в Правобережье Чувашского Поволжья. Другая крупная племенная группа мордвы локализовалась в бассейне реки Суры с центром в верхней части ее течения; эта группа взяла под контроль юго-восточную часть территории Западного Поволжья, занятого в прошлом городецкими племенами. Третья группа расселилась по реке Оке с центром в ее среднем течении, заняв, таким образом, северо-западную часть ареала городецкой культуры.

По вопросу о генетической связи между городецкой и древнемордовской культурами существуют различные мнения. Однако все исследователи согласны с тем, что коренной смены населения в западной части Среднего Поволжья в начале I тысячелетия н. э. не произошло.

---

* Пьяноборская культура названа по с. Пьяный Бор (ныне Красный Бор) Татарской АССР, где был раскопан первый могильник данной культуры. Она сформировалась во II в. до н. э. в Прикамье в результате распада ананьинского племенного союза и просуществовала до конца III в. н. э.

Первоначально материальные культуры вышеуказанных племенных союзов древней мордвы мало чем отличались одна от другой. Но уже к середине I тысячелетия н. э. между ними возникают заметные различия, которые прежде всего характеризуются южной ориентацией погребенных в присурской группе и, наоборот, северной — в окской. В связи с этим ученые установили, что присурская группа древнемордовских племен явилась основой для формирования мордвы-мокши, а окская — мордвы-эрзи.

Процессы этнической консолидации древнемордовских племен находились в тесной взаимосвязи с дальнейшим развитием хозяйства и общественных отношений. В начале I тысячелетия н. э. наряду с укрепленными поселениями (городищами) получили распространение неукрепленные поселки — селища. Новые места жительства стали возникать уже вне территорий древних групп, в промежутках между ними. Для этого же времени характерно сочетание нескольких селищ и одного городища. Дальнейший прогресс в развитии производительных сил, и в первую очередь повсеместное распространение и совершенствование металлургии, привели к появлению индивидуальных форм обработки земли, которые быстро вытесняли первобытные коллективные формы. Процесс индивидуализации проходил и в других отраслях хозяйства: в скотоводстве, охоте и рыболовстве. Все это в конечном счете обусловило интенсивное разрушение основ первобытнообщинного строя.

Погребальный инвентарь многочисленных древнемордовских могильников, имеющий заметные различия в разных частях их ареала, свидетельствует о наличии устойчивых союзов племен. Значительное количество импортных вещей, обнаруженных в могильниках, доказывает развитие торгового обмена, а это, в свою очередь, говорит уже об известном накоплении прибавочного продукта.

С образованием союзов племен участились и усилились межплеменные столкновения, что сопровождалось возведением на городищах первой половины I тысячелетия н. э. дополнительных укреплений. «Война, которую раньше вели только для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [7]. В этих условиях особенно возросли роль и значение пле-

менных вождей, которые, пользуясь своим привилегированным положением, постепенно захватывали власть.

Материалы уже самых ранних древнемордовских могильников свидетельствуют о неравенстве среди населения. Оно нашло свое отражение в могильном инвентаре, устройстве самих могил, где наряду с обычными выделяется особая группа захоронений, отличающаяся пышностью погребального ритуала, большим количеством вещей, в том числе импортных. Племенная знать даже своих детей хоронила в более глубоких и богатых могилах, по сравнению с могилами взрослых, но явно бедных соплеменников.

В древнемордовском обществе существовали элементы рабства, правда очень примитивного, не выходившего за пределы домашнего хозяйства. Ярким свидетельством этого является погребение Андреевского кургана, где с особой пышностью был похоронен вождь в сопровождении двух тяжеловооруженных воинов и раба.

В целом образование постоянных племенных союзов у мордвы имело положительное значение для общественно-экономического развития края в первой половине I тысячелетия н. э.

Именьковские племена. В 375 г. в пределы Европы вторгся кочевой народ — гунны. Нашествие гуннов сдвинуло со своих насиженных мест крупные массивы этнических групп как в Восточной, так и в Западной Европе и положило начало целой эпохе, получившей в истории условное название эпохи Великого переселения народов. Кочевники разрушили все культурные центры на юге нашей страны, способствовали обновлению населения и на территории Среднего Поволжья. К этому времени исследователи относят появление позднесарматского (сармато-аланского) населения в северных районах Саратовской, Куйбышевской и южных районах Ульяновской области. Однако наиболее многочисленную часть жителей Среднего Поволжья, наряду с мордвой, составляли племена именьковской культуры *. В настоящее время известно около 400 поселений именьковцев и фактически один достаточно хорошо изученный могильник — Рождественский.

* Именьковская культура названа по первому городищу, исследованному у с. Именьково Лаишевского района Татарской АССР.

Основные памятники именьковской культуры находятся в низовьях реки Камы и на прилегающем участке Волги от нижнего течения реки Свияги на севере до Самарской Луки на юге. Западная граница именьковских племен доходила до среднего течения Суры, восточная — до среднего течения реки Белой в Башкирии. На территории нашей области почти все именьковские поселения расположены группами по берегам рек Волги, Утки, Майны, Большого Черемшана, Суры, Барыша и Свияги. В центральной части каждой такой группы находится городище, вокруг него — до трех-четырех неукрепленных селищ. Как правило, культурные слои селищ значительно мощнее и богаче находками, чем слои городищ. Это свидетельствует о том, что именьковцы жили в основном в неукрепленных поселках, а городища использовались ими как убежища в период военной опасности и хранилища припасов. Характерным является и то, что большинство именьковских городищ были сооружены в более раннее время племенами городецкой культуры.

Из многочисленных известных именьковских поселений Ульяновской области частичному археологическому обследованию подвергались, к сожалению, очень немногие. Это городища и селища у сел Гулюшево, Морга, Малая Кондарать, Малиновка, Грязнуха, Поливна, Ундоры и у рабочего поселка Старая Майна. Поселки именьковцев состояли из нескольких полуземлянок, наземная часть которых представляла собой бревенчатые срубы с двух- или четырехскатными крышами. Внутри жилищ имелись очаги, а рядом с жильем —хозяйственные постройки и глубокие ямы цилиндрической формы — зернохранилища.

Основными отраслями хозяйства у именьковцев были земледелие и скотоводство. Именьковцы первыми из племен и народов Среднего Поволжья освоили пашенное земледелие. Больших успехов достигли они в развитии металлургии, в гончарном и косторезном деле.

Своеобразен погребальный обряд именьковцев. Умерших соплеменников они сжигали. Затем прах и несгоревшие украшения высыпали в могилу небольших размеров, ставили туда один либо два сосуда и закапывали. Огромное кладбище таких погребений исследовано у села Рождественное в низовьях Камы.

По вопросу об этнической принадлежности именьков-

ских племен до сих пор нет единого взгляда. Одни исследователи считают их потомками местных городецких племен, другие видят в них древних угоро-мадьяр, третьи — древнейших тюрков, проникших в Среднее Поволжье в результате Великого переселения народов. Однако наиболее обоснованной является точка зрения А. П. Смирнова и других исследователей, считающих, что это культура финно-угорского облика, сформировавшаяся на позднегородецкой основе.

В общественном строе именьковцы переживали период интенсивного разложения первобытнообщинного строя. Родовая община у них уже перестала быть основной хозяйственной ячейкой. Развивалась первобытная соседская община, когда производство основывалось на коллективном труде больших патриархальных семей, а потребление шло уже по отдельным семьям, что неумолимо вело к созданию отношений классового характера. Однако история распорядилась иначе. К VIII в. н. э. именьковская культура прекращает свое существование. Причины столь быстрого упадка пока не вполне установлены. Но ясно то, что такой огромный этнический массив не мог в короткий срок оставить свою территорию. Вероятнее всего, именьковцы были частично ассимилированы жившим здесь древнемордовским населением (мордвой-мокшей), а значительная их часть растворилась среди пришлых тюркоязычных племен во главе с булгарами.

Племена и народы симбирского края в конце I — начале II тысячелетия н. э.

В VIII в. в Среднее Поволжье из Прикамья проникает новое население — финно-угорские племена поломской и ломоватовской культур, черты которых хорошо прослежены археологами в Танкеевском могильнике, расположенном на границе Татарской АССР и Ульяновской области. В это же время появляются здесь и ранние болгары (булгары).

Булгары. Болгарский племенной союз сложился в Приазовье в результате ассимиляции сармато-аланского населения тюркоязычными племенами, вторгшимися туда еще в начале Великого переселения народов. Данный союз во главе с ханом Кубратом был основан в 635 г.

В течение VII в. под его контролем находились земли Северного и Восточного Приазовья, Нижнего Дона и Прикубанья. Однако это государство просуществовало недолго. Междоусобная борьба, мощные удары, нанесенные с востока усилившимся Хазарским каганатом, и начавшееся нашествие арабов подорвали его мощь. Значительная часть болгар во главе с ханом Аспарухом в конце VII в. ушла на запад и поселилась за Дунаем на границе с Византийской империей. Почти одновременно с этим началось переселение другой крупной группы болгар и алан на северо-восток. К VIII в. они заняли территорию прибрежной зоны среднего течения Волги, а к началу IX в. — и все Нижнее Прикамье. Здесь первоначально булгары* продолжали вести полукочевое хозяйство. Однако под влиянием местных финно-угорских племен, с которыми началось интенсивное смешение пришельцев, последние перешли к оседлому образу жизни. За сравнительно короткий промежуток времени они ассимилировали местное земледельческое население, основную массу которого составляли племена именьковской культуры. Главными занятиями булгар стали пашенное земледелие, скотоводство и различные ремесла. Фактически к концу IX в. булгары установили политическую гегемонию над всеми финно-угорскими племенами Среднего Поволжья и Прикамья, которые находились на пороге образования собственной государственности.

Быстрое развитие скотоводства, пашенного земледелия и металлургии способствовало усилению булгарской военно-племенной знати, которая постепенно превращалась в господствующий класс. В X в. процессы складывания новых общественных отношений завершились образованием феодального государства под названием Волжская Булгария. В 921—922 гг. здесь была принята официальная религия — мусульманство. По всей территории государства с X в. возникают многочисленные селища и городища. Наряду с ними появляются и города, такие, как Булгар, Биляр, Сувар, Ошель, Джукетау, Балымат, Кашан и др.

Территория нынешней Ульяновской области почти полностью входила в состав Волжской Булгарии. Архео-

* Трансформированное название группы болгар, осевших в бассейнах Волги и Камы.

логические памятники ранних булгар найдены и исследованы у населенных пунктов Хрящевка, Криуши, Кайбелы, Андреевка, Красный Яр, Б. Пальцино, М. Пальцино, Архангельское, Старая Майна, Красная Речка, Кокрять, Ундоры и др. Наиболее интересные материалы добыты в результате археологических раскопок Кайбельского могильника, в погребальном инвентаре которого наряду с булгарскими вещами были обнаружены вещи, характерные для местных племен. Эти материалы наглядно отражают процессы ассимиляции местного населения булгарами. Подобные находки встречены археологами у села Зеленовка и на Балымерском городище, связываемом некоторыми исследователями с городом Балыматом.

Итак, к X в. булгары ассимилировали население значительной территории: к югу от Камы — до Самарской Луки включительно, на восток — почти до реки Белой, на запад — до реки Свияги. На остальной территории области по правому берегу Средней Волги продолжала жить мордва-мокша, хотя и не включенная в состав государства, но попавшая в зависимость от него.

Постепенно расширяя свою территорию в X—XI вв., Волжская Булгария вытеснила из Присурья мордву-мокшу в бассейн рек Мокши и Цны. Значительная часть мордвы вошла в состав государства и была тюркизирована.

В IX — первой половине X в. Волжская Булгария находилась в зависимости от Хазарского каганата и вынуждена была выплачивать ежегодную дань. Даже сын булгарского царя находился в качестве заложника в Итиле. После восточных походов киевского князя Святослава и разгрома Хазарии в 965 г. Волжская Булгария начала развиваться как самостоятельное государство.

В XI—XII вв. государство волжских булгар переживало эпоху наивысшего расцвета. Города его стали крупнейшими экономическими, торговыми и культурными центрами Восточной Европы. Волжская Булгария установила экономические и торговые связи с Русью и государствами Средней Азии. В это время в Среднем Поволжье начали появляться первые русские поселения. Интересный памятник пребывания русских на Волге был открыт при исследовании города Булгара. Это целый квартал, в котором когда-то жили русские ре-

месленники и торговцы, с русскими жилищами, посудой, с набором русских украшений, с шиферными крестиками и инструментами ювелиров.

Не менее интересно Березовское селище, открытое в низовьях реки Усы. Здесь также было обнаружено большое количество русской курганной посуды XI—XIII вв., шиферный крестик-энколпион, остатки жилищ наземного типа и землянок, конструкции которых хорошо известны по русским поселениям, исследованным в Суздале и Владимире. Березовский памятник интересен сочетанием культуры мордовских племен с культурой древней Руси. Здесь, по-видимому, жили люди, не смирившиеся с феодальными порядками у себя на родине и искавшие лучшей доли на чужбине.

Обломки посуды славянского типа XII в. найдены и на Зеленовском селище близ Старой Майны. В отдельных местах нашей области обнаружены плетеные браслеты, также характерные для Древней Руси.

Буртасы. Южные районы области в X—XI вв. были заняты буртасами. К сожалению, археологические памятники этой культуры пока еще не выделены, и о ней нам сообщают лишь немногочисленные письменные источники. Наиболее полные сведения о буртасах приводит Ибн-Русте*: «Земля буртасов лежит между хазарской и булгарской землями на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10 тысяч всадников. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законной; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях. Настоящим образом подчиняются они царю хазар. Земля их просторна и изобилует лесистыми местами. На булгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги... Вера их похожа на веру гузов. Собою они стройны, красивы и дородны. Если один из них обидит другого, или оскорбит, или поранит ударом или уколом, соглашения или примирения между ними не бывает, прежде чем (потерпевший. — *Ред.*) не отомстит обидчику. Девица у них, когда войдет в лета, перестает повино-

* Ибн-Русте — под этим именем вошел в историю иранский путешественник, ученый и писатель Абу-Али-Ахмед-Ибн-Омар, живший в конце IX — начале X в.

ваться отцу и сама по желанию своему выбирает себе кого-либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к ее отцу жених, который сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в замужество. Буртасы имеют верблюдов, богатый скот и много меду. Главное же их богатство состоит в куньих мехах. Одни буртасы сжигают покойников, другие хоронят. Земля, ими обитаемая, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней хелендж (береза). Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще. Страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути»[8].

Буртасы как сильный и многочисленный племенной союз упоминаются и в трудах других восточных авторов X в.

Что касается этнической принадлежности этого народа, различные исследователи сопоставляли его с мордвой, с мадьярами, с чувашами, с татарами-мишарями и даже с чеченцами. Однако большинство исследователей считают, что археологические, этнографические и топонимические сопоставления доказывают близость буртас с мордвой, и прежде всего с мордвой-мокшей.

Судя по материалам источников, буртасы в отличие от соседей-булгар находились еще на стадии первобытнообщинного строя. Развитие классовых отношений у них, по-видимому, задерживалось постоянной борьбой то с хазарами, то с булгарами.

В целом археологические и письменные источники свидетельствуют, что накануне монголо-татарского нашествия край переживал период экономического и культурного подъема.

Глава III. СИМБИРСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ИГА И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (1236—1552 гг.)

Монголо-татарское нашествие. Под игом Золотой Орды

В 1206 г. в Центральной Азии образовалась огромная феодальная империя Чингисхана. Она открыла полосу монгольских завоеваний, которым подверглись мно-

гие азиатские и часть европейских стран, в том числе Волжская Булгария и Русь. «Не было от сотворения мира, — писал об этих завоеваниях современник, арабский писатель Ибн-Аль-Асир, — катастрофы более ужасной для человечества...» [9].

После покорения Южной Сибири, Северного Китая, Средней Азии и Закавказья орды Чингисхана во главе с полководцами Судебеем и Джебе в 1223 г. появились на юге Восточной Европы. В приазовских степях на реке Калке объединенные русско-половецкие войска подверглись полнейшему разгрому, после чего ордынцы получили возможность беспрепятственно двигаться на запад, по направлению к Киевской Руси. Они разгромили южную часть Переяславского княжества, но дальше не пошли и повернули на северо-восток, опять пересекли половецкую степь и вышли в пределы Среднего Поволжья, Волжско-Камского булгарского царства.

Волжская Булгария давно привлекала своими богатствами ордынскую знать. Судебей и Джебе направились сюда с целью разведки, чтобы определить, насколько серьезное сопротивление могут встретить ордынские войска при попытке завоевания этого государства. По лесостепным просторам Правобережья Волги, по территории нынешних Николаевского, Кузоватовского, Тереньгульского и Сенгилеевского районов пришельцы пересекли южную часть Волжской Булгарии, переправились на левый берег Волги и на некоторое время остановились в низовьях Черемшана. Отсюда четырехтысячный отряд ордынцев двинулся на север, к городу Булгару.

Булгары следили за приближением противника, готовились к встрече с ним. По свидетельству того же Ибн-Аль-Асира, они устроили засады и, обманув врагов, напали на них с тыла; в результате было «перебито их (ордынцев. — *Ред.*) множество, и уцелели из них только немногие» [10]. Это сражение произошло в пределах нынешних сел Озерки и Андреевка Чердаклинского района. Потерпев неудачу, ордынцы повернули на юг и по левому берегу Волги ушли в прикаспийские степи, а оттуда — на свою далекую родину.

Несколько лет завоеватели не появлялись в Восточной Европе. В этот период умер Чингисхан. Насильно сколоченная им империя распалась на отдельные княжества — улусы. Между ними разгорелась борьба. Когда же внутренняя междоусобица стихла, ордынская знать

приступила к организации похода на запад с целью покорения Волжской Булгарии, русских княжеств и других европейских государств. Этот поход требовал серьезной подготовки и объединения сил монголо-татарских племен. Улус Джучи — сына Чингисхана — переместился в низовья реки Урала, на границу с Восточной Европой, откуда предпринимались разведывательные вылазки на прикаспийские и булгарские земли. Первая из таких вылазок состоялась в 1229 г.

Булгары делали все, что могли, для своей защиты. На южных границах своего государства они построили укрепленные линии большой протяженности с крепостями, в которых находились значительные воинские гарнизоны. И когда в конце лета 1232 г. многотысячная орда монголо-татар попыталась прорваться сквозь эти укрепления, ее постигла полная неудача. Завоевателям пришлось откатиться в безлюдные степи и там зазимовать. Они поняли, что покорить Волжскую Булгарию силами одного улуса, даже такого мощного, как улус Джучи, невозможно.

Сознавая огромную опасность, нависшую над их страной и другими странами Восточной Европы, булгары обратились к русским князьям с призывом объединиться и сообща подготовиться к отпору. Но созданию такого союза помешали феодальная раздробленность Руси и недооценка русскими князьями действительной мощи Орды.

На съезде (курултае) ордынской знати в 1235 г. было окончательно принято решение идти в поход на Европу. Для осуществления этого плана стягивались войска всех улусов. Запасалось оружие. Усиленно велась разведка. Поход возглавил внук Чингисхана Батый.

С наступлением весны 1236 г. «бесчисленное множество всадников, неисчислимые стада, бесконечные обозы с военным снаряжением и осадными машинами лавиной двинулись на запад. Дрожала земля под ударами миллионов копыт, не слышно было человеческого голоса за ржанием коней, мычанием коров и криками верблюдов. Огромное войско, пополняясь в пути все новыми и новыми ордами, шло до Волги несколько месяцев и только осенью в пределах Булгарии соединилось с войсками «улуса Джучи» — владения Батыя»[11]. Так началось страшное монголо-татарское нашествие. В состав ордынской армии кроме монгольских и татарских

племен входили племена уйгур, тангутов, туркмен, кипчаков и многие другие — часть из них по принуждению, другие добровольно.

Перед объединенными силами завоевателей булгарские укрепления долго устоять не могли. Преодолев их, ордынцы начали покорять Левобережье Волги — основную территорию Волжской Булгарии. Благодаря мужественному самоотверженному сопротивлению булгар и других народов края почти каждый населенный пункт, особенно если это был город, доставался врагу ценою огромных потерь. Озлобленные этим ордынцы стали применять тактику облав. Оцепив определенную территорию кольцом, они двигались к ее центру, уничтожая все на своем пути. Редко кому из местных жителей удавалось ускользнуть от врага и скрыться в лесах и оврагах. Особенно беспощадному уничтожению подвергались города, которые представляли собой наиболее опасные очаги сопротивления. Богатый цветущий край превращался к пустыню.

Самые ожесточенные сражения произошли на подступах к столице Волжской Булгарии — на территории современных Старомайнского района Ульяновской области и Куйбышевского — Татарской АССР. О судьбе города Булгара в одной из русских летописей говорится: «В лето 6744 (1236. — *Ред.*)... Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии татары, и взяша славный великый город болгарьский и избиша оружьем от старца... и до сущаго младенца, взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша»[12].

Спасаясь от гибели и плена, оставшиеся в живых обитатели края бежали в леса и непроходимые болота, в соседние русские княжества, в черемисские лесные дебри, куда степняки предпочитали не забираться.

До весны 1237 г. многотысячная масса ордынцев располагалась на волжском Левобережье. Затем монголо-татары переправились на правый берег. Участь булгар постигла населявших Правобережье буртасов, мордву и марийцев, за ними и русские княжества. После почти шестилетней кровавой экспедиции по Восточной и Центральной Европе, в 1242 г. завоеватели возвратились на территорию нашего края с намерением поселиться здесь навсегда. Но уже в 1247 г. они ушли в прикаспийские степи, природные условия которых являлись более при-

годными для их образа жизни. Там они окончательно осели и создали свое государство — Золотую Орду. Часть ордынцев возвратилась в Азию. Для продолжения завоеваний они не имели достаточно сил. Русский и булгарский народы в самоотверженной борьбе с монголо-татарами обескровили их, непоправимо подорвали их военное могущество и спасли, таким образом, от порабощения Западную Европу.

Однако Золотая Орда была достаточно могущественна, чтобы удерживать в своих руках завоеванные земли. Ее владения казались безграничными, хотя сама Орда занимала сравнительно небольшую территорию — низовья Волги и прикаспийские степи. Отдельные отряды ордынцев иногда появлялись в приазовских степях, еще реже — в степной заволжской части нашего края. Тем не менее власть ордынской знати тяжким гнетом придавила народы почти всей Восточной Европы. В истории этих народов наступил мрачный период золотоордынского ига.

Масса завоевателей не была однородной. Объединенные монгольскими ханами силой оружия, монгольские племена находились на различных уровнях развития, но в целом все они стояли значительно ниже уровня развития русского и булгарского народов. Изменить или хотя бы существенно повлиять на общественно-политический строй и хозяйственную деятельность покоренных народов они не могли. Поэтому русские княжества, Волжская Булгария и другие государства оказались в вассальной зависимости от Золотой Орды, сохранив и свои старые границы, и образ жизни, и систему государственного управления. Над всем этим простиралась верховная власть золотоордынских ханов, державшаяся на силе оружия и жесточайшем терроре.

После нашествия Батыя остатки населения края возвращались к родным пепелищам. Отстраивались города и села. Восстанавливалась экономика. Золотоордынские ханы не препятствовали этому, облагая жителей возрожденных сел и городов высокой данью — ясаком. Кроме ясака, который являлся поголовной податью, покоренные народы были обязаны выплачивать и другие сборы и пошлины: внутреннюю таможенную, подводную, дорожную, строительную и т. п. Для более успешного сбора податей и пошлин в 50-е гг. XIII в. ордынцами была проведена тщательная поголовная перепись населения, от ко-

торой было освобождено лишь духовенство. Перепись и обложение данью сопровождались злоупотреблениями переписчиков, нередко приводили к кровавой резне.

Собирали дань с местных жителей баскаки — наместники хана, которые селились под охраной больших военных отрядов отдельными слободами в наиболее крупных населенных пунктах. Они пользовались правом набирать в свои отряды молодых мужчин из числа местного населения в таком количестве, какое считали необходимым. Это право баскаков ложилось еще одной тяжелой повинностью на покоренных. Баскаки, являясь представителями ханской власти на местах, контролировали дела булгарских князей, следили за тем, чтобы население края постоянно пребывало в покорности и страхе перед завоевателями. В определенные сроки в сопровождении военных отрядов баскаки отправлялись за данью. К их появлению жители края должны были приготовить все, что полагалось: хлеб, скот, деньги, ремесленные изделия, пушнину, мед и многое другое. Дни сбора дани превращались в массовые экзекуции, сопровождались жестокими казнями. Огромные партии должников, закованных в цепи и колодки, баскаки отправляли в Золотую Орду в пожизненное рабство. Еще большему произволу стали подвергаться золотоордынские данники, когда в XIII в. сбор дани стал отдаваться на откуп мелким ордынским феодалам.

Ордынское нашествие принесло народам края огромные бедствия. Были сожжены и разрушены многие города и села. В борьбе с завоевателями погибли или были угнаны в плен многие тысячи людей. Ордынцы разграбили и уничтожили почти все хозяйственные и культурные ценности. Огромный ущерб был нанесен сельскому хозяйству и ремесленному производству. «Дикое поле» — так стала именоваться часть территории Волжской Булгарии, заселение которой вновь было осуществлено только в XVII в., после присоединения края к Русскому государству. Надолго прекратились торговля и культурные связи народов Восточной Европы по Волжскому речному пути и традиционным караванным дорогам, соединявшим Восток с Западом. Там, где население в небольшом количестве сохранилось, оно испытывало огромные тяготы существования под золотоордынским игом.

Но и в таких условиях народы Волжской Булгарии восстанавливали и развивали экономику и культуру, не-

смотря на то что многие достижения прошлого в результате пережитых бедствий были утрачены. Так, в сельском хозяйстве исчез трехпольный севооборот. В результате уничтожения или угона в плен многих мастеров-ремесленников ухудшились и даже были полностью забыты технологии ряда ремесленных производств. И все-таки жизнь продолжалась. Археологические раскопки свидетельствуют о том, что булгарские и мордовские села золотоордынского периода были крупнее прежних, больше появилось жилищ из дерева. Найденные женские украшения говорят о высоком мастерстве ремесленников, о восстановленных торговых связях между городами и селами. Кроме пшеницы, проса, ячменя крестьяне стали сеять новые культуры: рожь, овес, чечевицу и горох. Все разнообразней и красивей становилась одежда.

К XIV в. был восстановлен и достиг особенно высокого расцвета город Булгар, получивший в связи с этим наименование Великого Булгара. Город был заново обнесен мощными укреплениями — валом, рвом, дубовыми крепостными стенами с башнями. Над крышами домов высились стройные белокаменные минареты, купола богато изукрашенных мечетей. Главные улицы и площади были вымощены каменными плитами и кирпичом. Дома булгарских феодалов и купцов заполнялись красивой мебелью, дорогой утварью, богатой одеждой. В городе появилась сложная водопроводная система. Ремесленные мастерские, домницы для плавки металлов, гончарные печи снабжали горожан и даже жителей отдаленных сел самыми разными товарами. В Булгар опять устремились купцы из городов Европы и Азии. Наладилась чеканка золотых, серебряных и бронзовых монет. Булгарские ремесленники начали пользоваться токарным станком, овладели секретами плавки чугуна. Развивались декоративно-прикладные искусства.

Все это до поры не беспокоило золотоордынских ханов и их наместников. Ордынцы сами торговали с булгарами, попадали под влияние более высокой булгарской культуры. Когда же развитие хозяйства и торговли приводило к заметному усилению покоренных народов и начинало угрожать золотоордынской гегемонии, монголо-татары предпринимали так называемые «рати» — опустошительные набеги, мало чем отличавшиеся от нашествия Батыя в 1236 г. Северо-Восточная Русь, на-

пример, за последнюю четверть XIII в. пережила 14 таких набегов. «Ратям» подвергалась и территория Симбирского Поволжья. Особенно жестоким и разорительным было нашествие в 1361 г. под предводительством хана Булак-Тимура. Многие города и села Среднего Поволжья после этого уже не возродились, а Великий Булгар навсегда утратил значение столицы. Резиденция хана была перенесена в более безопасное место. Так появился город Новый Булгар, названный впоследствии Казанью.

Анализируя политику золотоордынских ханов в завоеванных странах, К. Маркс писал, что ордынцы «установили господство систематического террора, основами которого являлись опустошения и массовые избиения... Так как в сравнении с их колоссальными завоеваниями они были немногочисленны, то... путем повторной резни они уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу» [13].

Со второй половины XIV в. из-за непрекращающейся освободительной борьбы покоренных народов и внутренних феодальных междоусобиц в Золотой Орде начался период упадка и распада. К концу века в азиатских степях появился новый завоеватель — Тамерлан. Покорив Среднюю Азию и Персию, он вторгся в Закавказье, где на реке Тереке наголову разбил ордынцев. Преследуя их остатки, Тамерлан вышел к низовьям Волги, разгромил столицу ордынцев — город Сарай-Бату, чем еще более подорвал могущество Золотой Орды.

Пользуясь распрями в Золотой Орде и ее ослаблением, русские княжества — а среди них прежде всего Московское — усилили подготовку к свержению ненавистного ига. Дальнейшее развитие Руси было чрезвычайно затруднено тем, что Волга — важнейший военный и торговый путь в Восточной Европе — находилась в руках булгар и ордынцев и не могла быть использована в интересах русского народа. С целью присоединения Волги и Поволжья к Руси в XIV—XV вв. были возобновлены прерванные нашествием Батыя русские походы на Волжскую Булгарию. Рассчитывая на то, что русско-булгарские столкновения ослабят и русских и булгар, золотоордынские ханы им не препятствовали.

Задача присоединения Среднего Поволжья решалась русскими князьями не только с помощью военной силы. При добровольном содействии мордовских племен осу-

шествлялось постепенное продвижение русских на Волгу южнее и юго-восточнее Нижегородского княжества. Русские поселенцы приступили к освоению земель вплоть до впадения Суры в Волгу. Для их защиты в 1372 г. был построен город-крепость Курмыш. На этой территории стали появляться монастыри. Происходила раздача земель боярам. Значительная роль в подготовке присоединения Средней Волги к Русскому государству принадлежала умелой русской дипломатии, сумевшей создать так называемую «русскую партию» среди феодальной верхушки Волжско-Камского булгарского царства.

В 1431 г. войска московского князя Василия II нанесли самый решительный из всех бывших до этого удар по Волжской Булгарии. От Великого Булгара остались только развалины, сохранившиеся до наших дней под названием Булгарского городища. Нужно было приложить еще сравнительно небольшие усилия, и Среднее Поволжье было бы присоединено к Руси. Однако спустя шесть лет после разгрома Волжской Булгарии войсками московского князя край оказался под властью Казанского ханства.

Симбирское Поволжье в составе Казанского ханства

Казанское ханство возникло в 1436—1437 гг. в результате начавшегося распада ослабевшей к тому времени Золотой Орды*. Основателем его стал один из наиболее крупных золотоордынских князей Улу-Мухаммед, возглавлявший трехтысячное войско. Он объявил о своей независимости, присвоил себе титул хана и ушел со своим отрядом в пределы Булгарского царства. Сюда же прибыли и семьи воинов со стадами и кибитками. Это было одно из татарских племен, для которых власть своего племенного князя являлась значительнее власти золотоордынских ханов. Так на остатках бывшего когда-то могущественным Волжско-Камского булгарского государства возникло Казанское ханство, получившее название по своей столице — городу Новому Булгару, или Казани.

* В конце XIV в. от Золотой Орды отделилось Ногайское ханство, в 1427 г. — Крымское ханство и т. д.

Через сравнительно короткое время Казанское ханство стало обширным и сильным. В его состав вошли кроме самих татар булгары, мордва, чуваши, удмурты, марийцы и др. Границы ханства простирались с запада на восток от Суры до Белой, с севера на юг — от Ветлуги до Сызранки. Таким образом, вся территория нынешней Ульяновской области входила в состав Казанского ханства. Вскоре Казань превратилась в один из наиболее крупных и богатых городов Восточной Европы. Огромные богатства скапливались у казанских феодалов в результате жесточайшей эксплуатации татарского народа и покоренных народов края, а также грабительских походов на Русь.

В Казанском ханстве сначала существовал военно-феодальный строй. Однако под влиянием булгар, у которых общественно-политический строй был более развитым, сложились феодальные отношения. Страной управлял хан, который считался самодержцем. В действительности его власть ограничивал диван (совет феодальной верхушки при хане), от решений которого зависели судьбы не только подданных, но и самих ханов. Огромной властью обладали татарское духовенство и многочисленное сословие чиновников, подразделявшихся более чем на 14 разрядов.

Кроме феодалов, духовенства, чиновников и их родни, трудовой народ Казанского ханства содержал крупные отряды дружинников. Положение широких масс усугублялось постоянными распрями между различными группировками знати, что нередко приводило к междоусобным вооруженным столкновениям. Особенно тяжело приходилось коренным народам края. Помимо феодального гнета они подвергались насильному отатариванию; их принуждали переходить в мусульманскую веру, отказываться от национальных традиций и обычаев, от родного языка, заставляли служить в войсках, участвовать в феодальных усобицах, в подавлении народных движений, в грабительских походах на соседей. Несколько легче было положение татарского народа. Но и он подвергался сильной эксплуатации.

Тяжелые формы угнетения народных масс нередко приводили к антифеодальным освободительным восстаниям. Особенно крупные восстания в Казанском ханстве произошли в 1531 и 1545 гг. Татарские феодалы подавляли их с неслыханной жестокостью.

Основу экономики Казанского ханства составляли сельское хозяйство, ремесло и торговля. Водные и караванные торговые пути, оказавшиеся в руках казанских феодалов, приносили им огромные доходы. Расширялись торговые связи с дальними и ближними странами Восточной Европы и Азии. На Казанскую ярмарку татарскими и иностранными купцами привозились многочисленные ремесленные изделия, продукты, пригонялись огромные табуны лошадей и стада овец. Самым же доходным делом считалась торговля «живым товаром» — русскими рабами-пленниками, которых только в одной Казани насчитывалось до 100 тыс. человек.

По уровню развития входивших в Казанское ханство народов после булгар стояли мордовские племена. В VII—VIII вв. часть мордовских племен, селившихся по Суре, оказалась в составе Волжской Булгарии. В XIV в. у мордвы не было еще не только городов, но и более или менее крупных сел. В одиноких жилищах, разбросанных по лесам, обитали большие мордовские семьи, занимавшиеся главным образом охотой, рыбной ловлей и бортничеством.

Чуваши населяли в основном Правобережье края. Их занятиями в период Казанского ханства являлись в основном охота и рыболовство, наряду с которыми уже были развиты земледелие и скотоводство, мало чем отличавшиеся от булгарских.

В первые десятилетия существования Казанского ханства Русь продолжала копить силы для свержения золотоордынского ига. И когда вместо слабых, раздробленных, враждовавших друг с другом многочисленных русских княжеств появилось созданное Москвой единое многонациональное, могущественное Русское государство, оно в 1480 г. окончательно сбросило с себя монголо-татарский гнет и приобрело, таким образом, возможность свободного всестороннего развития.

Сначала между Казанским ханством и Русским государством установились мирные отношения. Русь нуждалась в торговле с арабскими и среднеазиатскими странами, а торговые пути к ним — Волга и сухопутные караванные дороги — проходили через Казанское ханство. Между Казанью и Русью велась оживленная торговля. Казань закупала на Руси хлеб, сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия и многое другое. Русские купцы вывозили из Казанского ханства ме-

ха, изделия из кожи, лошадей, мед и ряд других товаров.

Однако к XVI в. отношения между этими двумя государствами резко ухудшились. Казанские ханы стали все чаще совершать грабительские набеги на русские земли, захватывая добычу и пленных. После присоединения мордовских и чувашских земель на Волге, Суре и Мокше Русь стала непосредственно граничить с Казанским ханством, которое северо-западными областями вклинивалось в юго-восточные территории Русского государства и постоянно угрожало даже Москве.

Опасный сосед вел себя агрессивно. Особенно участились набеги татар в 30—40-е гг. XVI в. Разорению подвергались не только села, но и города: Нижний Новгород, Муром, Владимир, Шуя, Кострома, Галич, Вологда, Устюг и др. Иногда объединенные силы татар прорывались к Москве. В одной из летописей того времени отмечалось, что Казань «допекала Руси хуже Батыева разорения; Батый только один раз протек Русскую землю, словно горящая головня, а казанцы беспрестанно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен»[14].

Чтобы обезопасить страну, русское правительство было вынуждено постоянно держать на казанском и крымском рубежах большие военные силы, строить дорогостоящие укрепленные оборонительные линии. Но и эти меры не всегда оказывались достаточно надежными. Мероприятия по охране границ приводили к истощению государственной казны.

По этим и многим другим причинам разгром агрессивного соседа и присоединение Среднего Поволжья к России стали задачей первостепенной важности. Данная задача была успешно решена в первые же годы царствования Ивана IV Грозного.

После серьезной военной и дипломатической подготовки в 1548 г. был совершен первый поход на Казань. Он носил скорее разведывательный характер и победного результата не имел. В 1550 г. русская армия отправилась во второй поход. Пройдя с большим трудом по лесным дебрям и болотам мордовские земли, войска вышли на Суру, где в районе устья Барыша сделали короткий отдых, построили мосты через Суру и двинулись дальше, к Волге. Переправившись через Волгу, они осадили Казань. Однако из-за плохой погоды и от-

носительной малочисленности русской армии осаду пришлось прекратить и отойти на правый берег Волги, к устью Свияги. Здесь было решено возвести крепость, в которой могли бы сосредоточиться и ждать своего часа русские полки. В течение месяца вырос новый город Свияжск — передовой русский бастион на ближних подступах к Казани. В его строительстве и в подготовке к предстоящим боям с казанцами активное участие приняли мордовские, чувашские и марийские племена и даже часть татарского населения. Чуваши и марийцы направили послов в Москву с поручением передать русскому правительству свое решение перейти в подданство Русского государства. Еще раньше о том же заявили племена мордвы. Все это способствовало быстрому ослаблению Казанского ханства и усилению России.

Окрестности Свияжска и сам город заселялись русскими крестьянами и ремесленниками. Происходило накопление оружия, продовольствия и фуража. Увеличивался гарнизон города-крепости. Все переправы на Волге были взяты под контроль русских казачьих дозоров.

Летом 1552 г. стопятидесятитысячное русское войско во главе с Иваном IV снова выступило на Казань. Дорога была уже знакома. От Мурома до среднего течения Суры находились охранные посты — сторожи, которые являлись своеобразными «станциями» на пути к Казани. Они же снабжали командование русской армии новейшими сведениями разведывательного характера.

4 августа русские войска вышли на Суру, где находилась четырнадцатая по счету сторожа — Баранчеево городище. Здесь их встретили перешедшие на русскую сторону отряды коренного населения Правобережья. По повелению Ивана Грозного тогда же было заложено одно из первых русских поселений края — Промзино Городище (ныне — р. п. Сурское).

20 августа 1552 г. началась вторая осада Казани. Осажденные сражались с отчаянием обреченных. Много мужества, находчивости и военной смекалки потребовалось от русских воинов, прежде чем 2 октября, то есть по истечении сорока трех суток осады, Казань, наконец, пала. Во время штурма погибло большинство защитников города. Оставшиеся в живых были пленены. Сотни тысяч русских людей, находившихся в татарском рабстве как в самой Казани, так и в других городах Казанского ханства, получили свободу.

Шестнадцатый век в истории русского народа занимает особое место. Это было время укрепления Руси, возвеличения Москвы — собирательницы русских земель, время расширения территории Русского государства и значительного роста его населения. Решительные внешнеполитические действия русского правительства имели прогрессивное значение и во многом отвечали интересам народа.

Покорением Казанского и Астраханского ханств закончилась многовековая борьба Руси с монголо-татарским игом. Это предрешило судьбу не только народов симбирского края, но и тех, кто обитал к востоку от Волги — ногайцев, калмыков и башкир, также присоединившихся к великому многонациональному Русскому государству.

Глава IV. В СОСТАВЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (XVI—XVII вв.)

Освоение края

«Конечное» присоединение к России земель Среднего Поволжья в 1552 г. явилось результатом многовекового общения этих земель с Русью, успешной внешней политики правительства Ивана IV и высокой боеспособности вооруженных сил Русского государства. Однако после присоединения края предстояло решить не менее важные и трудные задачи — сделать его «крепким» великому государю и включить в социально-экономическую систему Руси. Главным средством решения этих задач являлось заселение территории края русскими. Правительство Ивана IV установило, что трудовая часть коренного населения края должна платить ясак в том же размере, в каком она платила его казанским феодалам. Последние в основном были оставлены в своих владениях. Они получали права и привилегии русских дворян при условии, если будут верой и правдой служить России.

Однако уже весной 1553 г. прокрымская группировка казанских князьков, опираясь на поддержку Крымского ханства, подняла восстание против России на Левобережье. «Луговые люди, — доносил в Москву воевода

князь Горбатый, — ясаков не дали, сборщиков ясаков убили». А через две недели сообщалось уже из Свияжска: «Мятежники... пришли войною на горную (Правобережную. — *Ред.*) сторону»[15]. Направленное на восстановление Казанского ханства, это выступление не отражало коренных интересов народов Среднего Поволжья. Однако нельзя не отметить и тот факт, что одной из существенных причин восстания стал податной гнет, учиненный государевыми «ясатьчиками» в первые же месяцы их господства в крае. В Никоновской летописи говорится, что русские бояре, «презрев страх божий и государские указы, многие грады и волости пусты учинили»[16]. Свидетельствовал об этом и находившийся в России английский дипломат Д. Флетчер. Он отмечал, что «многие деревни и города... совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения»[17]. На усмирение восставших были брошены русские войска, которые подавили восстание. Более мелкие выступления происходили и в последующие годы, но массовыми они не стали. Коренное население края, несмотря на усилия прокрымской группировки татарских князьков — противников русского подданства, понимало, чем грозит ему разрыв с Россией.

После усмирения восстания 1553 г. русское правительство большую часть оставшихся в живых казанских феодалов расселило по рязанским и другим исконно русским городам и волостям, наделив их там поместьями, что значительно подорвало экономические и политические силы потенциально враждебных русской колонизации элементов.

В первые десятилетия после присоединения края к России его освоение шло очень медленно. Особенно это касается Левобережья, которое на юге и востоке переходило в бескрайние прикаспийские и приуральские степи — места вековечных кочевок различных племен, постоянно угрожавших Среднему Поволжью и окраинным русским землям опустошительными набегами. Наибольшую опасность в этом отношении представляли ногайцы и башкиры.

Заселение края русскими осуществлялось по трем направлениям: государственному, монастырскому и вольному.

Главным из них было государственное. Оно заключалось в том, что уже с 1557 г. правительство приступило

к наделению в Среднем Поволжье вотчинами и поместьями русских бояр, детей боярских и дворян, которые переселяли сюда часть своих крепостных с коренных русских территорий. Число крупных феодальных владений в крае особенно стало расти с начала XVII в., когда правительству удалось подавить крестьянскую войну под предводительством И. И. Болотникова и значительно обезопасить край от нападений кочевников. Для несения службы по охране восточных границ государства в Среднее Поволжье «на вечное житье» переселялись и так называемые дворцовые крестьяне. Они становились здесь служилыми людьми «по прибору». Эта категория переселенцев освобождалась на определенное время от уплаты податей, в достатке наделялась землей, лесными, сенокосными и рыбными угодьями, получала от казны по пяти рублей денег на обзаведение хозяйством. Неся пограничную сторожевую службу, служилые люди по прибору обеспечивались оружием, боеприпасами и даже получали небольшое жалованье. Однако им вменялись в обязанность обработка «государевой десятинной пашни» и выполнение ряда повинностей.

Много земель на Волге уже в XVI в. досталось монастырям: казанским Илантову и Преображенскому, свияжским Богородскому и Троицкому. В XVII в. огромные вотчины получили здесь московские Новоспасский и Новодевичий, костромской Богоявленский, подмосковный Саввино-Сторожевский монастыри и др. Они тоже переселяли сюда своих крепостных, переманивали различными посулами и льготами дворцовых крестьян и беглых, укрывая последних от властей.

Вольное заселение края происходило за счет тех крестьян, которые бежали от своих крепостников из различных уездов Русского государства в Среднее и Нижнее Поволжье с надеждой обрести здесь землю и свободу. Появились они в крае еще до падения Казанского ханства, следуя бытовавшей в то время пословице: «Нечем платить долгу — беги на Волгу». Одним из первых таких селений на территории Симбирского Поволжья стало село Усолье (ныне Шигонского района Куйбышевской области), основанное в 1550 г. Вольными переселенцами становились представители и других податных сословий — посадские люди русских городов, стрельцы и казаки.

Вольные переселенцы и переведенцы в первое время

селились маленькими деревушками вблизи городов и засечных линий. Так, например, село Белый Ключ по описи 1678 г. состояло лишь из четырех дворов с населением в 11 человек, село Протопоповка — из четырех дворов с шестью жителями, село Полдомасово — из 17 дворов с населением в 51 человека и т. д. В селе Большие Ключищи в это время насчитывалось уже 97 дворов и 240 жителей. Однако таких селений были считанные единицы. Селились зачастую по нескольку человек, совершенно не связанных между собой ни родством, ни землячеством, в одной избе. Хозяин такой избы считался старшим. Остальные выступали в качестве бобылей и захребетников и, работая на хозяина, надеялись со временем обзавестись собственными домом и хозяйством.

Несмотря на льготы и обилие в крае пахотных и других угодий, на добровольное переселение решались всетаки немногие, чему были и экономические и психологические причины. Поэтому не удивительно, что царские указы, адресованные местным властям русских уездов, откуда предполагалось переселение, требовали: «А будет которые служилые люди, стрельцы и крестьяне и бобыли... ехать не похотят, и тех велено выслать и в неволю (насильно. — *Ред.*), а за ослушание велено им делать наказание: бить батоги и сажать в тюрьму»[18].

В 60-е гг. XVI в. правительство произвело очередную раздачу земель, а затем организовало учет уже существующих в крае земельных владений с тем, чтобы более успешно проводить сбор податей и ясака с населения, а также уточнить количество и качество земельных угодий. С этой целью по уездам были составлены так называемые писцовые книги.

Ко времени проведения описей русское население в крае было еще очень малочисленным. Так, во всем огромном Казанском уезде за боярами, детьми боярскими, помещиками и монастырями числилось всего пять сел, два сельца, 68 деревень, четыре починка, одно займище и 14 пустошей — с населением в 222 человека мужчин, обитавших — кто с семьей, а кто бобылем или захребетником — в 212 дворах. Количество представителей других категорий русского населения — феодалов, чиновников, духовенства и посадских людей — также было невелико.

Освоение края проходило под защитой опорных пунктов русского царизма — городов-крепостей. В числе наи-

более значительных здесь в XVI в. были: Алатырь (1552), Чебоксары (1556), Тетюши (1578), Самара и Уфа (1586), Саратов (1590) и др.

Процесс государственной и монастырской колонизации края значительно замедлился в начале XVII в. Польско-шведская интервенция, борьба боярских группировок за престол, крестьянские выступления — все это тяжело отразилось на состоянии и развитии Русского государства, ослабило его и политически и экономически. Зато вольное заселение Среднего Поволжья шло в эти годы особенно активно.

Строительство сторожевых линий. Возникновение Симбирска

С наступлением конца «смутного времени», избранием на престол Михаила Романова (1613) и стабилизацией внутреннего положения страны освоение Среднего Поволжья вновь активизировалось. Опыт прошлых десятилетий показывал, что уже построенные города-крепости слабо обеспечивают оборону края от кочевников. Нужно было создать хорошо продуманную систему пограничных оборонительных сооружений, в которую входили бы города-крепости, соединяющие засечные линии, а также четко организованная подвижная сторожевая и станичная служба.

Первая засечная линия на территории Симбирского Поволжья, соединившая города Тетюши и Алатырь, появилась в начале XVI в. Затем началось строительство еще одной линии — между Ундорами на Волге и Промзиным Городищем на Суре, — но оно не было доведено до конца.

В первой половине XVII в. появляются сторожевые линии, выдвинутые еще южнее. Каждая из них создавала благоприятные условия для освоения необжитых земель огромной территории края.

К середине XVII в. возникла необходимость строительства новой засечной линии, которая бы обеспечивала продвижение русской колонизации дальше, на юг и восток от уже освоенных территорий. Такой линией стала Симбирско-Карсунская засечная черта. Сооружение ее было поручено одному из лучших военных строителей того времени — стольнику и воеводе Богдану Хитро-

во. Продолжалось оно с 1647 по 1654 г. и постоянно находилось под особым контролем правительства.

Строить Симбирско-Карсунскую черту начали на почти не заселенных местах силами крестьян и ремесленников Курмышского и других уездов. Ежегодно здесь работало до пяти тысяч человек, оторванных строительством от своих дел и занятий. Сначала предполагалось сооружение черты только между реками Сурой и Барышом. Но уже в следующем после начала работ году из Москвы поступило указание продлить ее до Волги.

Выбрав наиболее выгодную с позиций оборонительных задач трассу, распорядители работ метили ее, и тогда строители приступали к делу. Одни занимались возведением земляных сооружений, другие ставили стены крепостиц-острожков, третьи сооружали мощные опорные крепости — города Синбирск и Карсун, четвертые устраивали засеки. На открытых участках черты ров рылся глубиною до 6—8 метров. Вдоль обращенной к освоенным землям стороны рва насыпался земляной вал, по гребню которого сооружалась стена из толстых заостренных бревен, наклоненных в сторону рва своими острыми концами. Кое-где устраивались надолбы и другие виды укреплений. На лесных участках, которые преобладали, перед рвом и валом устраивались многокилометровые лесные засеки, давшие название всей системе подобных оборонительных сооружений — засечные. Для устройства засек вековые деревья срубались или спиливались на высоте одного-двух метров от земли так, чтобы стволы не отделялись от пней и ложились переплетенными кронами в сторону возможных нападений. Ширина завала местами доходила до 200 метров. Там, где позволяла местность, в систему искусственных укреплений черты включались и естественные преграды — речки, озера, болота, овраги и др.

Главным опорным военно-оборонительным и административным центром черты должен был стать Синбирск *. Для его сооружения Б. Хитрово выбрал высо-

* В отношении происхождения названия города исследователи пока к единому мнению не пришли. Одни считают, что слово «Синбирск» (так назывался город до конца XVIII в.) — чувашского происхождения и обозначает «белая гора». Другие утверждают, что город назван по имени булгарского князя Синбира. Третьи предполагают, что это название происходит от монгольского слова «сумбэр» — священная гора.

кий холм — Синбирскую гору — на правом берегу Волги, где Свияга ближе всего подходит к великой реке. Волга надежно прикрывала будущий город с востока. На западе серьезным препятствием для тех, кто хотел бы напасть на Синбирск, служила Свияга. К ней примыкала восточным концом засечная черта. На юге кроме склонов горы подступы к городу затрудняли обширные заливные луга с большим количеством болотистых мест, стариц и озер. К северу находились глубокие овраги и речка Синбирка. Где не было естественных препятствий, создавались искусственные. С вершины Синбирской горы на многие километры отлично просматривалась округа. На всем протяжении Волги от Казани до Самары лучшего места для города-крепости, пожалуй, не было.

К началу строительства города в 1648 г. Синбирская гора представляла собой малообжитое место с двумя маленькими (мордовской и татарской) деревушками. Под центральную его часть — кремль — был выбран «венец», вершина горы. Стены кремля рубились из толстых дубовых бревен. Он имел форму правильного четырехугольника со сторонами 1744 и 436 метров. По углам и над воротами высились деревянные башни с бойницами для пушек и пищалей. С внешней стороны кремль был обнесен глубоким рвом. На юго-восточном склоне горы, несколько ниже кремля, строители возвели острог — вспомогательную крепость, защищавшую подступы к основному укреплению. Внутри кремля находились дома воеводы, чиновников, офицеров и духовенства, различные административные «избы», казармы для гарнизона, продовольственные склады, арсенал («пороховой погреб») и т. п., а также здание Троицкого собора *. За стенами кремля — в сторону Свияги и в подгорье — располагались избы посада, заселенные «черными людишками».

Кроме Синбирска и Карсуна по черте были построены острожки — Сурский, Аргашский, Тальский, Сокольский, Малокарсунский, Карсунский, Уренский, Тагайский и Юшанский. Они представляли собой деревянные крепости сравнительно небольших размеров. Вокруг острожков образовывались пригороды, или посады. Каждый такой острожек со временем превращался в крупный по

* С 1648 по 1700 г. в Синбирске было построено 20 соборов и церквей и три монастыря.

тем временам населенный пункт, от которого отпочковывались новые населенные пункты.

Пограничную службу вдоль засечной черты и далеко впереди нее, в «диком поле», несла специальная передвижная охрана в виде разъездов, сторожевых застав и станиц.

Через Инсарский острог Синбирско-Карсунская черта примыкала к Нижне-Ломовской засечной линии и по существу являлась восточным крылом огромной общегосударственной оборонительной системы, прикрывавшей территорию страны с юга.

Вдоль черты, под ее защитой, стали основываться в первую очередь поселения стрельцов и казаков (слободы Конно-Подгорная, Сельдинская, Тетюшская, Подлесная и др.). Наиболее смелые селились южнее, осваивая «дикое поле» (Кадыковка, Абрамовка, Карлинское и др.). Новые населенные пункты получали наименования по-разному. Одни — по названию мест, откуда прибыли переселенцы (Карсун, Тамбы, Арская Слобода), другие — по названиям местных рек и урочищ (Ключищи, Белое Озеро, Сурский Острог), третьи — по именам первых своих поселенцев (Богдашкино, Матюшкино), четвертые — по именам и фамилиям бояр и помещиков (Аксаково, Софьино, Баратаевка), пятые — по именам святых и названиям христианских праздников, в честь которых в селе была построена церковь (Никольское, Архангельское и др.). Селения, существовавшие до завоевания Казанского ханства, сохраняли свои — татарские, мордовские и чувашские — названия. Нередко к старому названию таких селений присоединялось новое, русское (Большая Кандала, Татарский Калмаюр, Русская Беденьга и др.). Чрезвычайно пестрым становилось и население края *.

Синбирско-Карсунская черта обеспечила заселение всего Правобережья края. Затем наступила пора более серьезно заняться колонизацией Левобережья. С этой целью в 1652—1656 гг. была построена Закамская черта, соединившая Волгу со средним течением Камы. На территории Симбирского Поволжья она начиналась го-

* Об этом свидетельствуют, например, прозвища жителей Карлинской слободы (ныне с. Карлинское Ульяновского района): Нижегородец, Свияжнин, Мурашкинец, Казанец, Тетюшенин, Арзамасец, Володимерец, Тверитин, Суздалец, Астраханец, Латыш и др. (по описи 1678 г.).

родом-крепостью Белым Яром и шла на северо-восток через острожки Ерыклинский, Тиинский и др. к Мензелинску.

Засечные линии нужно было не только строить и охранять, но и постоянно ремонтировать, особенно после весенних паводков, ливневых дождей и лесных пожаров. Все это тяжелым бременем ложилось на народные массы края. Но даже засечные линии не всегда спасали оседлое население от набегов кочевников. Так, например, в 1682 г. объединенные орды башкир и калмыков прорвались сквозь Закамскую черту и прошлись огнем и мечом по левому берегу Волги до рек Майны и Утки, уничтожая все на своем пути. Перезимовав у озера Чердаклы, они беспрепятственно ушли в Приуральские степи, уводя пленных и увозя награбленное. Вот почему в 1669 г. последовало первое указание правительства о превращении в своеобразный укрепленный район территории, прилегающей к Майне и Утке и находящейся в тылу засечной линии. В связи с этим указанием были построены Майнский (Старомайнский) острог, довольно значительный по наличию в нем оборонительных сооружений, и несколько меньший по размерам Уткинский острог. Под защитой этих двух крепостей уже к 90-м гг. XVI в. все земли по Утке и Майне были заселены. Колонизация Левобережья продвигалась все дальше на юг и юго-восток. Началось заселение по Большому и Малому Черемшану. А к концу XVII в. населения здесь было уже столько, что появилась необходимость выделить особую Черемшанскую волость. Центрами местной колонизации стали Мелекесс (1626), Тиинск и Белый Яр (1650-е гг.), Кандала (1668), Старая Майна (1670) и др.

Когда под защитой Синбирско-Карсунской и Закамской засечных линий освоение правого и левого берегов Волги в крае было в основном завершено, правительство приступило к строительству других сторожевых линий, выдвинув их значительно южнее уже существующих с тем, чтобы приступить к колонизации новых территорий Среднего Поволжья.

Экономика

До основания Симбирска правобережная территория нынешней Ульяновской области входила в состав Казан-

ского уезда. Когда был создан Симбирский уезд, он вошел составной частью в Казанское воеводство. Уездами правили направляемые из Москвы воеводы, в руках которых сосредоточивалась вся полнота власти. Вторым лицом в уезде являлся губной староста, занимавшийся уголовными делами. Раскладкой податей по городам и селам уезда ведал головной староста. В распоряжении этих основных должностных лиц находился значительный штат дьяков и других категорий чиновников (сборщики налогов, целовальники, земские старосты и т. п.). Во главе волостей стояли волостные сотники из представителей местной феодальной знати; отдельными деревнями или группой селений управляли выборные из крестьян старосты.

Сотники и старосты подчинялись уездной администрации и выполняли все ее распоряжения.

Такое административное устройство способствовало быстрому включению Симбирского Поволжья в экономическую жизнь страны.

В XVI—XVII вв. Среднее Поволжье являлось сельскохозяйственным и промысловым районом Восточной Европы. По значению в хозяйственной жизни населявших его народов на первом месте стояло земледелие. За ним следовало скотоводство, причем на Левобережье оно вплоть до появления здесь русских носило в летнее время кочевой характер. На Правобережье преобладало пастушеское скотоводство. Важнейшее значение имели различные виды промыслов, особенно бортничество, рыболовство и охота. Не случайно после присоединения Казанского ханства к Русскому государству население края долгое время платило ясак пушниной (шкурками белки и куницы). Наиболее значительную роль играли промыслы в хозяйственной жизни мордовских и чувашских племен. Промысловые угодья находились в собственности отдельных сельских общин. Однако их распределение между членами каждой общины было неравномерным, что свидетельствовало о постепенном разложении в XVI—XVII вв. общинного строя. Процесс имущественного расслоения сопровождался усилением эксплуатации основной массы общинников небольшой группой выделившихся богатеев.

После присоединения края к Русскому государству хозяйственная жизнь местных народов не подверглась каким-то резким изменениям. Влияние русской культу-

ры, включение региона в экономическую жизнь страны происходило постепенно.

Заселяя край, русские переселенцы стали распахивать значительные участки «пустопорожних» земель. Их примеру следовало и коренное население. Это приводило к тому, что Среднее Поволжье становилось значительным производителем товарного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Увеличению продуктивности земледелия способствовало и то, что русские крестьяне применяли сами и распространяли среди местного населения более прогрессивный по тем временам трехпольный севооборот, вводили ранее не использовавшиеся здесь новые сельскохозяйственные орудия труда, научили местных жителей выращивать такие сельскохозяйственные культуры, как рожь, капуста, репа, свекла и т. п. Скотоводческое Левобережье превращалось в земледельческое, само скотоводство на его территории становилось домашним, пастушеским. Появлялись новые виды ремесленного производства, причем со строительством городов и ростом их населения все больше ремесленных изделий изготавливалось для продажи. Происходила более четкая специализация районов края в хозяйственных занятиях. Кроме Волжского и Сурского речных и некоторых старинных сухопутных торговых путей появились новые, связывающие между собой города-крепости Симбирск, Сызрань, Самару и др., а их в свою очередь с Казанью и Москвой. Развивалось речное судоходство.

К концу XVII в. в Симбирском уезде существовали уже первые мануфактурные предприятия по переработке местного сырья — кожевенные, винокуренные, поташные «заводы», водяные мельницы, соляные варницы. Наряду с традиционными товарами — хлебом, рыбой и скотом — симбирские купцы А. Ушаков, И. Андреев, О. Твердышева стали вывозить в другие города и некоторые товары промышленного производства. Симбирский край все больше втягивался во всероссийский рынок. Сам Симбирск постепенно превращался в административный, торговый и культурный центр, теряя свое прежнее военно-оборонительное значение. Соответственно менялся характер и других городов края.

Определяя особенности развития России того времени, В. И. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется дейст-

вительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[19]. В полной мере это определение касается и Симбирского Поволжья, которое в XVII в. стало важной составной частью Русского государства.

Положение народных масс. Налоги и повинности

В течение второй половины XVI и всего XVII в. большая часть трудового населения Симбирского Поволжья эксплуатировалась непосредственно государством, что накладывало определенный отпечаток на пути освоения края и на социально-экономическое положение трудящихся.

Чтобы заселить край, правительство в первые десятилетия его освоения создавало для переселенцев льготные условия. На 5—10 лет они освобождались от податей и натуральных повинностей. Каждое крестьянское хозяйство получало земли столько, сколько было способно обработать.

Между крепостниками различных категорий велась борьба едва ли не за каждого мужика. Чтобы привлечь в свои поместья и вотчины как можно больше вольных переселенцев, монастыри, бояре и помещики тоже вводили различные льготы. Особенно преуспевали в этом монастыри. Они освобождали крестьян от платежей сроком до 15 лет, помогали им в обзаведении хозяйством, почти не вмешивались в самоуправление крестьянских общин.

После окончания льготных лет все переселенцы оказывались, как и на остальной территории России, в разрядах ясачных, вотчинных, поместных, монастырских, дворцовых и черносошных крепостных. Одни из них являлись барщинными, другие — оброчными. Но и те, и другие, и третьи жили вначале значительно лучше крепостных, обитавших на коренных русских землях.

Однако уже к концу XVI — началу XVII в. их «вольное житье» было резко ограничено. Оброк с 25 алтын, одного рубля увеличился в среднем до четырех рублей. Был введен оброк на охотничьи, рыболовные, сенокос-

ные и другие угодья. Все тяжелее и разнообразнее становилась барщина в поместьях и вотчинах. Не в лучшем положении находились и крестьяне, эксплуатировавшиеся непосредственно государством. Как видно из сохранившихся документов, они платили в казну довольно значительные суммы податей: за строевой лес и дрова, за право обжигать уголь, за заготовку лубья, дранки, шестов и бабаек, лыка и мочала, за умерших, беглых, нищих и «отдаточных» односельчан, за рыбные ловы, бортные угодья и др. Кроме этого, платили они ямские и полоняничные налоги, подати за бурмистров, сдавали определенное количество хлеба натурой (так называемый сошный стрелецкий хлеб), обязаны были отрабатывать определенное количество дней на устройстве дорог, постройке и ремонте городов, крепостей и засечных линий, обеспечивать нужды государственного строительства стройматериалами, а административные учреждения — дровами, ремонтом, сторожами. Вдвое увеличился размер «государевой десятины». Чтобы кое-как сводить концы с концами, крестьяне все больше втягивались в ремесла и промыслы. Недоимки за ними росли. Местные власти взыскивали их с «правежом» *. Положение народных масс Среднего Поволжья теперь уже почти ничем не отличалось от положения крепостных на исконно русских территориях.

Стремясь овладеть лучшими землями края, помещики не останавливались перед насилиями по отношению к коренным народам Среднего Поволжья. Беззаконное ограбление татар, чувашей и мордвы приобрело в XVII в. массовый характер.

В деле порабощения нерусских народов края значительная роль принадлежала церкви. Со все возрастающей настойчивостью она стремилась христианизировать татарское, мордовское и чувашское население.

В закабалении поволжских народов правительство опиралось и на местных феодалов — крещеных татарских, мордовских и чувашских мурз и князьков, которые охотно переходили на службу к русскому царю, получая за это поместья и вотчины, населенные своими единоверцами. Если из всех категорий крепостных в наихудшем положении находились помещичьи, то положение крепо-

* Правеж — в старинном судопроизводстве принуждение к уплате долгов битьем батогами.

стных-«инородцев» было еще тяжелее. Между ними и русскими царизм пытался сеять рознь и вражду, стремясь помешать их единению в борьбе против угнетателей. Однако эта политика цели не достигала. Свидетельством тому было немалое количество сел и деревень со смешанным населением и со смешанными семьями, в которых люди по-братски делили между собой и редкие радости, и горе.

Значительную часть населения края составляла городская беднота — жители пригородов и посадов. Положение этой категории податного люда также продолжало ухудшаться с каждым десятилетием.

Самой обездоленной частью населения городов и сел края являлись бобыли и захребетники — бестягловые, безземельные крестьяне. Пробирались они на Среднюю Волгу с надеждой получить землю и обрести волю. Но местная администрация землей наделяла далеко не всех, и многим приходилось «кормиться» поденной черной работой у более зажиточной части населения, отдавая себя в крепостную зависимость, или нищенствовать. Прослойка бобылей и захребетников была большой не только в Симбирске, но и в других городах. В селе Ключищи, например, в 1678 г. из 357 человек населения бобыли и захребетники составляли 240 человек.

Нередко край посещали страшные моровые эпидемии. Особенно опустошительной стала эпидемия чумы в конце 50-х гг. XVII в. Занесенная в низовья Волги, в короткое время она распространилась на Среднее Поволжье, а затем охватила и всю Россию. В нашем крае она унесла местами до 60—80 процентов населения. Эпидемии, засухи и другие стихийные бедствия усугубляли и без того тяжелое положение народа.

Обострение классовой борьбы. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина

В 1649 г. Земским собором было принято Соборное уложение, согласно которому крепостное право в России закреплялось навечно. Расширение власти феодалов над крепостными, резкое ухудшение экономического положения народных масс, вызванное введением новых налогов, повинностей и тягот, предпринятый правительст-

вом массовый сыск беглых с жестокими расправами над ними и ряд других причин привели к тому, что к середине XVII в. напряжение классовых противоречий достигло критического уровня. По стране прокатилась волна народных восстаний (Новгород, Псков, Курск, Воронеж, Великий Устюг, Москва, Башкирия, Западная Сибирь и др.). Положение еще более усложнилось после вступления России в многолетнюю войну с Польшей (1654 г.), а затем со Швецией (1656 г.), в связи с чем правительство ввело новые тяжелые натуральные налоги и значительно увеличило старые. Обстановка в стране накалилась до предела. Взрыв был неминуем, и он произошел: в 1670 г. широкие народные массы, доведенные до крайней степени нищеты и бесправия, выступили против своих притеснителей. Крестьянскую войну возглавил донской казак С. Т. Разин.

В июле — августе 1670 г. Разин захватил Астрахань, Саратов, Самару и с отрядом в 20 тыс. человек подошел 4 сентября к Симбирску. Здесь он рассчитывал найти активную поддержку народных масс и значительно пополнить свою армию.

Симбирск являлся одной из главных крепостей на Средней Волге. В нем были сосредоточены большие запасы оружия, боеприпасов и продовольствия. Здесь находился крупный гарнизон царских войск. В Казани и других городах спешно готовились войска, которые должны были в случае необходимости прийти на помощь Симбирску и преградить Разину путь на Москву.

Утром 5 сентября разинцы пошли в наступление на кремль с северной его стороны. Первый день боев не принес победы ни тем, ни другим, и 6 сентября сражение возобновилось с новой силой. Плохо вооруженным, слабо организованным крестьянам и казакам противостояло более четырех полков регулярной царской армии, местное дворянское ополчение. Однако натиск повстанцев оказался настолько мощным, что царские войска, разбитые наголову, бежали под защиту кремлевских стен. Командовавший ими воевода князь Барятинский с частью войск, не успевших укрыться в кремле, позорно бежал за помощью в Казань. Стрельцы, находящиеся в остроге, по доброй воле сдали его повстанцам, и в руках у Разина оказался весь город, кроме кремля, осада которого продолжалась.

Из-под Симбирска С. Т. Разин в первые же дни боев

направил по уезду несколько казачьих отрядов-«загонщиков» с поручением уничтожать «дворян и детей боярских, и мурз и татар, за которыми крестьяне есть», а также поднимать на борьбу местное трудовое население. 20 сентября повстанцами был взят Саранск, 26 сентября — Алатырь. Рассылка этих отрядов, безусловно, ослабила ядро разинской армии, однако благодаря им она изо дня в день пополнялась новыми силами.

15 сентября на выручку к Симбирску выступил из Казани значительный отряд правительственных войск во главе с князем Барятинским. Двигался он по охваченному восстанием Правобережью и, пока вышел у Тагая на засечную черту, вынужден был выдержать четыре сражения с крупными повстанческими отрядами, сплошь состоящими из местных крестьян. Двигаясь по черте, утром 1 октября регулярные царские войска вышли, наконец, к Симбирску, на левый берег Свияги, где путь к осажденному кремлю им преградили основные силы разинской армии. В это время Разин, возведя насыпной вал рядом с кремлем, предпринимал еще одну попытку преодолеть кремлевские стены и отчаянное сопротивление осажденных. Появление Барятинского помешало осуществлению этого замысла. Оставив одну часть своих войск блокировать кремль, с другой частью Разин двинулся навстречу казанскому отряду.

Умело используя местность, Барятинский устроил в тальниках и оврагах засаду. Повстанцы не разгадали хитрости и вышли прямо на огонь противника. Их положение еще больше усложнилось, когда из кремля выступили войска гарнизона и, прорвав заслон атакующих, ударили им в тыл. Сражение потребовало от восставших небывалой стойкости. Оно продолжалось весь день. В этом бою С. Т. Разин был дважды ранен и в бессознательном состоянии отправлен с небольшим отрядом охраны на Дон для лечения. Бой прекратился только с наступлением ночи. Воспользовавшись усталостью и замешательством разинцев, Барятинский этой же ночью сумел пробиться в симбирский кремль. Второго и третьего октября повстанцы с неослабевающим упорством продолжали осаду кремля уже без участия самого Разина. Новый решительный штурм был назначен на ночь с третьего на четвертое октября.

Страшен был этот ночной штурм кремлевских стен при свете факелов и пожаров. Разинцы дрались безза-

ветно, но победить защитников кремля не смогли. Противник предпринял обходной маневр, рассчитанный на окружение главных сил восставших и уничтожение их лодочного флота. Маневр удался. Среди разинских отрядов возникла паника, которая привела к их полному поражению. Захваченных в плен воеводы не щадили. Все подгорье было уставлено виселицами.

С разгромом разинских войск под Симбирском крестьянская война не закончилась. Почти весь юг России от Волги до Днепра не прекращал сопротивление. Дело, начатое Разиным, продолжали его соратники — Василий Ус, Федор Шелудяк и многие другие народные вожди. Не прекращалась борьба и на территории Симбирского Поволжья. Остатки разбитой у Симбирска разинской армии с боями отступали вдоль Волги на юг и по засечной черте на запад. На Левобережье крестьянский отряд в 700 человек отходил к Белому Яру, где был настигнут карателями и разгромлен.

В конце октября значительные силы царских войск под командованием князя Барятинского двинулись на запад по Симбирско-Карсунской засечной черте, на которой были сосредоточены основные местные отряды восставших. В серии кровопролитных сражений у сел Усть-Урень, Большая Кандарать, Тургенево отряды разинских атаманов один за другим терпели поражение. Каратели жестоко расправлялись с повстанцами. Так, о битве у села Усть-Урень Барятинский докладывал в Москву: «И секли их, воров, конные и пешие, так что на поле, и в обозе и в улицах... в трупу нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи потекли» [20]. И все же значительная часть повстанцев сумела избежать гибели и плена. Оставшиеся в живых рассеялись по окрестным лесам и оврагам, а впоследствии опять собирались в отряды и продолжали борьбу.

Весной 1671 г. из Астрахани, оставшейся, как и некоторые другие города Среднего и Нижнего Поволжья, в руках разинцев, атаман Ф. Шелудяк предпринял новый поход на Симбирск. К городу он подошел с более чем двенадцатитысячной армией. Две недели длилась новая осада Симбирска. Вечером 9 июня состоялся последний решительный штурм кремля, в котором Шелудяк потерпел поражение и вынужден был отступить на юг. Это произошло потому, что правительству в основ-

ном уже удалось подавить крестьянское движение в крае и от местного населения армия Ф. Шелудяка не получила нужной поддержки.

На окончательный разгром крестьянской войны правительство бросило свои лучшие военные силы. Словно орды завоевателей, носились отряды царских войск по уездам, участвовавшим в восстании, сжигая села, уничтожая поголовно жителей. Более ста тысяч человек были казнены ими. В Арзамас, где обосновался руководитель карательных сил князь Долгорукий, со всех сторон пригоняли схваченных участников восстания. «Страшно было смотреть на Арзамас, — писал русский историк Н. Костомаров, — его предместья казались адом; повсюду стояли виселицы и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов; там валялись разбросанные головы и дымились свежею кровью; здесь торчали колья, на которых мучились преступники... испытывая неописуемые страдания» [21].

Крестьянскую войну под предводительством С. Т. Разина, в которой приняло самое активное участие трудовое население симбирского края, царизм потопил в крови. Однако, несмотря на поражение, эта война имела огромное историческое значение. Она подрывала устои крепостничества. На ее опыте многонациональный народ России учился классовой борьбе.

Симбирское Поволжье в последней четверти XVII в.

После того как движение народных масс было подавлено, в Симбирском Поволжье строились новые города-крепости и укрепленные линии. В 1683 г. на юге Самарской Луки началось сооружение второй Закамской засечной черты, в 1687 г. южнее Сызрани возводится Кашпирское укрепление. Расширялось помещичье и монастырское землевладение. Появились новые поселения: Бекетовка, Сосновка, Труслейка, Соколовка, Афанасово и др. На Среднюю Волгу устремились новые массы русских феодалов. Правительство щедро наделяло их землей, особенно тех, кто участвовал в разгроме разинских армий. Им разрешалось самим искать «за валом на крымской стороне порозжую землю, дикое поле, которое в поместье и на оброк никому не отдано» [22]. Обнаружив

незанятую территорию, они юридически закрепляли ее за собой, не придерживаясь никаких правительственных норм, и переселяли сюда своих крепостных. Так возникли помещичьи села по рекам Инза, Манса, Кучка, Урень, верховьям Барыша и др. Наделялись земельными участками и солдаты, участвовавшие в подавлении крестьянского движения.

В этот период в крае появляется все больше и больше крупных вотчин, среди которых наиболее значительные — дворцовые и монастырские. Царской фамилии принадлежали обширные так называемые Арбугинские поля с селами Кременки, Криуши, Шиловка, Тушна, Панская Слобода и др. Подмосковный Саввино-Сторожевский монастырь владел чуть ли не всей Самарской Лукой с прилегающим Левобережьем, составлявшими Усольскую вотчину.

К концу XVII в. симбирский край был уже значительно обжит. Симбирск превратился в ремесленно-торговый и административный центр. Через него шел торговый путь из Москвы и других центральных городов России на Астрахань. В составе городского населения увеличилось число ремесленников, торговцев, появилось крупное купечество. Купцы поощряли промыслы, имели винокуренные заводы, мельницы, кожевенные и другие заведения.

После походов 1695—1696 гг. и взятия Азова Петр I издал указ, по которому «служилые люди казаки, засечные сторожи и станищники из Низовых городов: Симбирска, Саранска, Инсара и Пензы, которые в уездах тех же городов были устроены землями и поселены были слободами, всего 3007 с женами и детьми должны быть переведены на вечное житье в Азов»[23]. Освободившиеся таким образом земли в основном были переданы помещикам. После постоянных царских «жалований» количество относительно более благоустроенных ясачных, черносошных крестьян уменьшалось и соответственно увеличивалось количество «барских» крестьян — самой обездоленной части русского многонационального народа. Крепостники владели правом полного произвола над крепостными. По собственному усмотрению они устанавливали размеры оброка и барщины, определяли виды и объем натуральных повинностей. По словам современника, помещики «ведают и судят своих крестьян во всех их крестьянских делах»[24].

Глава V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ в XVIII в.

Административное устройство. Дальнейшее освоение края. Население

В первой четверти XVIII в. в России завершился процесс перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии.

На протяжении всего восемнадцатого столетия царское правительство проводило реформы, направленные на укрепление абсолютизма в стране, на усиление власти дворянства на местах. Реформа 1708 г. разделила всю страну на 8 губерний. В числе вновь созданных была Казанская, в состав которой входил Симбирский уезд. Его крупнейшими населенными пунктами являлись села Белый Яр, Ерыклинск, Усолье, Карсун, Малый Карсун (Погорелово), Уренск (Базарный Узень), Тагай, Юшанск, Тальск, Аргаш, Сурский острог и города Алексеевск, Симбирск, Самара, Сызрань и Петровск. В 1717 г. Симбирский уезд вошел в состав Астраханской губернии и вскоре был преобразован в провинцию. Курмышский уезд относился к Алатырской провинции Нижегородской губернии. В 1728 г. Симбирская провинция была возвращена в состав Казанской губернии, а в 1779 г. сюда же присоединилась Алатырская провинция с Ардатовским и Курмышским уездами.

Активная внешняя политика русского государства на протяжении всего XVIII в. способствовала расширению его территории, прекращению набегов кочевых народов, что для симбирского края имело важное значение.

Правители России старались укрепить и расширить базу, на которой существовало русское крепостничество. Они продолжали раздачу своим приближенным казенной земли и крестьян. Например, в 1710 г. Петр I пожаловал А. Д. Меншикову несколько дворцовых и монастырских имений, в том числе и старинное село Усолье, знаменитое не только своими плодородными землями, но и соляными варницами. В 1718 г. он наградил А. И. Румянцева 769 крестьянскими дворами и 6000 четвертями земли, ранее принадлежавшими опальному боярину Кикину. При Анне Ивановне в собственность графа С. Салтыкова перешли такие селения на Суре, как Порецкое,

Семеновское, Промзино. Особенно большие площади земли были розданы дворянам в царствование Екатерины II. В это время князь Г. А. Зубов получил в качестве подарка 100 тыс. десятин пашни, лугов и леса в Заволжье. Князю Г. А. Потемкину досталась не менее обширная территория.

Но наибольшее пожалование землей и крестьянами выпало на долю пятерых братьев Орловых. За пышный прием в своем имении в 1767 г. Екатерины II во время ее путешествия по Волге они получили обширную территорию, начиная от Самарской Луки и до села Ильинское Подволье, то есть весь волжский берег до Сенгилея.

Во второй половине XVIII в., когда в России начался период разложения феодализма и зарождения капиталистической формации, когда ускорилось развитие товарно-денежных отношений, усилилась борьба между помещиками за землю. Крупнейшие латифундисты уже не довольствовались принадлежащими им имениями и стали захватывать государственные, дворцовые и крестьянские земли. На вновь пожалованные и самовольно захваченные земли они переводили своих крепостных крестьян из центральных районов государства. Продолжался перевод на территорию края и монастырских крестьян.

Большая роль в заселении и освоении края принадлежала беглым крестьянам. В связи с усилением феодального гнета в XVIII в. их количество в Среднем Поволжье значительно увеличилось. Царское правительство, напуганное размахом побегов и по требованию русского дворянства, в первой четверти этого столетия издало 46 указов, касающихся беглых. По своей строгости и жестокости они превосходили подобные законы XVII в. Однако и эти указы не смогли сдержать бегство крестьян.

В Среднем Поволжье беглые бурлачили, занимались рыбной ловлей, нанимались на разработку соли, погрузку и разгрузку судов, но, главное, осваивали новые земли.

Беглые крестьяне сыграли огромную роль не только во вводе в оборот новых земель, но и в распространении земледельческой и ремесленной культуры, основании многих сел и деревень.

В XVIII в. беглые крестьяне заселяли преимуществен-

но юго-восточные районы края, где еще сохранились свободные земли.

В процессе заселения в крае строились слободы, села помещичьих, дворцовых крестьян и деревни беглых. В начале 80-х гг. на территории Симбирского Поволжья насчитывалось уже 1529 населенных пунктов, в том числе 13 городов, 27 пригородов и слобод, 551 село и 938 деревень. Среди них выделялись своими размерами такие села, как Порецкое, Промзино Городище, Барышская Слобода, Майна, Чердаклы и др. Изменился и Симбирск. Он потерял свое былое значение города-крепости. Развитие экономики края способствовало превращению Симбирска в крупный административный и торговый центр. Увеличилось в нем число жителей: в 1796 г. в городе насчитывалось уже 1500 домов и проживало 15 тыс. человек. В связи с расширением границ государства на юг и ликвидацией угрозы нападений кочевников Симбирско-Карсунская оборонительная линия постепенно приходила в упадок и разрушалась.

Заметно возросло к концу столетия население края. Если в 1719 г. здесь проживало около 235 тыс. человек мужского пола, то в 1782 г. — более 371 тыс. Значительно изменился и национальный состав населения. В начале XVIII в. основными жителями края продолжали оставаться мордва, чуваши, марийцы и татары. Они составляли 70% от общего числа населения, а русские — 30%. К концу XVIII в. русское население составляло уже 70% всего населения. Причем национальный состав не только отдельных уездов, но и многих населенных пунктов стал смешанным.

Экономика

Реформы Петра I, активная внешняя политика русского правительства на протяжении всего XVIII в. способствовали быстрому экономическому и культурному развитию государства. Выход России к незамерзающим морям усилил ее экономические связи с Западной Европой, что сыграло важную роль в разрушении натурального хозяйства и постепенном превращении его в товарное.

Значительные изменения претерпела и экономика симбирского края.

В сельском хозяйстве господствующей системой земледелия оставалось трехполье. Население края выращивало рожь, овес, ячмень, пшеницу, просо, гречиху, горох, а из технических культур — коноплю и, начиная со второй половины XVIII в., картофель и подсолнечник.

Наиболее быстрыми темпами сельское хозяйство, особенно зерноводство, стало развиваться во второй половине XVIII в., что было обусловлено созданием единого всероссийского рынка, ростом товарно-денежных отношений, продолжением процесса общественного разделения труда. Этому способствовал и указ 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему русскому дворянству», после выхода которого многие дворяне, бросив государственную службу, занялись хозяйственной деятельностью. Они стали производить в своих имениях те культуры, которые пользовались наибольшим спросом на рынке.

Однако увеличению урожайности зерновых культур мешали применение крепостного труда и несовершенная техника. Как и прежде, в крестьянских и большинстве помещичьих хозяйств использовались соха, деревянная борона, серп, коса. Лишь немногие помещики на своих полях вводили железный плуг. Слабо применялся севооборот. В результате хищнической эксплуатации земля истощалась, урожайность падала. Валовой сбор зерна рос за счет расширения посевных площадей и усиления эксплуатации крестьян.

Скотоводство было второй по значению отраслью сельского хозяйства в крае. Спрос на его продукцию увеличивался.

Помимо разведения крупного рогатого скота большую роль в структуре отрасли в XVIII в. стало играть овцеводство. Русское правительство издало в этот период много приказов и распоряжений, которые способствовали развитию овцеводства в стране, в том числе и в симбирском крае.

Интенсивно развивались пчеловодство, садоводство и огородничество. Важным подспорьем для населения долгое время были охота и рыболовство. Однако последнее к середине XVIII в. стало привилегией помещиков и монастырей. Охота же постепенно приходила в упадок в связи с интенсивной вырубкой лесов.

Наряду с сельским хозяйством как местное коренное, так и русское население края занималось различными

промыслами. В первой половине XVIII в. основная часть производимой продукции — а это были несложные орудия труда, домашняя утварь, обувь, одежда и т. д. — шла на удовлетворение собственных хозяйственных нужд крестьян. По мере того как все прочнее Среднее Поволжье втягивалось в сферу всероссийского рынка, крестьяне-ремесленники изготавливали все больше товара специально для продажи. Во второй половине XVIII в. большим спросом среди сельского населения пользовались телеги, колеса, деревянная посуда, изделия из кожи и другие виды ремесленных изделий.

В симбирском крае успешно развивались промыслы по обработке дерева и переработке сельскохозяйственного сырья. Например, в Симбирском, Курмышском и Алатырском уездах изготовлялись отличные сани, экипажи и телеги. Хорошим качеством деревянной посуды славились мастера из Карсуна, Сызрани и Ардатова. Повсеместно было развито ткачество, кожевенное, сукновальное производство.

Важное место в жизни беднейшего крестьянства стал занимать отхожий промысел. Не имея в достаточном количестве земли и скота, чтобы прокормить свою семью и рассчитаться с податями и денежными повинностями, многие крестьяне уже в начале XVIII в. уходили на Средний и Южный Урал для работы на медеплавильных и железоделательных заводах; нанимались гребцами на купеческие суда.

Во второй половине XVIII в. количество отходников возросло в связи с усилением налогового гнета и увеличением оброка. Многие бедняки отправлялись бурлачить на Волгу, Суру. Причем в отход уже шли не только крестьяне-земледельцы, но и ремесленники ряда специальностей: шерстобиты, вяльщики, плотники, столяры, портные и т. д. В конце 70-х — начале 80-х гг. всего в отход из края уходило до 12—17 тыс. человек.

Развивалось в крае и мануфактурное производство.

К началу XVIII в. в Симбирске и уезде действовали селитровая варница, пороховой двор и кожевенная мануфактура. В 1723 г. в Симбирске была построена замшевая мануфактура, в 1728 г. в Карсунском уезде — Тальская бумажная, а в 1732 г. в Мелекессе и Куваевске — две винокуренные мануфактуры. Все они, за исключением Тальской, принадлежали государству. Вместе с тем во второй половине XVIII в., когда начался про-

цесс разложения феодализма и в промышленную деятельность края стало вовлекаться дворянство, много мануфактур было открыто частными лицами. Это прежде всего вотчинные мануфактуры, занимавшиеся главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья (винокуренные, кожевенные, суконные, полотняные, салотопные и др.), и купеческие предприятия.

К концу XVIII в. на территории Симбирской губернии действовало 124 мануфактуры, в том числе 28 помещичьих и 4 государственных винокуренных, 34 кожевенных, 12 мыловаренных, 9 полотняных и 6 суконных.

Помещики стремились приспособиться к потребностям внутреннего рынка, повысить доходность своих имений. Создание в первой четверти XVIII в. регулярной русской армии значительно увеличило спрос на сукно. Этим воспользовались многие землевладельцы, располагавшие не только сырьем для его производства, но и даровой рабочей силой в лице крепостных крестьян. Суконная промышленность с середины XVIII в. стала быстро развиваться. Большую роль сыграла в этом и покровительственная политика самодержавия. Правительство скупало у предпринимателей все производимое ими сукно, и по высокой цене.

В числе первых суконных предприятий на территории будущей Симбирской губернии, возникших в середине XVIII в., были мануфактуры генерала Левашева в Алатырской провинции (1754 г.), княгини Трубецкой в Ставропольском уезде (1766 г.) и княгини Голицыной в Тереньге Сенгилеевского уезда (1768 г.).

Крупнейшими в губернии предприятиями во второй половине XVIII в. считались: суконная мануфактура княгини Н. Голицыной, на которой работало 670 мужчин и 560 женщин; государственная винокуренная мануфактура на реке Люле в Алатырском уезде, ежегодно отправлявшая в Санкт-Петербург до 336 тыс. ведер вина; частновладельческие винокуренные мануфактуры в селах Пятинское, Труслейка Алатырского уезда и др.

Развитие мелкотоварного производства, рост городов и городского населения, перевод крестьян с натурального на денежный оброк и его увеличение — все это способствовало дальнейшему расцвету торговли в симбирском крае.

Как указывают источники, Среднее Поволжье имело «первостепенное значение в общей торгово-промышлен-

ной деятельности страны». Симбирск же «по числу людей гостинной сотни... не уступает старинному центру Среднего Поволжья — Казани, а по числу людей, торговавших в отъезд, — превосходил его... Все симбиряне гостинной сотни имели «торги и промыслы» с большим денежным оборотом и являлись крупнейшими представителями высших категорий торгово-промышленного класса всего Московского государства»[25].

В начале XVIII в. в Симбирске проживало 11 из 40 крупных купцов Среднего Поволжья. Среди них особенно выделялись своими торговыми операциями и промышленной деятельностью такие купеческие воротилы, как Иван Андреев, Алексей Ушаков и Осип Твердышев. В ассортименте товаров, которыми торговал, например, Иван Андреев, были персидские ковры, голландские сукна, шелк, кожи, хлеб, соль, рыба и т. п. Еще более широкую торговлю вел Алексей Ушаков, являвшийся владельцем винокуренной мануфактуры, трех соляных варниц и крупной мельницы. Осип Твердышев имел на Урале несколько металлургических мануфактур, а в Симбирском и других поволжских уездах — суконную, винокуренную мануфактуры и шесть мельниц.

Важное место в торговле принадлежало местным торжкам и ярмаркам. К числу крупнейших в крае ярмарок относились Карсунская, Казанская в Симбирске и Сенгилеевская.

Казанская Симбирская ярмарка открывалась в июле и длилась трое суток. На нее ежегодно съезжалось до 5000 человек. Торговали здесь изделиями кустарного промысла и в небольшом количестве лошадьми.

В Карсуне ежегодно проводились две ярмарки: одна — в начале лета, другая — 8 июля. Первая из них собирала до 250 купцов из различных уездов страны. В течение 12 дней на ней продавались и закупались товары московские, владимирские, астраханские, курские, белгородские, пензенские, ростовские, макарьевские и т. п. На ярмарку привозили парчу, бархат, атлас, полуатлас, тафту, платки шелковые, полушелковые, с насыпью, ткани бумажные, ситец, голландское полотно, сукна, меха, а также сахар, чай, кофе, мясо и многое другое. Славилась ярмарка и продажей лошадей. До 10 тыс. человек посещали эту ярмарку, чтобы купить необходимый товар.

Вторая Карсунская ярмарка предназначалась для

простого народа, и торговали на ней купцы из ближайших городов.

В 80-е гг. XVIII в. на территории Симбирского наместничества действовало 40 крупных и мелких ярмарок и 53 торжка. Помимо них вели торговлю коробейники, прасолы и т. д.

Симбирское купечество осуществляло торговые операции с Казанью, Нижним Новгородом, Астраханью, Петербургом, Москвой, Вологдой и даже Архангельском. В эти и другие города вывозился хлеб, который был главной статьей продажи среди продуктов сельского хозяйства, а также шкуры волков, лисиц, куниц, горностая, белок, зайцев и т. п.

Положение народных масс

В XVIII в. феодализм в России достиг своего наивысшего развития. В стране увеличились посевные площади, возросло производство хлеба и других продуктов сельского хозяйства на продажу, успешно развивались ремесла и мануфактурное производство. В то же время положение трудящихся масс становилось все тяжелее, так как в обществе, построенном на эксплуатации, «всякий прогресс в производстве означает одновременно регресс в положении угнетенного класса, т. е. огромного большинства» [26].

Основным населением симбирского края было крестьянство, которое до конца XVII в. не представляло собой однородной массы. В конце XVII в., после введения в России подворной подати, все различные прослойки сельского трудового населения превратились в единое податное сословие.

До 1762 г. проживающие на территории края крестьяне делились на помещичьих, монастырских, государственных и дворцовых. Все они по своему положению отличались друг от друга.

В конце XVIII в. наибольшее количество в губернии составляли помещичьи крестьяне — 55,25% от общей численности податного сельского населения. Эта категория крестьян была в самом тяжелом положении. Находясь в феодальной зависимости от помещиков, крепостные отрабатывали на хозяйских полях барщину или выплачивали оброк.

Барщина являлась наиболее трудной формой феодальной ренты. Крестьянин обязан был своим трудом, инвентарем и скотом два-три, а в конце века даже четыре дня в неделю обрабатывать помещичьи поля. Помимо этого в его обязанности входило отвозить хлеб помещика на ярмарки, пристани для продажи, участвовать в строительстве хозяйственных построек, очищать пруды и т. д. Особенно тяжелой разновидностью барщины была работа на вотчинных мануфактурах.

Часть помещичьих крестьян вместо барщины выплачивала помещику оброк. В начале XVIII в. преобладал натуральный оброк, а с 1740 г. он был заменен денежным. Так как размеры оброка никем не регламентировались, то они с каждым годом возрастали. Если в 60-х гг. в среднем взималось 1—2 руб. с ревизской души независимо от возраста, то в 70-х гг. стало взиматься до 3 руб., а в 90-х — до 5 руб. с души. Кроме того, помещичьи крестьяне платили государственную подушную подать и другие сборы. В 1710—1711 гг. только казенных сборов помещичьи крестьяне Казанской губернии выплачивали в среднем в год до 4 р. 78 к.

Оброк приносил помещикам огромные доходы. Так, например, оброчные крестьяне графа Орлова-Давыдова, помимо натуральных повинностей, выплачивали в год до 126 тыс. руб.

Часть помещичьих крестьян до конца XVIII в. находилась на смешанной ренте. Помимо натурального, денежного оброка она выполняла и различные барщинные повинности.

По мере развития товарно-денежных отношений и втягивания помещичьих хозяйств в рыночные отношения землевладельцы стремились увеличить производство сельскохозяйственных продуктов на рынок. Это достигалось не только усилением эксплуатации крепостных, но и за счет расширения помещичьих посевных площадей путем присоединения к ним крестьянских наделов. Крестьяне, переведенные на «месячину», работали на полях или мануфактурах помещика за одежду и пищу.

Таким образом, в губернии шел процесс обезземеливания крестьян.

Ужесточение феодального гнета вызывали также правительственные указы, издаваемые в XVIII в. На основании указов 20—40-х гг. были урезаны жалкие остатки прав крестьян. Так, указ 1728 г. запрещал крестьянам

покидать уезд без паспортов. Указами 1731—1732 гг. им запрещалось брать подряды, вести торговлю в портовых городах и т. д.

Феодальный гнет достиг своего расцвета при Екатерине II, которая разрешила помещикам по своему усмотрению ссылать крестьян на каторгу, на поселения, а крестьянам запретила жаловаться на помещиков.

Помещики имели право вмешиваться в личную жизнь крестьян. Только по разрешению барина крестьяне вступали в брак.

Меткое определение положения крестьянства дал В. И. Ленин, который писал, что крепостное право в России, «где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы... ничем не отличалось от рабства» [27].

Не менее тяжким было положение монастырских крестьян. Эта разновидность крепостных находилась в основном на барщине и несла те же повинности в пользу государства, что и помещичьи крестьяне. В 1710—1711 гг. монастырские крестьяне платили государству по различным сборам в среднем до 5 р. 97 к. с каждого двора, не считая денежных повинностей в пользу монастырей, церквей.

После секуляризации в 1764 г. церковных и монастырских земель крестьяне первоначально перешли в разряд экономических, а затем государственных.

До 20-х гг. XVIII в. в Среднем Поволжье существовали так называемые ясачные крестьяне. Они платили ясак (подать) за пользование земельными наделами, несли различные натуральные повинности, выплачивали денежные сборы в Военный, Адмиралтейский приказы и т. д.

Из натуральных повинностей первой четверти XVIII в. особенно тяжелой считалась строительная. По ней ясачные крестьяне должны были выделять определенное количество людей на строительство Петербурга, Ладожского канала, Рижского порта; направлять рабочих на селитренные варницы.

В 1718 г. в России прошла перепись всего населения, и многочисленные налоги, сборы в пользу государства были заменены подушной податью в размере 74 коп. с ревизской души. Подать взималась с мужчин независимо от возраста. Для ясачного населения, кроме того, был введен дополнительный оброк в размере 40 коп. с

души. На протяжении XVIII в. оброк с государственных крестьян, к которым было причислено в 20-е гг. и ясачное население, непрерывно рос и достиг в конце периода 3 руб.

Государственные крестьяне несли также рекрутскую, дорожную, постойную, строительную, подворную и другие повинности.

Государственным крестьянам жилось лучше, чем помещичьим. Они владели бо́льшими по размерам наделами земли, иногда достигавшими 7—10 десятин, имели свои органы самоуправления, которые ведали вопросами землепользования, разверсткой податей и повинностей. Но в целом положение государственных крестьян также ежегодно ухудшалось из-за увеличения податей и повинностей, произвола властей, незаконных поборов и надругательств с их стороны.

Самый малочисленный разряд на территории края составляли дворцовые крестьяне. Они принадлежали дворцовому ведомству, и весь доход с них шел на содержание царской семьи и родственников царя.

Дворцовые крестьяне в XVIII в. имели наделы земли от 4 до 8 десятин. Их положение было близко к положению государственных крестьян. Они платили такую же подушную подать и оброк, несли различные многочисленные повинности. В XVIII в. их численность постоянно менялась, потому что они были тем источником, из которого правительство одаривало отличившихся дворян землей и людьми. В свою очередь, земельный фонд и крестьянство дворцового ведомства пополнялись за счет земель и крепостных крестьян, конфискованных у опальных дворян.

Начиная со второй четверти XVIII в. положение дворцовых крестьян значительно ухудшилось, так как многие натуральные повинности были заменены денежными.

Таким образом, в XVIII в. положение крестьян всех разрядов в симбирском крае было тяжелым, хотя государственные и дворцовые крестьяне находились в лучших условиях, чем помещичьи. Над ними не было той повседневной опеки, которую испытывали на себе частновладельческие крепостные.

Помимо прямых налогов на плечи крестьян ложились косвенные — такие, как питейный, соляной сборы, таможенные пошлины и т. п.

Перевод крестьян на денежный оброк был важным условием развития товарно-денежных отношений в крае. Теперь, для того чтобы рассчитаться с помещиком, государством или дворцовым ведомством, крестьяне вынуждены были часть производимого ими продукта, нередко им самим необходимого, продавать на рынке. По мере развития товарно-денежных отношений среди крестьян всех разрядов усиливался процесс имущественного расслоения.

Тяжелое положение крестьян Среднего Поволжья нашло свое отражение в многочисленных наказах в Комиссию об уложении 1767 г., где главное место занимали земельные, экономические и национально-религиозные вопросы.

В наиболее тяжких условиях находилось местное нерусское население, которое помимо экономического испытывало на себе и религиозный гнет.

Начиная со второй четверти XVIII в., в связи с ростом классовой борьбы и массовыми выступлениями мордвы, чувашей и татар, царское правительство стало проводить насильственную христианизацию местного населения. Оно издало ряд указов о крещении мусульманских и языческих народностей. Была создана специальная «комиссия новокрещеных дел», которая в 1740 г. была переименована в «контору новокрещеных дел».

Видя, что одними указами не добиться успеха, правительство стало освобождать новокрещеных от уплаты налогов на 3 года, перекладывая эти налоги на отказавшихся креститься. Вместе с тем освобождались из крепостной зависимости крестьяне, у которых помещиком был иноверец.

Духовенство, пользуясь большой поддержкой правительства, под различными предлогами силой забирало у некрещеных крестьян скот, птицу, хлеб, тем самым подрывая и без того слабую экономику крестьянских хозяйств. С помощью местных властей оно уничтожало мечети, «священные рощи». С лиц, отказавшихся от крещения, взымали дополнительные налоги. Ярыми и верными помощниками царизма и духовенства в насильственной христианизации нерусского населения выступали местные феодалы.

Усиление феодального гнета поднимало крестьянство всех национальностей края на борьбу за свои права.

Классовая борьба. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева

Одной из наиболее распространенных форм классовой борьбы в XVIII в., как и в предыдущем столетии, было бегство крестьян на новые, необжитые места. Там они надеялись спастись от жестокой эксплуатации помещиков. Правительство издавало десятки указов (только за вторую четверть XVIII в. их было обнародовано свыше ста), в которых беглым грозили кнутом, каторгой, рекрутчиной и т. д. Им вырывали ноздри, клеймили, а тех, кто укрывал беглых, штрафовали от 50 до 200 руб. Но и эти суровые меры не приносили желаемых результатов. Крестьяне не только продолжали бежать в малодоступные места, но и вели активную борьбу с ненавистными им помещиками и карательными отрядами, направляемыми правительством для поимки и возвращения крепостных.

В 30—50-е гг. в Алатырском, Симбирском, Курмышском уездах особенно участились нападения отрядов беглых крестьян на помещичьи усадьбы. Здесь были уничтожены усадьбы князя Черкасского, помещика Ермолова и др.

В 1768 г. на территории Симбирского уезда действовал отряд под руководством Ивана Колпина, жителя Наровчата. 70 беглых крестьян, солдат, дворовых и работных людей отряда были вооружены ружьями, пистолетами, пиками и даже имели четыре пушки.

В. И. Ленин, говоря об этой форме борьбы крестьян, отмечал слабость такого рода крестьянского движения, его несознательность, «когда воюющий *мстит* врагу, не имея силы *уничтожить,* раздавить врага»[28].

В 60-х гг. на территории симбирского края усилилась борьба помещичьих крестьян. Наиболее крупным в этот период было выступление крепостных графа Шереметьева из села Знаменского Симбирского уезда (1765—1766 гг.). Восставшие сместили старую вотчинную администрацию и избрали новую, провели «следствие» над приказчиком и другими членами прежней администрации. Выступление возглавили бурлак Ф. Булыгин, крестьяне-бедняки Ф. Козин и Я. Вехов. Целый год местные власти не могли справиться с восставшими, и только прибытие в село сил регулярной армии заставило крестьян сдаться.

Наивысшим проявлением классовой борьбы в XVIII в. явилась последняя крестьянская война феодальной эпохи, возглавленная Е. И. Пугачевым.

Восстание началось 17 сентября 1773 г. на реке Яике и вскоре распространилось на огромную территорию Российской империи.

Захватив военные укрепления на Яике, Е. И. Пугачев начал почти полугодовую осаду Оренбурга. Отсюда он послал отряды под командованием своих полковников Арапова, Чики-Зарубина, Соколова, Белобородова на Урал, в Сибирь, Башкирию и Поволжье, чтобы расширить район восстания и поднять на борьбу народные массы.

В декабре 1773 г. на Средней Волге появился отряд И. Арапова. Перед ним была поставлена задача захватить Самарскую оборонительную линию. Одновременно другой отряд восставших под руководством калмыцкого князя Ф. И. Дербенева должен был овладеть Ставрополем.

Появление этих отрядов на Волге и знакомство местного населения с манифестами Е. И. Пугачева стало как бы сигналом к массовому выступлению народных масс против помещиков. Местные жители с охотой примыкали к повстанцам. Только из имений графа Орлова-Давыдова в отряд Арапова вступило свыше тысячи крепостных крестьян. Пополнив свой отряд за счет трудового населения Средней Волги, И. Арапов за короткий период овладел Самарой и Ставрополем.

Встревоженная размахом крестьянского движения, Екатерина II направила на его подавление правительственные войска под командованием А. И. Бибикова. Ему удалось очистить от восставших Прикамье и разбить отряд И. Арапова. Остатки отряда со своим предводителем отступили на Закамскую оборонительную линию и захватили Белый Яр, Никольское, Ерыклинск. Восставшие пытались штурмом взять Мелекесс, но все их атаки были разбиты. Тогда они обошли этот населенный пункт и заняли Бригадировку, Старую и Новую Сахчу, другие села. В январе 1774 г. повстанцы снова дважды пытались взять Мелекесс, но, потерпев неудачу в бою на Черемшане, вынуждены были отступить.

Карательные отряды в наказание за хороший прием пугачевцев и участие на их стороне в сражениях против

правительственных войск сожгли Бригадировку, Старую Бесовку, Сабакаево и ряд других симбирских сел.

Потерпев поражения под Оренбургом и на Урале, Е. И. Пугачев 18 июля 1774 г. переправился на правый берег Волги с отрядом в 500 человек. Начался третий этап крестьянской войны.

28 и 31 июля Пугачев обратился к народам Поволжья с манифестами, в которых жаловал крестьян «вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без оброка»[29]. В манифестах были отражены самые заветные чаяния народов, и тысячи крестьян различных национальностей сразу после появления Е. И. Пугачева на правом берегу Волги присоединились к нему.

Дворяне в панике бежали в Симбирск, бросив свои имения.

Преследуемый правительственными войсками, Е. И. Пугачев, чтобы оторваться от противника, был вынужден принимать в свои отряды только конных, а пеших отсылал назад. Вот почему помимо основных сил пугачевцев на территории симбирского края действовали разрозненные отряды повстанцев. Среди них выделялись своими действиями отряды под руководством Фирса Иванова и Воронова.

20 июля 1774 г. Е. И. Пугачев занял Курмыш. Не задерживаясь здесь, 23 июля он подошел к Алатырю и без боя его взял.

К моменту прибытия Пугачева Алатырский уезд уже был охвачен пламенем восстания. Из всех уездов края именно здесь накал классовой борьбы достиг своего апогея. На Алатырский уезд приходится наибольшее количество сожженных и уничтоженных помещичьих имений, убитых помещиков и чиновников.

Несмотря на то, что главные силы восставших прошли только по трем уездам будущей Симбирской губернии — Алатырскому, Ардатовскому и Курмышскому, крестьянскими волнениями была охвачена почти вся ее территория. Крестьяне расправлялись с помещиками, чиновниками и вотчинной администрацией.

24 июля отряды Пугачева выступили из Алатыря и через Ардатов направились к Саранску. Симбирск в это время оборонялся от повстанцев лишь силами одного

здешнего гарнизона. Этим решили воспользоваться восставшие местные крестьяне под командованием Фирса Иванова.

Получив сведения о намерении восставших захватить в конце августа Симбирск, комендант города полковник Рычков выступил с частью солдат гарнизона им навстречу, чтобы разбить противника на подступах к Симбирску. Встреча Рычкова с восставшими произошла около Уренского городка. Однако солдаты, убив Рычкова и многих офицеров, перешли на сторону Фирса Иванова. Его отряд продолжал двигаться к Симбирску. Но к этому времени полковник Обернибесов, оставленный за коменданта города, получил подкрепление, с помощью которого и разбил восставших. Остатки отряда Фирса Иванова под натиском превосходящих сил отступали по Карсунской засечной черте, где им удалось захватить ряд укрепленных пунктов, в том числе и Карсун. Но это были уже последние успехи повстанцев. В ноябре 1774 г. отряд Фирса Иванова был разбит. Сам предводитель попал в плен и был казнен.

Наиболее яркой личностью из участников крестьянской войны — симбирян являлся Василий Иванович Торнов. Перс по национальности, он в детстве был захвачен турками и продан в рабство. Из Турции ему удалось бежать в пределы России. Первоначально он поселился под Оренбургом, а затем — в селе Лебяжьем под Мелекессом. Здесь Торнов занимался хлебопашеством. В октябре 1773 г., когда Арапов появился в Среднем Поволжье, в Лебяжьем был организован отряд крестьян под руководством В. И. Торнова.

Организаторские и военные способности, храбрость, знание башкирского, татарского и русского языков выдвинули В. И. Торнова в число наиболее близких помощников Е. И. Пугачева. До самой казни вместе с Пугачевым в Москве на Болотной площади Торнов преданно служил своему предводителю.

Активными участниками Пугачевского восстания были и другие жители края. Так, бывшие крепостные крестьяне из Алатырского уезда И. А. Смордов и Я. П. Белянин являлись знаменосцами; за храбрость в боях им было присвоено звание хорунжих. Крупными отрядами на территории края командовали Сомов, Чепарухин и др.

Потерпев 24 августа 1774 г. под Черным Яром сокрушительное поражение, Е. И. Пугачев с небольшим отря-

дом в 200 человек переправился через Волгу. Спустя 12 дней он был захвачен в плен и доставлен в Яицкий городок.

По приказанию командующего карательными войсками графа П. И. Панина 1 октября 1774 г. Е. И. Пугачев в специальной железной клетке, в кандалах, под конвоем двух рот пехоты, 200 казаков и двух орудий, которыми командовал генерал-поручик А. В. Суворов, был привезен с женой Софьей и сыном Трофимом в Симбирск *. Здесь он находился около 20 дней и содержался под усиленной охраной в одном из каменных зданий, располагавшемся на месте современного областного драмтеатра. Пять дней Пугачева допрашивали граф П. И. Панин и начальник следственной секретной комиссии П. С. Потемкин, но так и не добились от него раскаяния и необходимых им показаний.

В ноябре 1774 г. Е. И. Пугачев был привезен в Москву и 10 января 1775 г. казнен.

Разгром народной армии Пугачева и казнь руководителя восстания не стали концом крестьянского движения в крае. Здесь еще долго продолжалась борьба. Только во второй половине 1775 г. правительственным войскам удалось подавить выступления крестьян.

Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева сыграла огромную роль в развитии передовой общественно-политической мысли в стране, в подрыве феодальных устоев. В этом ее историческое значение.

Глава VI. ГУБЕРНИЯ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИХ И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (конец XVIII в. — 1860 г.)

Административное устройство. Население

После разгрома Пугачевского восстания в целях укрепления государственного аппарата на местах и усиления дворянской диктатуры Екатерина II издала в но-

* В первый раз Е. И. Пугачев побывал в Симбирске в конце декабря 1772 г., будучи арестованным за то, что выдавал себя за императора Петра Федоровича. Из Симбирска его, закованного в цепи, отправили в Казанскую тюрьму, откуда он вскоре бежал.

ябре 1775 г. закон о проведении губернской реформы. В соответствии с ним вся страна была поделена на 50 губерний. В некоторых районах русского государства, в том числе и в Среднем Поволжье, где чаще всего происходили выступления народных масс, правительство создавало наместничества во главе с наместниками, наделенными неограниченными полномочиями и подчинявшимися непосредственно императрице. Симбирское наместничество было образовано 15 сентября 1780 г. В его состав вошли Алатырский, Ардатовский, Буинский, Канадейский, Карсунский, Котяковский, Курмышский, Самарский, Сенгилеевский, Симбирский, Ставропольский, Сызранский и Тагайский уезды.

После смерти Екатерины II император Павел I провел дальнейшую реорганизацию административного устройства России. По указу от 12 декабря 1796 г. Симбирское наместничество было преобразовано в губернию, а количество уездов в ней сокращено до десяти. В состав оставшихся вошли территория и население ликвидированных Канадейского, Котяковского и Тагайского уездов.

С 1797 г. губерния включала в себя Саратовский, Инсарский и Шишкеевский уезды ликвидированной, а затем вновь восстановленной Пензенской губернии. Наконец, последнее изменение в административно-территориальном делении Симбирской губернии произошло в 1852 г., когда из ее состава во вновь образованную Самарскую губернию отошли Самарский и Ставропольский уезды.

В конце XVIII — начале XIX в. Симбирская губерния занимала площадь в 7,6 млн. десятин. Однако в ходе административно-территориальных изменений к 1860 г. ее площадь значительно сократилась — до 4,3 млн. десятин, и по своим размерам она теперь стояла на 42-м месте среди 65 губерний и областей Российской империи.

В 1780 г. на территории Симбирского наместничества в 13 городах и 1516 сельских населенных пунктах проживало 730278 человек. В последующие годы население губернии непрерывно росло — главным образом за счет помещичьих крестьян, которых владельцы переселяли сюда из Центральной России, — и к 1860 г. достигло более 1,1 млн. человек. По национальному признаку большинство составляли русские — 72,16%, далее

шли мордва — 11,76%, чуваши — 8,37%, татары — 7,71% и прочие — 0,9%.

В 1860 г. в губернии насчитывалось 0,4% дворян, 1% лиц духовного звания, 0,3% купцов, 3,9% мещан и цеховых ремесленников, 89,8% крестьян всех категорий, 4,6% военнослужащих, солдатских жен и детей.

Социальные отношения

В конце XVIII — первой половине XIX в. русское дворянство оставалось в губернии господствующим, привилегированным сословием, в руках которого находилось значительное количество земли и крестьян (по данным 1860 г. — 40,5% земельных площадей и 43% всех крепостных крестьян губернии).

Дворянство Симбирской губернии по своему экономическому положению было неоднородно. Оно делилось на мелкопоместных, среднепоместных и крупных собственников. В руках последней категории было сконцентрировано 84,7% всех крепостных крестьян и 79,7% земли, принадлежавшей помещикам губернии. К дворянской аристократии относились крупнейшие латифундисты графы Орловы-Давыдовы, Салтыковы, Гурьев, князья Голицыны, Апраксины, Вяземские и др.

Начавшееся разложение феодально-крепостнической системы, которое в первой половине XIX в. переросло в кризис, затронуло и дворянство. В связи с развитием товарно-денежных отношений помещики стремились произвести как можно больше продукции сельского хозяйства, в первую очередь хлеба, для продажи на рынке. В целях повышения доходности своих имений они стали расширять собственные посевные площади за счет крестьянских наделов и усилили эксплуатацию крестьян. Это привело к подрыву крестьянских хозяйств, что, в свою очередь, сказалось на состоянии помещичьего землевладения. Накануне реформы 1861 г. многие помещики губернии находились на грани разорения. Они задолжали различным кредитным учреждениям, государству и частным лицам свыше 10 млн. руб. В 1860 г. ими было заложено и перезаложено 897 имений, или 65,8% от общего количества помещичьих имений в губернии.

Часть помещиков-землевладельцев пыталась приспособиться к новым условиям и стала применять новейшую

технику, вольнонаемный труд, а для этого переводила своих крестьян с барщины на оброк. Такие новшества были введены в поместьях графа Орлова-Давыдова, Ивашева, Вяземского и др. Однако применение прогрессивных методов ведения хозяйства в сочетании с малопроизводительным трудом крепостных крестьян, не заинтересованных в увеличении производительности труда и качестве обработки барских полей, не спасало помещиков от разорения. Например, П. Н. Ивашев в 1802 г. занял в Петербургском опекунском совете 19 900 руб. под залог 398 ревизских душ и земли деревни Ивашевки. В 1810—1811 гг. он снова сделал заем, на этот раз в Московском опекунском совете, под залог своих имений в Симбирской, Владимирской, Костромской и Пензенской губерниях. Родовое имение Тургеневых в 1829 г. было заложено в опекунском совете за 142 тыс. руб., а затем продано.

С 1856 по 1860 г. в Симбирской губернии за неоплаченные долги 17 помещичьих имений были проданы с торгов, 158 — взяты под опеку и 181 имение описано.

Упадок помещичьих хозяйств показывал, что дальнейшее их развитие на прежней феодальной основе уже невозможно. Крепостническая система стала препятствием для технического и хозяйственного прогресса.

Основную массу населения губернии составляло крестьянство. Его общая численность в 1860 г. увеличилась по сравнению с 1785 г. почти в два раза и составила 1 047 843 человека, что было вызвано освоением новых земель на территории губернии и переводом сюда помещиками своих крепостных из центральных районов страны.

Крестьяне губернии делились в этот период на государственных, удельных и помещичьих. В первой половине XIX в. количество помещичьих крестьян сокращалось, а удельных, напротив, увеличивалось вследствие того, что много частновладельческих крестьян за долги их помещиков переходило в удельное ведомство.

Наделение крестьян землей было «условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»[30]. В конце XVIII в. в Симбирской губернии, по сравнению с центральными губерниями России и даже с соседними, еще не испытывалось недостатка в пахотных землях. Поэтому наделы помещичьих крестьян здесь пер-

воначально достигали 14,5 десятины. В дальнейшем стремление помещиков к увеличению своих доходов привело к резкому сокращению крестьянских наделов, а в имениях мелкопоместных дворян — и к их ликвидации и переводу крестьян на месячину. В начале XIX в. средний надел на душу мужского пола в губернии составлял 5,2 десятины, а в 1860 г. — 3,5 десятины. Особенно малоземельными были помещичьи крестьяне Алатырского, Ардатовского, Карсунского, Курмышского и Сызранского уездов. Здесь наделы составляли от 0,29 до 2 десятин.

По формам эксплуатации помещичьи крестьяне губернии делились, как и прежде, на барщинных и оброчных; в отдельных имениях применялась смешанная система.

Несмотря на некоторое сокращение барщины, она в первой половине XIX в. продолжала оставаться главной формой эксплуатации крестьян. В 50-х гг. на ней находилось 71,8% помещичьих крестьян. Накануне реформы 1861 г. Симбирская губерния по количеству частновладельческих крестьян, отбывавших барщину, опережала такие губернии, как Курская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Орловская, Тульская и Рязанская.

Барщинная система эксплуатации была выгодна наиболее консервативным помещикам; она позволяла им сохранять за собой большую часть удобной для полеводства земли, которую крестьяне обрабатывали хозяину своим скотом и инвентарем.

До конца XVIII в. размеры барщины не были определены законом, и только в 1797 г. Павел I, напуганный размахом крестьянских выступлений, указом установил трехдневную барщину. Но этот указ многими помещиками не выполнялся, и они заставляли крестьян работать по 4—5 дней в неделю. С этой целью вводилась так называемая урочная система, по которой устанавливались заведомо завышенные нормы работы на полях помещика. В результате крестьяне часто не могли полностью обрабатывать свои наделы, что приводило к их разорению. Так, в 1837 г. крестьяне Усольской вотчины писали графу Орлову-Давыдову, «что они совершенно никаких дней на свою работу не имеют, отчего их поля более третьей части не засеяны» [31]. Дальнейшее обеднение крепостных было не в интересах помещиков, которые лиша-

лись вследствие этого полноценной рабочей силы, и, чтобы заставить крестьян полностью запахивать их наделы, крепостники стали взыскивать за каждую необработанную десятину крестьянских наделов по 1 руб. штрафа.

В тяжелом, но несколько лучшем, чем барщинные, положении находились оброчные крестьяне. Помещик устанавливал им определенную сумму денег, которую они должны были платить ежегодно. Обычно оброк зависел не от величины надела, а от доходов крестьянина, который занимался каким-либо промыслом или торгово-промышленной деятельностью. На оброке находилось 22,2% крестьян. Как и барщина, оброк непрерывно рос. С конца XVIII до середины XIX в. он увеличился в губернии в среднем более чем в два раза — с 7 р. 50 к. до 18 р. 93 к. серебром.

Размеры оброка в помещичьих имениях были различны. Так, начиная с 1806 г. до середины 40-х гг. в Усольской вотчине оброк с ревизской души брался от 66 до 70 руб.; в 1860 г. в Симбирском уезде Ф. Анненков взимал с тягла от 22 до 85 руб.; в Карсунском уезде Е. Ф. Жукова взыскивала от 14 до 86 руб., В. П. Римская-Корсакова — от 20 до 90 руб. и т. д. Если учесть, что в 1860 г. десять пудов ржи стоили 3 р. 50 к., то станет ясно, сколь трудна была выплата даже среднего по губернии оброка — 18 р. 93 к.

Помимо барщины и оброка помещичьи крестьяне обязаны были платить подушную подать, земские сборы.

Вместе с тем помещики вводили дополнительно различные денежные и натуральные повинности. Сюда входили строительные работы, рубка леса, работа на помещичьих мануфактурах, доставка продуктов сельского хозяйства к пристаням, заготовка сена и т. д. Женщины и дети обязаны были участвовать в обмолоте хозяйского хлеба, посадке овощей, прополке посевов, стрижке овец и т. д.

Особенно страдали крестьяне от произвола помещиков. До 1842 г. власть последних над крепостными была почти неограниченной. В 1842 г. был издан «Свод законов Российской империи», который несколько уменьшил помещичий произвол. Но и по новому законодательству помещик имел право наказывать крестьян розгами до 40 ударов, палками до 15 ударов, подвергать аресту до двух месяцев, отправлять в смирительный или работный дом до трех месяцев, в арестантские роты — до шести

месяцев, ссылать в Сибирь по своему усмотрению или сдавать в рекруты.

Помещики губернии строго следили, чтобы количество тягол не сокращалось, и с этой целью заставляли молодых крестьян и крестьянок образовывать семьи. Вотчинная администрация в имениях составляла списки женихов и невест, после чего помещик устанавливал сроки, в течение которых они должны были обвенчаться. Тех, кто не выполнял распоряжение помещика, обычно соединяли насильно, несмотря на возраст. Если же и это не удавалось, то мужчин, годных к воинской службе, отдавали в рекруты вне срока, а девушек штрафовали. Например, в вотчинах Орлова-Денисова девушки штрафовались по 25 руб. за то, что к 20 годам не выходили замуж. По этой причине в одном только 1819 г. было взыскано 1275 руб. Тех, кто не в состоянии был выплатить штраф, отсылали работать на суконную фабрику.

Тяжелое положение крестьян приводило к их массовой задолженности как помещику, так и государству.

Развитие товарно-денежных отношений усиливало процессы расслоения в деревне. Из общей массы крепостных стала выделяться небольшая группа зажиточных крестьян. Некоторые из них выкупались из крепостной зависимости. К 1837 г. в губернии насчитывалось уже 826 «свободных хлебопашцев». Конечно, это было ничтожно малое количество от общего числа помещичьих крестьян.

Разбогатевшие крестьяне занимались скупкой и перепродажей хлеба, скота, изделий крестьянских промыслов и т. д. Они были основными арендаторами помещичьей земли, рыбных угодий, мельниц *. Выступали зажиточные крестьяне в деревне и в роли ростовщиков. Они ссужали односельчан деньгами или хлебом под высокие проценты, и часто целые селения оказывались в долгу у таких ростовщиков. Например, в 1821 г. у крестьянина деревни Пореполовенской Якова Скачкова должниками числилось 28 крестьян.

Наряду с помещиками зажиточные крестьяне стали эксплуатировать бедняков, заставляя их за долги работать на себя.

---

* Многие крупные землевладельцы-помещики сами сельским хозяйством не занимались, их крестьяне были на оброке. Свои земли эти помещики сдавали в аренду.

Государственные крестьяне находились в феодальной зависимости от государства. Они платили оброк, подушную подать, вносили определенную сумму денег на земские и мирские нужды, выполняли подводную, дорожную, строительную и рекрутскую повинности.

Число государственных крестьян в губернии в XIX в. сокращалось. Одной из основных причин этого являлась их раздача помещикам. Только с 1803 по 1816 г., по неполным данным, было роздано 29 тыс. десятин земли вместе с крестьянами.

В правовом отношении государственные крестьяне находились в лучшем положении, чем помещичьи и даже удельные. Они сами избирали себе род занятий, имели право приобретать на свое имя имущество и как «свободные сельские обыватели» имели свои выборные органы самоуправления. Вместе с тем им не разрешалось поступать на государственную службу, а их детей запрещено было принимать для учебы не только в высшие, но и в средние учебные заведения.

Удельные крестьяне являлись собственностью императорской фамилии. Ранее они принадлежали дворцовому ведомству. В 1797 г. Павел I издал закон «Учреждение об императорской фамилии», согласно которому для содержания членов царского дома, не находящихся на государственном обеспечении, было создано специальное удельное ведомство. К нему перешли громадные участки земли вместе с крестьянами от бывшего дворцового ведомства.

В конце XVIII в. на территории губернии проживало около 60 тыс. удельных крестьян обоего пола. В 1860 г. их стало более 519 тыс., что составляло почти 50% крестьян всех категорий. Наибольший прирост количества удельных крестьян произошел в 1835 г., когда в разряд удельных было переведено 199 340 ревизских душ государственных крестьян.

Все удельные крестьяне управлялись тремя конторами: Симбирской, Алатырской и Сызранской. На местах им подчинялись приказы, власть которых распространялась на несколько волостей. Все должностные лица приказа выбирались, тем самым как бы устанавливался принцип самоуправления. Все эти учреждения имели многочисленный штат чиновников, беззастенчиво грабивших крестьян.

При создании удельного ведомства законом 1797 г.

каждый удельный крестьянин должен был быть наделен участком земли в 9 десятин, помимо огорода и усадьбы. Однако этот закон не выполнялся. В начале XIX в. на ревизскую душу приходилось в среднем по 4,3 десятины, а свыше 15 тыс. удельных крестьян имели наделы еще меньше.

К 1860 г. земельные площади удельного ведомства в губернии выросли в четыре раза. Но это не привело к увеличению наделов удельных крестьян. Наоборот, размеры их земельных участков по сравнению с первым десятилетием XIX в. сокращались. Удельное ведомство не было заинтересовано в увеличении крестьянских наделов. Оно считало более выгодным сдавать землю в аренду тем же удельным крестьянам и представителям других сословий.

За пользование надельной землей крестьяне обязаны были платить своему ведомству оброк; они выплачивали также подушную подать, отбывали государственные, земские и другие повинности.

В 1830 г. удельное ведомство вместо оброка с ревизской души ввело поземельный сбор, который крестьяне должны были вносить соответственно количеству и качеству их земли. Однако само ведомство не соблюдало это требование и облагало налогами не только землю, но и неземледельческие занятия крестьян. Поземельные сборы с крестьян увеличились до 12 р. 10 к. В результате денежные поступления в удельное ведомство по этой статье резко возросли. И так же резко возросла задолженность удельных крестьян. Только по одному Алатырскому уезду с 1851 по 1859 г. она составила 71,5 тыс. руб., а всего к 1861 г. удельные крестьяне губернии должны были ведомству 180 тыс. руб. Положение крестьян ухудшилось и в связи с большим увеличением подушной подати — с 1 р. 26 к. до 5 р. 60 к.

Помимо прямых налогов с удельных крестьян взимались сборы на почтовые и канцелярские расходы, жалованье писцам и сторожам, наем квартир старшинам, содержание приказных лошадей, ремонт зданий удельного ведомства и т. д. Они были обязаны выполнять дорожную, подводную, рекрутскую и другие повинности. Все это тяжелым бременем ложилось на их плечи. Управляющий удельной конторой Симбирской губернии Бестужев писал министру двора Волконскому, что в шести приказах Алатырского и Ардатовского уездов удель-

ные крестьяне живут в крайней бедности, **«коих половина** едва ли имеет насущный хлеб и трудом добывают подати, занимая, платя большие проценты»[32].

Таким образом, по формам эксплуатации удельные крестьяне мало чем отличались от оброчных помещичьих. Да и в правовом отношении их многое роднило. Та же круговая порука, отсутствие права свободно менять место жительства, запрет приобретать на свое имя недвижимую собственность и т. д. И все же положение удельных крестьян было немного лучше. Они имели больше самостоятельности и не могли быть лишены своих наделов. Вот почему социальное расслоение среди удельных крестьян шло быстрее, чем среди помещичьих.

Расслоение выделило в удельной деревне небольшую группу зажиточных хозяев, которые арендовали или покупали землю, занимались торговлей. К началу 60-х гг. 1025 удельных крестьян купили 8300 десятин земли. Некоторые разбогатевшие на торговле и доходных промыслах крестьяне, используя царский указ 1798 г., за выкуп удельному ведомству переходили в другие сословия. Однако этим указом могли воспользоваться лишь самые зажиточные, так как сумма выкупа была большая и в первой половине XIX в. она неоднократно увеличивалась. Например, если в начале века за переход в мещанское сословие необходимо было заплатить по 350 руб. с ревизской души, то впоследствии эта сумма возросла до 700 руб. серебром и по 100 руб. с каждой незамужней дочери. Еще труднее было перейти в купеческое сословие. В 1840 г. крестьянин деревни Алексеевки Сенгилеевского уезда Акчурин, чтобы добыть купеческое звание, выплатил удельному ведомству за себя, троих сыновей и двух дочерей 8200 руб. серебром. Через несколько лет он стал крупным фабрикантом губернии.

В другие сословия могли переходить удельные крестьяне только тех селений, где не было недоимок.

В середине XIX в. в губернии увеличилось количество купцов и купеческого капитала. Рост купечества шел за счет третьей гильдии, которая пополнялась главным образом разбогатевшими крестьянами, особенно удельными. В то же время численность купцов первой и второй гильдий сокращалась. Это было вызвано тем, что многие из них (Акчурин, Андреев и др.) вложили свои капиталы в промышленность губернии и за ее пределами и стали фабрикантами и заводчиками.

Экономика

В конце XVIII — первой половине XIX в. Симбирская губерния продолжала оставаться одной из житниц России. Вместе с тем она относилась к таким районам империи, где особенно было сильно и «больше всего укоренилось *истинно русское* крепостничество...»[33], — писал В. И. Ленин. Развитие товарно-денежных отношений и повышение спроса на продукты сельского хозяйства в стране способствовали развитию отрасли, а с другой стороны, господствовавшие феодально-крепостнические отношения тормозили это развитие.

Накануне реформы 1861 г. 94% всей земли в губернии находилось в руках помещиков, удельного ведомства и государства.

Под влиянием развивающихся капиталистических отношений в Симбирской губернии заметно расширились посевные площади. Господствующей системой в земледелии оставалось трехполье. Но среди зажиточных крестьян удельного ведомства начало внедряться четырехполье, где четвертое поле отводилось под травосеяние. В целях повышения урожайности зажиточные крестьяне и отдельные помещики чередовали посевы культур, внедряли новые сорта.

В конце XVIII в. главной зерновой культурой в губернии была озимая рожь. Под нее отводилось 35% всех посевов, а остальная пашня занималась под гречиху, просо, горох, ячмень, чечевицу и т. д.

С 20-х гг. XIX в. происходило некоторое перераспределение посевных площадей. Значительно увеличились посевы пшеницы. Она стала основной зерновой культурой, а рожь по занимаемым площадям отодвинулась на второе место. Это было связано с увеличением спроса на пшеницу на внутреннем рынке России, повышением цен на нее. По-прежнему много производилось в губернии гречихи, проса, гороха и чечевицы.

Основными сельскохозяйственными орудиями продолжали оставаться соха, деревянная борона, коса и серп. Только немногие помещики и зажиточные крестьяне применяли плуг и железную борону. Главной причиной использования старой рутинной техники была феодально-крепостническая система, при которой помещичья земля обрабатывалась инвентарем и тягловым скотом крестьянина. Дороговизна новых железных сельскохо-

зяйственных орудий труда и бедность крестьян не позволяли им применять эти орудия.

Обработка полей устаревшими средствами вела к истощению почв и падению урожайности сельскохозяйственных культур.

Большой ущерб посевам наносили стихийные бедствия, особенно засуха, налеты саранчи, градобой. За период с 1832 по 1839 г. только удельные крестьяне от стихийных бедствий понесли убытки на 3 млн. руб.

Увеличение производства зерновых культур шло в основном за счет роста посевных площадей и усиления эксплуатации крестьян.

С 30-х гг. XIX в. значительное место в полеводстве стало занимать выращивание картофеля. В 50-х гг. в губернии ежегодно производилось 24—25 тыс. тонн картофеля. Он не только был «вторым хлебом» для крестьян, но и в больших количествах продавался на рынке.

В Алатырском, Карсунском и Буинском уездах население занималось также табаководством; в Сызранском и Сенгилеевском уездах — бахчеводством.

Второй по значению отраслью сельского хозяйства являлось животноводство. В конце XVIII — первой половине XIX в. оно интенсивно развивалось в связи с возросшими потребностями внутреннего рынка и ростом суконных и кожевенных мануфактур.

Как и земля, основная масса скота принадлежала помещикам.

В губернии занимались коневодством, разведением крупного и мелкого рогатого скота и свиноводством. В 1850 г. здесь существовало 50 конных заводов.

Особенно большое внимание уделялось овцеводству. В 1846 г. в Симбирской губернии было 2100 тыс. голов овец, и она занимала по этому показателю шестое место в Европейской России, уступая лишь южным губерниям: Астраханской, Войску Донскому, Таврической, Екатеринославской и Херсонской. В основном практиковалось разведение овец грубошерстных пород. Но с 1809 г. Ф. М. Самарин стал разводить тонкорунных овец. Вскоре его примеру последовали граф Орлов-Давыдов, графиня Панина, князь Вяземский и др. Это были помещики, которые хотели приспособиться к потребностям рынка. Большая заслуга в популяризации развития в губернии тонкорунного овцеводства принадлежит П. Н. Ивашеву, который пропагандировал новейшие методы выра-

щивания тонкорунных овец, обосновал в своих статьях доходность этой отрасли хозяйства.

Успехи, достигнутые в овцеводстве, позволяли не только полностью обеспечивать сырьем суконные мануфактуры губернии, но и вывозить шерсть далеко за ее пределы.

Свиноводством занимались в основном удельные крестьяне. Особенно было развито оно в Алатырском, Ардатовском, Карсунском и Сенгилеевском уездах, где свиней разводили для продажи.

Важным подспорьем в экономике крестьян были огородничество, садоводство и пчеловодство.

Огородничество в Симбирской губернии развивалось неравномерно. Промысловый характер оно получило в селах, близко расположенных к уездным городам, промышленным предприятиям. Наибольших успехов добились в этом виде деятельности удельные крестьяне; для многих из них занятие огородничеством стало основным источником существования. Отдельные села специализировались на производстве семян огородных культур для продажи. Значительная часть получаемой продукции, особенно капуста, картофель, морковь, вывозилась из губернии в города Верхнего и Нижнего Поволжья. Зажиточные крестьяне при посадке овощей и уборке урожая применяли вольнонаемный труд.

Хорошо было развито в первой половине XIX в. и садоводство, причем во многих селах оно было поставлено на промышленную основу. «Фруктовые сады, — писал А. Липинский, — занимают иногда значительные пространства и доставляют большие доходы владельцам, особенно распространены они в Симбирске, Сенгилее, Сызрани... некоторых приволжских селениях»[34].

Огородничеством и садоводством занимались главным образом зажиточные крестьяне.

Пчеловодство было распространено во всех уездах. Если в начале XIX в. мед и воск добывали для удовлетворения своих потребностей, то с 30—40-х гг. их собирали уже преимущественно для продажи. Особенно было развито пчеловодство среди удельных крестьян.

Важное место в экономике губернии занимала промышленность.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» отмечал пять основных форм промышленности: домашняя, ремесло, мелкое товарное производство, ману-

фактура и фабрика. В рассматриваемый период в Симбирской губернии существовали все перечисленные формы.

В конце XVIII и первой половине XIX в. личные крестьянские хозяйства не обеспечивали необходимого прожиточного минимума, поэтому крестьяне были вынуждены заниматься различными промыслами и отходом. На развитие крестьянской промышленности оказало большое влияние и правительственное разрешение всем сословиям открывать промышленные предприятия.

Промыслами занимались крестьяне всех категорий во всех уездах. Но наибольшее распространение они получили среди государственных, удельных и оброчных помещичьих крестьян, а территориально — на западе губернии. Широко практиковались как обрабатывающие, так и отхожие промыслы. Отдельные крестьяне и целые села специализировались на производстве тех или иных видов товара.

К числу распространенных обрабатывающих крестьянских промыслов относилось кожевенное производство. Наибольшего своего развития оно достигло в Сызранском уезде, где изготовляли сапоги, коты, башмаки и разных сортов сбрую. Отсюда ежегодно в город Уральск вывозили различных кожевенных изделий на 25 тыс. руб. Рукавицами славилась Астрадамовка Алатырского уезда, хорошими теплыми сапогами — Ховрино, Бутырки. Малый Барышек Карсунского уезда, добротными тулупами и овчинами — Тагай, Тушна, Подгорная Каменка, Мостовая и Ключищи Симбирского уезда. По данным А. Липинского, в Ховрине производством сапог занимались все жители — свыше 200 человек, которые в год изготовляли приблизительно от 30 до 50 тыс. пар сапог.

Центром войлочного производства в губернии считалось село Никитино Карсунского уезда, где ежегодно выделывалось до 80 тыс. штук войлочных изделий.

Лучшие крестьянские сукна, полотна и холсты изготовлялись в Шумовке и Ишеевке Симбирского уезда, Куроедове, Урено-Карсунском Карсунского уезда, Порецком Алатырского и Тереньге Сенгилеевского уездов. Большая часть производимой продукции шла на продажу. Особенно славились мордовский и чувашский холсты, которые были очень прочны. В 30-е гг. в присурских селениях было налажено производство бумажной и полубумажной ткани «промзинка».

Промыслы, связанные с обработкой лесного материала, были развиты в юго-западных уездах губернии. В селе Аргаши Карсунского уезда изготовлялись сани, в Жадовке и Базарном Сызгане — телеги. Многие села Сызранского, Карсунского и Ардатовского уездов специализировались на производстве деревянной посуды.

В первой половине XIX в. в городах и крупных селах, расположенных на основных торговых трактах, успешно развивалось слесарное и кузнечное дело, а также производство рогож, кулей, сит, решет, веревок, мельничных жерновов, гончарной посуды и т. д.

Важную роль в жизни населения губернии продолжали играть отхожие промыслы, и в первую очередь — бурлачество и батрачество. В отход шли оброчные крестьяне всех категорий, у которых были малы земельные наделы. В конце XVIII в. ежегодно на заработки отправлялось от 12 до 17,7 тыс. человек.

В первой половине XIX в., несмотря на частичный запрет помещиков, удельного ведомства, количество отходников не только не сократилось, а, наоборот, увеличилось. Причем среди уходивших на заработки росла доля крестьян, владеющих той или иной специальностью. Накануне реформы 1861 г. из губернии уходило в отход до 65 тыс. человек, или 65% всего крестьянского населения.

Бурлаки составляли основную массу отходников. Это была сезонная работа. Как только вскрывались Волга и Сура, тысячи крестьян уходили бурлачить до поздней осени. Данный промысел был особенно развит в селах Курмышского, Алатырского, Ардатовского, Сызранского уездов.

За свой нелегкий труд бурлаки получали гроши. Например, от Симбирска до Рыбинска им платили по 44—45 руб. ассигнациями, от Промзина — 34—36 руб. Они не только тянули судно, но и бесплатно грузили и разгружали его. Из заработанных денег бурлаки должны были платить по 9 руб. за получение паспорта, по 12 руб. — за питание.

Многие крестьяне, гонимые нуждой, нанимались в работники и батраки на год или полгода. Главными поставщиками вольнонаемных крестьян были Карсунский, Алатырский, Сенгилеевский и Буинский уезды.

Симбирские крестьяне уходили на заработки не только в соседние Самарскую и Саратовскую губернии, но и

на Дон, в Сибирь, Киевскую, Оренбургскую, Московскую и даже Санкт-Петербургскую губернии.

Развитие отхожего промысла имело большое прогрессивное значение, ибо, как писал В. И. Ленин, этот промысел «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»[35].

Успешно развивалось в Симбирской губернии мануфактурное и фабричное производство. В 80—90-х гг. XVIII в. здесь насчитывалось более ста мануфактурных предприятий: винокуренных, кожевенных, свечных и салотопных, мыловаренных, суконных, полотняных, поташных и т. д. В целом, как видно из перечня, преобладали предприятия легкой промышленности, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья.

В 1815 г. Симбирская губерния занимала 11-е место среди 23 других губерний страны по количеству предприятий (85) и занятых на них рабочих (2900 человек). В 1861 г. в ней насчитывалось уже 1261 промышленное предприятие, но только 87 из них были крупными, а остальные представляли собой мелкие заведения, вырабатывающие в год продукции на 300—500 руб. Из крупных предприятий помещикам принадлежало 58, владельцами 25 мануфактур были купцы и четырех — крестьяне.

Наибольшее количество крупных мануфактур — 26 — было расположено в Симбирском уезде. В Карсунском уезде имелась 21 мануфактура, в Сызранском — 17, Алатырском — 8, Курмышском — 3.

Большую роль в промышленности губернии играло суконное производство. В 1861 г. суконных мануфактур было 33, на них трудилось 12 270 рабочих и выпускалось продукции 1,9 млн. аршин на 1,5 млн. руб. Успешное развитие суконного производства было связано с увеличением поголовья овец в губернии. Помещики, имея в своих хозяйствах сырье и даровую рабочую силу, открывали вотчинные мануфактуры. В основном производилось грубое солдатское сукно. Спрос на эту продукцию был высок в связи с подготовкой и участием России в многочисленных войнах. Так, около 20 суконных мануфактур губернии возникли накануне и в период Крымской войны.

Помещикам принадлежало 30 из 33 суконных предприятий губернии. На вотчинных мануфактурах применялся труд крепостных крестьян, которые отбывали здесь барщину и не получали заработную плату. На этих предприятиях производительность труда была низкой, а условия работы — очень тяжелыми. Точную характеристику положения крестьян на вотчинных мануфактурах дал декабрист Н. И. Тургенев, который писал: «Они (помещики. — *Ред.*) набили по сотне своих крепостных в жалкие хижины, преимущественно молодых девушек и мальчиков, и заставили их работать как можно больше... От крестьян приходилось слышать, с каким ужасом они говорили об этих учреждениях. Они говорили «в этой деревне есть фабрика» так, как если бы говорилось «там появилась чума» [36].

На двух фабриках Акчуриных в Старом Тимошкине и фабрике Протопопова в Румянцеве, которая потом перешла к Селиверстову, в середине XIX в. использовался вольнонаемный труд и применялись новейшие машины, что давало им большое преимущество в выпуске продукции по сравнению с вотчинными мануфактурами. Так, фабрики братьев Акчуриных, где работало 2625 человек — 20% всех рабочих суконных предприятий губернии, выпускали в год 735 тыс. аршин сукна, или 38,3% от общего количества производимого в губернии сукна, на сумму 621 тыс. руб.

Часть владельцев вотчинных мануфактур пыталась, сохраняя труд крепостных, увеличить производство и качество продукции за счет частичного применения вольнонаемного труда, выплаты наградных крестьянам и т. д. Но подобные попытки не давали положительных результатов, и большинство вотчинных мануфактур приходило в упадок.

Сильный удар по ним был нанесен окончанием Крымской войны, когда правительство сократило закупки сукна почти вчетверо. И все-таки суконная промышленность продолжала оставаться ведущей отраслью местной промышленности: на ее предприятиях трудилось 66% всех промышленных рабочих губернии и она выпускала 52% всей промышленной продукции.

Второе место по количеству выпускаемой продукции принадлежало винокурению. В 1861 г. в губернии было 16 винокуренных заводов, которые производили более 805 тыс. ведер вина в год на сумму свыше 547 тыс. руб.

На третьем месте стояло кожевенное производство. В 1861 г. в губернии насчитывалось 152 кожевенных предприятия, но крупных среди них было только 19. Они располагались в городах, и на их долю приходилось 62% всей выпускаемой кожевенными предприятиями продукции. Особенно развито было данное производство в Сызрани.

Тяжелая промышленность в губернии не была распространена. Во второй четверти XIX в. купец Андреев основал завод по выпуску сельскохозяйственных машин. В 50-х гг. этому же владельцу принадлежали чугунолитейный и медеплавильный заводы, на которых изготовлялись запасные части к паровым машинам, сеялкам, веялкам и молотилкам. Тогда же появился завод купца Зотова по изготовлению плугов и сеялок. Все эти заводы просуществовали недолго из-за ограниченного спроса на их продукцию.

С развитием капитализма в губернии происходило изменение социального состава владельцев промышленных предприятий. Если в XVIII в. мануфактуры принадлежали, за малым исключением, лишь помещикам, то в первой половине XIX в. часть крупных предприятий находилась в руках купцов и крестьян. На этих предприятиях применялись вольнонаемный труд и новейшая техника, в результате чего многие вотчинные мануфактуры не выдерживали конкуренции с ними. Они закрывались или сдавались в аренду купцам и разбогатевшим крестьянам. Так, в первой половине XIX в. в селе Никольском закрылась кисейная и платочная мануфактура помещика Дурасова; прекратили свое существование семь винокуренных заводов (в том числе заводы помещиков Тургеневых, Ивашева и др.), девять предприятий Орлова-Давыдова и т. д.

В. И. Ленин, рассматривая причины упадка вотчинных мануфактур, писал: «...мы имеем здесь дело с двумя противоположными течениями, которые однако оба выражают развитие капитализма, именно: с одной стороны, упадок помещичьих заведений вотчинно-посессионного характера, с другой стороны, развитие чисто капиталистических фабрик из купеческих заведений»[37]. Это замечание Ленина применимо и к Симбирской губернии.

С 1780 по 1860 г. население губернии увеличилось на 430 тыс. человек, или на 58,8%; городское население выросло с 23 до 70 тыс. человек, то есть более чем в три

раза. За этот период в число городов были включены Курмыш, Буинск и Карсун, в которых насчитывалось от 1862 до 3525 жителей. В то же время в губернии имелось много сел, где население превышало 3500 человек. Это говорит о том, что при создании городов учитывалось не экономическое развитие населенных пунктов, а удобства административного управления тем или иным уездом. Вот почему в большинстве городов главное их богатство составляла не промышленность, а земельные угодья, которые сдавались в аренду.

Наиболее крупными городами как по количеству жителей, так и по числу ремесленных и промышленных заведений в первой половине XIX в. были Симбирск и Сызрань.

Дальнейший подъем сельского хозяйства, мелкой и крупной промышленности способствовал расширению торговли. Большую роль в ее развитии играли Волга и Сура, являвшиеся основными путями перевозки грузов.

В торговой жизни губернии важное место занимали ярмарки. Только с 1851 по 1860 г. привоз товаров на всех ярмарках вырос более чем в два раза, а их продажа — почти в 3,5 раза. Крупнейшими ярмарками были Симбирская сборная и Карсунская Троицкая.

На ярмарках продавался большой ассортимент товаров: ткани, чай, сахар, кофе, сукна, кожи и кожаные изделия, овчины, краски, шкуры зверей, железные, чугунные и медные изделия, фарфоровая и фаянсовая посуда, скот и т. д. Сюда приезжали купцы не только из соседних уездов, но и из других губерний.

Помимо ярмарок торговля шла на базарах, которых в 1860 г. насчитывалось 89. На расширение базарной торговли особенно большое влияние оказывало развитие товарно-денежных отношений. Теперь деньги основному населению губернии — крестьянам — нужны были не только для расчетов с государством, удельным ведомством и помещиками, но и для купли-продажи продуктов и изделий.

Быстро росла магазинная торговля в городах и крупных населенных пунктах. В 1861 г. в губернии было 1626 магазинов, из них 467 располагались в каменных зданиях.

Широкое развитие получила и торговля вразнос. Прасолы, коробейники, зная потребности крестьян в тех или иных товарах, проникали в самые отдаленные села гу-

бернии. Торговля прасолов была фактически основана на кабальных для покупателей условиях. Пользуясь безденежьем большинства крестьян, они часто давали свой товар в долг, а в период уборки урожая забирали последний за мизерную цену. Ставя крестьян в зависимость от себя, торговцы получали за их счет большие барыши.

Географическое расположение Симбирской губернии, с ее крупными реками, давно сложившимися торговыми и скотогонными путями, определяло направления торговых связей с Уралом, Нижним и Верхним Поволжьем, Доном, Кубанью и т. д. Из губернии вывозили зерно, муку, говядину, свинину и баранину, сукна, кожи, поташ, спирт. Важное место в торговле занимали изделия крестьянских промыслов, в частности сапоги, полушубки, рукавицы, сани, телеги, хомуты, деготь, смола, рогожи и т. д.

Однако главным товаром, идущим за пределы губернии, был хлеб. О росте хлебной торговли говорят следующие данные: если в 1810 г. со всех пристаней губернии было вывезено 450 тыс. пудов хлеба, то в 1860 г. — более 8 млн. пудов. Кроме того, было израсходовано на винокурение соответственно 117 и 832 тыс. пудов. Хлеб вывозился главным образом с волжских пристаней, располагавшихся на территории Симбирского, Сызранского и Буинского уездов.

Массовые движения крестьян в конце XVIII — первой половине XIX в.

После подавления Пугачевского восстания в губернии наступила жестокая пора. Помещики, пользуясь поддержкой царской администрации, усилили эксплуатацию крестьян, стараясь возместить ущерб, понесенный в ходе крестьянской войны. Они увеличивали оброк, повинности, расширяли барскую запашку за счет крестьянских наделов. Бесправное положение крестьян, усиление эксплуатации, увеличение барщины, оброка и подушной подати, натуральных поборов и повинностей — все это вызывало рост крестьянского движения в губернии.

Борьба охватывала все категории крестьян. В зависимости от местных условий народный протест принимал самые разнообразные формы — от подачи помещичьими крестьянами прошений правительству, где об-

ращалось внимание на жестокость помещиков (что расценивалось по тогдашнему законодательству как уголовное преступление), до открытых выступлений против помещиков и царской администрации. Так, в 1800 г. крестьяне села Карлинского, принадлежавшего помещице Щербатовой, в ответ на произвол управляющего имением направили в Москву, где проживала Щербатова, выбранных на сходе ходоков с жалобой. Однако ходоки до Москвы не дошли. По требованию управляющего их арестовали в пути и с согласия помещицы отправили в Сибирь. Подобная судьба постигала многих крестьян, осмелившихся выступить с жалобами на своих притеснителей.

Распространенной формой протеста крестьян против издевательств помещиков и управляющих имениями продолжало оставаться их бегство. Особенно увеличилось количество побегов в 1825 г., когда по деревням губернии распространился слух о разрешении крестьянам переселяться на некую новую оборонительную линию. По неполным данным, в этом году из Симбирского уезда бежало 30, Сенгилеевского — 212, Ставропольского — 207, Самарского — 322, Ардатовского — 81, Буинского — 33, Курмышского — 27, Алатырского — 8 человек. Губернская администрация, напуганная размахом движения, была вынуждена послать в Сызранский, Ставропольский, Сенгилеевский, Самарский, Карсунский уезды сотню казаков Калмыцкого полка и роту солдат Симбирского гарнизона, которые заставили крестьян прекратить волнения. Для поимки и возвращения беглых посылались специальные карательные отряды. Из одной только Оренбургской губернии в Симбирскую было возвращено в 1825 г. под конвоем 800 крестьян.

С каждым годом росло стремление крестьян избавиться от крепостной зависимости. Ради этого они были готовы пойти на любые жертвы. Так, дворовая крестьянка помещицы Шевелевой из Старой Майны дважды совершала побег, за что наказывалась розгами и плетьми. Убедившись, что бежать ей не удастся, она распустила слух о том, что убила человека. В ходе следствия обман был раскрыт, и Дмитриева созналась, что история с убийством выдумана ею с одной целью — быть сосланной в Сибирь и тем самым навсегда избавиться от ненавистной помещицы.

В августе 1821 г., после смерти помещицы Куроедо-

вой, крестьяне ее селений Троицкого и Чуфарова отказались подчиняться наследникам Бекетовым. На усмирение волнений были посланы солдаты Симбирского гарнизона. Часть крестьян была арестована и предана суду.

В апреле 1843 г. посессионные рабочие Тальской бумажной фабрики отказались работать на своего хозяина и просили местные власти освободить их от крепостной зависимости.

Наряду с открытыми выступлениями в губернии имели место случаи поджогов помещичьих усадеб, избиений и убийств управляющих имениями и помещиков. В 1802 г. в имении графа Орлова-Давыдова — Усолье — был подожжен и сгорел салотопный завод. В 1803 г. там же были уничтожены вотчинная контора и ткацкая фабрика; сгорел также господский дом помещика Ивашева. В октябре 1816 г. крестьяне Вырыпаевки, вооружившись топорами и дубинками, напали на своего помещика в поле и убили его. В августе 1837 г. крестьяне Голодаевки и Осиповки Сенгилеевского уезда убили помещика Ховрина и двух его дворовых. В ходе следствия были выявлены такие факты произвола и издевательств помещика, что даже царская администрация не решилась вынести виновным смертный приговор. Их клеймили, наказали 25 ударами плетью и оставили работать в имении.

Невыносимые условия жизни ожесточали крепостных. Крупные крестьянские волнения происходили в 1839 г., когда сильная засуха в ряде губерний России привела к многочисленным пожарам. В это время среди крестьян распространился слух, что в пожарах виноваты помещики и чиновники, по приказаниям которых якобы поджигаются крестьянские дома. Люди верили этим слухам и расправлялись со всяким, кто вызывал у них подозрения, и в первую очередь с владельцами имений и местной администрацией. В селе Шигоны Сенгилеевского уезда 31 мая 1839 г. был убит помещик Павел Кротков. В том же году в Юрловке Карсунского уезда крестьяне избили приехавшего туда на пожар исправника и бросили его в огонь «за поджигательство». В Репьевке Карсунского уезда крепостные напали на управляющего имением и представителей местной власти. В результате только священнику и управляющему удалось спастись от разгневанной толпы, а остальные были убиты. В селе

Топорнине Сызранского уезда был жестоко избит помещик Топорнин по подозрению в поджоге.

С 1829 г., когда удельное ведомство стало сокращать крестьянские наделы и увеличивать повинности, усилилось массовое движение удельных крестьян. В ответ на сокращение наделов в 1836 г. в Буинском, Карсунском и Симбирском уездах начались выступления крестьян. Они отказывались от общественной запашки и захватывали отрезанные у них участки земли. Местная администрация была не в силах справиться с бунтовщиками, и управляющий Симбирской удельной конторой А. В. Бестужев обратился за помощью к губернатору. Только по прибытии в уезды воинских отрядов движение удельных крестьян было подавлено.

В 1842—1843 гг. в Симбирской губернии, как и в Оренбургской, Пермской, Казанской, Тобольской и Вологодской, вновь участились выступления государственных и удельных крестьян. Они подавлялись силой.

Отечественная война 1812 г. и участие в ней симбирян

Славной страницей в истории борьбы русского народа за свою независимость явилась Отечественная война 1812 г. Наряду с регулярной русской армией сражалось и сыграло огромную роль в разгроме врага народное ополчение.

Русская армия начала XIX в., комплектовавшаяся на основе рекрутской повинности, не имела резервов. Вот почему правительство в войнах этого периода прибегало к созыву народного ополчения, которое по численности часто превышало регулярные силы. Так было и в 1812 г.

Вторжение Наполеона в пределы России вызвало широкое патриотическое движение простого народа, грудью вставшего на защиту своей Родины. Учитывая это, Александр I в манифестах от 6 и 18 июля объявил о создании ополчения в 16 губерниях Центральной России и в Поволжье. На территории Поволжья был образован 3-й округ в составе Нижегородской, Симбирской, Казанской, Костромской, Пензенской и Вятской губерний. Начальником ополчения округа был назначен генерал-лейтенант граф П. А. Толстой.

На совместном заседании губернского правления и дворянского собрания в Симбирске 24 июля было принято решение создать Симбирское ополчение, для чего взять по три человека от каждых ста душ крепостных крестьян, а не по десять, как того требовал Манифест. Александру I потребовалось 31 августа издать новый указ, чтобы заставить симбирских помещиков выделить хотя бы по четыре человека от ста душ в ополчение.

2 августа 1812 г. во всех церквах Симбирской губернии был зачитан Манифест о создании ополчения. Простой народ встретил его с большим воодушевлением. Тысячи крестьян готовы были записаться в ополчение добровольцами. Они надеялись, что после окончания войны они будут за свою службу освобождены от крепостной зависимости. Однако вскоре стало известно, что без разрешения помещиков их крепостные не имеют права вступать в ряды защитников Отечества.

Феодальное общество не давало возможности отправиться на защиту Родины и городскому населению. Жители городов могли стать ополченцами только после получения разрешения от городских властей, уплаты всех податей за время пребывания в ополчении и должны были служить в нем на собственные средства. Большинство посадского населения таких возможностей не имело.

Совсем по-другому встретило Манифест симбирское «благородное» дворянство. Оно не только не желало выделять в ополчение крестьян, но и само не хотело идти на войну в качестве офицеров. Вот почему, в частности, многих офицеров в ополчение 3-го округа правительство пригласило из других губерний.

По Манифесту, ополчение требовалось создать к 15 октября. Оно должно было состоять из четырех пехотных полков — в Алатыре, Ставрополе, Сенгилее, Симбирске, и конного — в Карсуне. Командирами полков были назначены подполковники Филатов и Топорнин, полковники И. Самойлов, Д. Третьяков и генерал-майор Оболенский. Однако к намеченному сроку в губернии были сформированы только три пехотных и конный полк общей численностью в 8560 человек.

Военная обстановка заставила Александра I объявить в октябре 1812 г. о дополнительном наборе в ополчение 3-го округа. В результате в губернии был создан четвертый, резервный полк. Он стоял на границе и в боях не участвовал.

Жители губернии пожертвовали в фонд ополчения около 1,3 млн. руб. деньгами, много хлеба, подвод, лошадей, одежды и т. д.

В начале ноября 1812 г. ополченцы выступили в поход. Первоначально им было приказано расположиться на Украине, чтобы не дать отступающей из Москвы армии Наполеона проникнуть в хлебные районы. В дальнейшем задача изменилась, и ополчение 3-го округа разместилось в районе Овруча и Мозыря, на левом фланге резервной армии Лобанова-Ростовцева. Это изменение было вызвано тем, что М. И. Кутузов опасался выступления Австрии на помощь Наполеону.

В мае 1813 г. ополченцы Поволжья получили в городе Ковно 15 000 французских ружей и после военной подготовки были включены в состав образованной из корпуса Дохтурова и резервной армии Лобанова-Ростовцева Польской армии. В ее рядах они участвовали в ликвидации французских гарнизонов в городах-крепостях Дрездене, Магдебурге, Гамбурге, Глогау, Виттенберге и Торгау. В сражениях многие симбиряне проявили мужество и героизм. Но победа над врагом досталась дорогой ценой. Немало ополченцев пало в боях.

К октябрю 1814 г. народное ополчение полностью выполнило поставленную задачу. Необходимость в нем отпала, и 28 октября начался его ропуск. Большое количество ополченцев добровольно вступили в регулярную армию и дошли до Парижа.

Декабристы-симбиряне

«В 1825 году Россия, — писал В. И. Ленин, — впервые видела революционное движение против царизма...»[38] Это было движение декабристов. В нем принимали участие симбиряне Н. И. Тургенев, В. П. Ивашев, Ф. М. Башмаков.

Николай Иванович Тургенев родился в 1789 г. в селе Тургеневе Симбирского уезда в семье родовитых дворян. Отец будущего декабриста Иван Петрович Тургенев, либерал по своим взглядам, оказал большое влияние на четверых сыновей. Мать, в противоположность своему супругу, была грубой, малограмотной, жестокой крепостницей. Вот почему уже в детстве стали формироваться антикрепостнические взгляды Н. И. Тургенева.

До семи лет он воспитывался в семье, в 1796 г. поступил в пансионат при Московском университете, а затем в сам университет. После его окончания Тургенев продолжил учебу в Геттингенском университете. Вернувшись в Россию, он поступил на службу помощником статс-секретаря Государственного совета, а в 1819 г. стал управляющим 3-м отделением Министерства финансов.

В Отечественной войне 1812 г. он не участвовал, но война оказала на него большое влияние, и он стал горячим сторонником республиканской формы правления. После разгрома Франции Тургенев был включен в состав ликвидационной комиссии от России, часто бывал во Франции, где вступил в одну из масонских лож. С помощью масонства он думал добиться освобождения крестьян.

В 1815 г. Тургенев познакомился с генералом М. Орловым. Они решили создать в России тайную организацию «Орден русских рыцарей», но замысел не был реализован в связи с отходом Тургенева от масонства. Узнав о существовании в России тайного общества «Союз спасения», Тургенев в конце 1817 г. вступил в него, а после реорганизации общества стал одним из руководителей «Союза благоденствия».

В 1818 г. он посетил родовое имение и, выполняя устав «Союза благоденствия», перевел своих крестьян с барщины на оброк, передал им в аренду мельницы, водоемы, раздал господский скот и тысячу рублей деньгами для беднейших крестьян; запретил использование детского труда на суконной мануфактуре.

Тургенев имел большой авторитет среди членов «Союза благоденствия». Но в обществе не было единства, начались разногласия, и в январе 1821 г. на съезде в Москве по поручению руководства он объявил о роспуске «Союза благоденствия».

В марте 1821 г. Тургенев вел в Петербурге большую подготовительную работу по созданию новой тайной организации. Он написал «Правила» (Устав) общества, где на первом месте стоял вопрос об освобождении крестьян; принял в общество Митькова, Толстого, Миклашевского. Под его руководством состоялось три заседания. Но он не знал, что аналогичную работу вели Н. Муравьев и М. Лунин. В конце апреля обе эти группы объединились в Северное общество, в котором

Н. И. Тургенев возглавил думу. По просьбе Пестеля он написал для программного документа Южного общества декабристов — «Русской Правды» — ряд резделов.

В 1824 г. Тургенев уехал за границу, где мечтал познакомиться с деятелями западноевропейского общественного движения. С 1826 г. по 1831 г. он жил в Англии, а с 1831 г. по 1871 г. — во Франции. За границей он сблизился с лидером ирландского освободительного движения О. Коннелем, социалистом-утопистом Луи Бланом, представителями христианских социалистов школы Ламене, которого Ф. Энгельс считал одним из лучших умов Франции. Благодаря этим знакомствам Тургенев многое узнал об общественном движении в Западной Европе. Он установил связи с представителями «Крепостной интеллигенции» Шевцовым и Викулиным, вел переписку с Чаадаевым, Ф. Глинкой, Нарышкиным. В 30—50-х гг. в Париже его посещали М. Бакунин, Н. Сатин, П. Анненков и др.

Живя за границей, Тургенев много сделал для оправдания декабристов. Именно с этой целью, а также стремясь разоблачить фальсификаторов Запада, которые в своих трудах искажали русскую культуру и пренебрежительно отзывались о русском народе, он в 1847 г. издает книгу «Россия и русские».

В годы революционной ситуации в России Тургенев сближается с Герценом, сотрудничает в «Колоколе».

За активное участие в создании тайных обществ декабристов он в 1826 г. был заочно приговорен царским судом к смертной казни, потом замененной пожизненной каторгой. На родине ему удалось побывать лишь в 1857 г. в связи с амнистией. Н. И. Тургенев умер во Франции в 1871 г.

В сибирской ссылке окончили свои дни В. П. Ивашев и Ф. М. Башмаков.

Глава VII. КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

О развитии культурного процесса в Симбирском Поволжье до XVII в. сегодня приходится судить лишь по косвенным источникам и материалам, характеризующим культуру России в целом, так как прямых источников пока не обнаружено. Семнадцатый век, означавший начало нового периода русской истории, был новым эта-

пом и в развитии культуры. И хотя Симбирское Поволжье являлось регионом, где русская культура в то время только распространялась одновременно с освоением края, уровень ее развития и здесь был достаточно высоким, особенно по сравнению с культурой местных народов.

В начале XVIII в. в Русском государстве произошел резкий переход от средневековых религиозных форм духовной жизни к светской науке и культуре. Этот переход был подготовлен всем предшествующим историческим развитием России. К концу XVII в. богатейшая древнерусская средневековая культура исчерпала свои возможности. Новый этап развития страны требовал соответствующих ему новых форм и нового содержания национальной культуры, включения ее в общий мировой культурный процесс. К концу XVIII в. это было достигнуто.

Наиболее значительным периодом в развитии русской культуры на данном этапе стала первая четверть XIX в., ознаменовавшаяся небывалым подъемом национального самосознания, широким распространением освободительных идей, появлением писателей, художников и других деятелей культуры, которые в своем творчестве отражали в определенной степени интересы закрепощенных народных масс. И хотя после поражения декабристского восстания в стране установился режим жестокой николаевской реакции, остановить развитие русской прогрессивной мысли было уже невозможно.

Процесс развития передовой демократической русской культуры охватывал и Симбирскую губернию. Здесь, как и в других местах страны, наряду с обломовщиной, произволом крепостников и затхлой обывательской атмосферой обретали силу новые, прогрессивные веяния.

Просвещение

В Казанском ханстве, унаследовавшем культуру Волжской Булгарии, образование осуществлялось на основе арабской письменности. Чиновники, духовенство и другие представители господствующего класса получали его главным образом в медресе — духовных учебных заведениях при мечетях. Такое образование было пронизано духом религиозного фанатизма и, как правило, ос-

нов научных знаний не давало; оно оставалось привилегией только татар, в то время как мордва, чуваши и другие народы края своей письменности не имели.

С присоединением края к России и появлением на его территории православных церквей и монастырей здесь стали появляться русские школы грамоты. При монастырях создавались школы с интернатами, прежде всего для так называемых «новокрещеных» — детей татар, мордвы и чувашей, принявших христианство. Правительство и церковь через такие школы стремились ускорить и углубить освоение края, использовали религию для более успешной эксплуатации многонационального коренного населения. Обучение в них велось по церковным книгам (Часослов, Псалтырь, Апостол), но использовались также пособия светского характера (буквари, азбуквенники, грамматики) — сначала рукописные, а потом и печатные. Духовенство строго следило за тем, чтобы ученики не стремились к научным знаниям о природе и человеческом обществе. Школы грамоты, несмотря на их несовершенство и ограниченность, давали начальное образование (умение читать, писать) многим.

При некоторых церквах и особенно при монастырях имелись библиотеки. Почти все книги в них были духовного содержания, но встречались и такие, как «Книга глаголемая Козмы Индикополова» (одна из первых на Руси переводных книг по географии), списки русских исторических летописей.

Крупнейшим событием культурной жизни России в первой половине XVIII в. стало появление светских государственных школ — математических, навигационных, артиллерийских, цифирных и др. Подверглись некоторым положительным преобразованиям и духовные школы.

Первая светская школа в Симбирске — цифирная — появилась в 20-е гг. XVIII в. Несмотря на строжайшие указы, симбирские помещики не хотели посылать в нее своих детей. Большинство дворянских «недорослей» получало так называемое домашнее обучение и воспитание. К концу века в крае появилось до десяти частных пансионов.

Симбирская цифирная школа просуществовала недолго и из-за отсутствия учеников была преобразована в гарнизонную, где получали начальное образование дети солдат и нижних армейских чинов.

Дальнейший подъем экономического развития страны, рост городов, усиление местного государственного аппарата, после разгрома Крестьянской войны 1773—1774 гг. и другие причины вынудили правительство приступить к организации школ для непривилегированного городского населения. Такими школами стали народные училища: главные — в губернских городах, с пятилетним курсом обучения, и малые — в уездных центрах, с двухлетним курсом. Главное народное училище появилось в Симбирске в 1786 г., а в 1787—1890 гг. в Алатыре, Сызрани, Карсуне, Самаре и Саранске открылись малые народные училища. Однако часть из них вскоре после создания была ликвидирована.

Первой сельской школой губернии стала школа в селе Усолье, открытая графом В. Г. Орловым для обеспечения своих имений канцеляристами и управляющими. Вскоре по велению графа подобные школы появились в селах Актуши, Шигоны, Кузькино и Переволоки.

В 1802—1804 гг. Александр I провел реформу государственной системы народного образования, в результате которой появилось специальное министерство народного просвещения. В соответствии с реформой все учебные заведения делились теперь на четыре категории: приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты.

Первое одногодичное приходское училище в Симбирской губернии появилось в 1807 г. в селе Сутяжном Алатырского уезда. В 1833 г. подобные училища были открыты в Карсуне и Усолье, в 1834 г. — в Сызрани и Симбирске, в 1835—1839 гг. — в Больших Ключищах и некоторых других населенных пунктах. Приходские училища предназначались для всех сословий, в том числе и податных. Они давали религиозное воспитание и элементарные навыки чтения, письма и счета.

В уездных училищах срок обучения был двухгодичным. Учиться в них тоже могли дети всех сословий, за исключением крепостных. Кроме закона божия здесь изучалось еще 14 предметов. Выпускники могли поступать в гимназии. Такие училища появились: в Симбирске — в 1811 г. (при гимназии), в Алатыре и Ставрополе — в 1816 г., в Карсуне — в 1818 г., в Курмыше — в 1826 г.

Мужская гимназия в Симбирске — единственная на всю губернию — возникла в 1809 г. Этот тип учебных заведений обслуживал дворян и чиновников, готовил их

к поступлению в университеты и к карьере государственных служащих. Курс гимназического обучения был четырехлетним.

Однако развитию народного образования в России всячески препятствовали реакционные силы, стремившиеся превратить все категории школ в очаги воспитания покорных, бессловесных рабов. В 1828 г. был издан «Устав гимназий и училищ, состоящих в ведомстве университетов», по которому школьная система опять приобретала сословный характер и доступ детей податного населения в средние и высшие учебные заведения практически закрывался. Над учениками и учителями устанавливался строгий надзор, в школах вводилась палочная дисциплина.

Кроме государственных школ в губернии продолжали работать и частные учебные заведения. Их к середине века насчитывалось около 20. В татарских населенных пунктах имелось до 50 медресе. В 1841 г. в Четвертакове Ардатовского уезда появилось первое в губернии ремесленное училище. Наконец, в 40—50-е гг. в удельных имениях губернии было открыто 85 одногодичных начальных училищ, в которых обучались дети крепостных. Общее количество обучавшихся во всех учебных заведениях губернии в середине XIX в. достигало 5—6 тыс. человек.

В течение длительного времени не прививалась в Симбирске книжная торговля. Книжная лавка, открытая здесь в 80-е гг. XVIII в. по инициативе просветителя Н. И. Новикова, просуществовала недолго. И только в 1839 г. такая лавка появилась вновь.

Здравоохранение

В XVII—XVIII вв. вследствие низкого уровня развития естественных наук, и медицины в частности, какой-либо системы здравоохранения в губернии, как и во всей стране, не было. Крестьяне и городская беднота при заболеваниях либо занимались примитивным самолечением, либо обращались за помощью к знахарям, в том и в другом случае опираясь на практический опыт народной медицины. Не в лучшем положении находились дворяне, духовенство и чиновники. Наиболее богатые из них пользовались услугами лекарей, научно-меди-

цинская подготовка которых была, как правило, ничтожной.

Народные врачеватели — знахари — нередко обставляли процесс лечения таинственными действиями — чтением молитв, заговорами, всевозможными манипуляциями. Из-за этого их считали людьми необычными, знающимися с «колдовскими силами», и относились к ним настороженно. 18 марта 1736 г. на центральной площади Симбирска был сожжен на костре один из таких врачевателей, посадский человек Яков Яров, обвиненный церковью и властями в еретичестве и волшебстве.

Прогрессивное развитие России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. положительно сказывалось на развитии здравоохранения. В 80—90-х гг. XVIII столетия в крае появились первые медицинские учреждения: больница для простонародья в Симбирске, вотчинная больница и аптека в Усолье. В открывшихся университетах на медицинских факультетах стали готовить кадры врачей. В 1775 г. в губернских центрах были организованы приказы общественного призрения, призванные ведать организацией и работой госпиталей, больниц, богаделен, сиротских домов, школ и таких полицейских заведений, как работные и смирительные дома. С 1797 г. начали создаваться губернские врачебные управы. Бюджет медицинских учреждений складывался главным образом из добровольных пожертвований или дополнительных сборов с податного населения. Определенную его часть составляли и государственные средства, но они были очень незначительны, в результате чего общественные медицинские учреждения постоянно нуждались в самом необходимом — оборудовании, питании больных и лекарствах. Количество лечебных заведений тоже оставалось крайне недостаточным, особенно тогда, когда на ту или иную губернию обрушивалась очередная эпидемия, уносившая десятки и сотни тысяч человеческих жизней.

Недостаток государственных медицинских учреждений некоторые симбирские помещики пытались компенсировать открытием вотчинных больниц. Делалось это не столько в гуманных целях, сколько в интересах сохранения крепостной рабочей силы, хотя среди помещиков, открывавших больницы, встречались и такие, которые искренне стремились облегчить участь своих крепостных. Вплоть до отмены крепостного права одна из луч-

ших вотчинных больниц функционировала в Усолье Сызранского уезда. Хорошая больница была открыта в Ундорах Симбирского уезда генералом Ивашевым. В 1818 г. будущий декабрист Н. И. Тургенев открыл двухгодичную временную больницу в фабричном селе Тургеневе, принадлежавшем его семье. Поэт-партизан Д. В. Давыдов в последние годы своей жизни сам лечил крестьян в селе Верхняя Маза Сызранского уезда. В 1850—1855 гг. поэт, публицист, революционный демократ Н. П. Огарев с женой Н. А. Тучковой-Огаревой лечили больных Тальской писчебумажной фабрики. Но все это не решало коренных проблем развития здравоохранения в крае.

Крупнейшим и единственно отрадным событием в этом отношении стало основание в 1801 г. симбирским дворянством губернской больницы имени императора Александра I (Александровской больницы), рассчитанной вначале всего на 60 мест. Со временем она расширялась и к 1857 г. уже состояла из терапевтического, хирургического, психоневрологического и так называемого земского отделений, размещенных в специальных корпусах, образовавших целый больничный городок. Благодаря энергии и самоотверженности инспектора врачебной управы доктора медицины Д. И. Иванова, сосланного в Симбирск из Москвы за «вольнодумство», а также талантливых хирургов П. К. Делоне, Н. Е. Дроздова, П. А. Музалева и др. Симбирская губернская больница была одной из лучших в Среднем Поволжье.

Научные знания

В XVII в. в связи с появлением на Руси мануфактур, развитием ремесел, складыванием всероссийского рынка, потребностями обороны страны и другими факторами происходило становление различных отраслей научных знаний.

Во второй половине XVIII в. Симбирское Поволжье впервые подверглось научным исследованиям. В 1768—1769 гг. экспедиция Российской Академии наук во главе с академиками Н. С. Палласом и И. И. Лепихиным провела несколько месяцев в Симбирске, изучая полезные ископаемые, палеонтологию, растительный мир и этнографию края. В 1783 г. директор Симбирского главного народного училища Т. Г. Масленицкий составил «Топографическое описание Симбирского наместничест-

ва». Материалы этих исследований представляют значительный научный интерес и в настоящее время. Вместе с тем изучение Симбирского Поволжья в XVIII в. носило эпизодический характер и осуществлялось главным образом приезжими учеными, выполнявшими задания правительства или Академии наук.

В первой половине XIX в. появился ряд ученых, чьи имена были тесно связаны с симбирским краем. Одни из уроженцев края впоследствии покинули его; вся их жизнь и научная деятельность проходили главным образом в Петербурге и других крупнейших городах России. К числу этих ученых относятся историограф и писатель Н. М. Карамзин, историки П. П. Бекетов, И. И. Пушкарев, физиолог И. М. Сеченов, зоолог и путешественник М. Н. Богданов и др. Для других Симбирск был местом не только рождения, но и постоянного жительства и работы, а симбирский край — главным объектом научных исследований. Такими учеными являлись, например, П. М. Языков, Д. П. Ознобишин, М. В. Арнольдов.

П. М. Языков известен как исследователь в различных областях знаний. Он написал около 30 научных трудов по геологии, составил карту почв Симбирской губернии, собрал большую палеонтологическую коллекцию, занимавшую некоторое время специальный кабинет в петербургском Горном институте; им написана краткая история городов губернии. П. М. Языков был основателем Симбирского губернского музея — одного из первых в России.

Д. П. Ознобишин стал одним из первых фольклористов и этнографов края. Серьезные этнографические исследования проводились также М. В. Арнольдовым.

Тесно была связана с Симбирском научная деятельность рано умершего талантливого историка Д. А. Валуева, автора одной из первых работ по истории славян Центральной Европы и основоположника изучения проблемы местничества. Совместно с П. М. Языковым и П. В. Киреевским он издал в 1845 г. в Москве первый том «Синбирского сборника». Значителен вклад Д. А. Валуева и в изучение устного народного творчества края.

Крупнейший математик и астроном XIX в. Д. М. Перевощиков начинал свой путь в науку на симбирской земле в качестве преподавателя мужской гимназии, где проработал с 1809 по 1816 г. В этой же гимназии с 1833 по 1857 г. работал известный специалист по истории,

языку и литературе восточных народов польский революционер Я. Н. Верниковский. В 1840—1849 гг. в Симбирской мужской гимназии преподавал К. И. Невоструев, положивший начало археологическим исследованиям края.

Помещику из села Репьевка Сызранского уезда А. В. Бестужеву удалось вывести новую высокопродуктивную породу крупного рогатого скота, известную в настоящее время под названием бестужевской.

В 1835 г. в Симбирске был создан губернский статистический комитет. Он положил начало систематическому изучению важнейших явлений общественно-экономической жизни губернии. Значительным вкладом в изучение края стали труды полковника А. Липинского.

Литература, фольклор

В основе национального литературного творчества всегда лежит устное народное творчество. «Язык создается народом и обрабатывается писателями», — говорил А. С. Пушкин.

Устное народное творчество на территории Симбирского Поволжья отличалось особенным богатством. «Здесь... сложились своеобразные устои народной жизни... Борьба с татарами, крестьянские войны XVII—XVIII вв., острые социальные противоречия — все это порождало сложные исторические коллизии, обуславливая развитие этнической поэзии, начиная с былин, исторических песен и кончая балладами»[39].

По инициативе А. С. Пушкина изучение фольклора в нашем крае начал в 30-х гг. XIX в. П. В. Киреевский. Его помощниками в этом деле стали семьи прогрессивных симбирских дворян — Языковых, Бестужевых, Хомяковых, Валуевых и др. В Симбирске и Сызрани, в селах волжского Правобережья ими были записаны сотни прекрасных фольклорных произведений — былин, преданий, исторических, разбойных, солдатских, обрядовых, хороводных, свадебных, семейных и других песен, пословиц и поговорок, вошедших затем во многие издания произведений русского устного народного творчества. Фольклор Симбирского Поволжья изучался и в последующие десятилетия...

В XVIII в. симбирский край дал России ряд имен,

составивших гордость отечественной литературы того периода. Это прежде всего М. П. Баратаев, П. П. Бекетов, И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин. Уроженец Симбирска М. П. Баратаев получил довольно широкую известность как писатель и ученый прогрессивного направления. П. П. Бекетов был известен современникам в качестве писателя и ученого-историка, автора «Пантеона русских писателей» и ряда других исторических произведений. Он возглавлял Московское общество истории и древностей. И. И. Дмитриев родился в селе Богородском Сызранского уезда. Начав свой жизненный путь с военной службы, он впоследствии стал видным государственным деятелем. Прославился, однако, как баснописец и автор острых сатир и эпиграмм. Велики его заслуги в выработке русского литературного языка допушкинского периода.

Н. М. Карамзин, выходец из небогатой симбирской дворянской семьи, детские и юношеские годы провел в селе Знаменском * и в Симбирске. С 1791 г. он жил в Москве, где занимался литературной и издательской деятельностью. К числу его наиболее значительных литературных произведений относятся «Письма русского путешественника», «Лиодора», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и др. С середины 90-х гг. Карамзин почти полностью переключился на изучение истории России и последние 22 года жизни отдал работе над двенадцатитомной «Историей государства Российского». Как писатель он стал основателем русского литературного языка. Как историограф — был одним из крупнейших представителей исторической науки конца XVIII — начала XIX в., использовал и сделал достоянием специалистов и широкого круга читателей огромное количество ранее неизвестных исторических документов, привлек к истории России всеобщий интерес современников.

В 1848 г. в Симбирске была открыта первая губернская публичная библиотека, созданная в память о Н. М. Карамзине и названная его именем.

Симбирск вошел в историю как родина многих писателей и поэтов, внесших существенный вклад в развитие прогрессивной отечественной культуры.

С. Т. Аксаков, автор широко известных повестей «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и др.,

* Ныне с. Карамзинка Майнского района.

часто бывал в разные годы в родовом имении — селе Аксакове, а также в имениях родственников — Чуфарове и Вишенках. Симбирские впечатления легли в основу его лучших произведений, отличающихся реализмом, глубокой любовью к природе, критическим отношением к быту симбирских крепостников.

Н. М. Языков был уроженцем Симбирска. Значительную часть своей жизни он провел в родном городе и в родовом имении — селе Языкове. «Последней звездой пушкинского созвездия» назвали его литературоведы. Талантливый поэт, друг Пушкина и пушкинского круга литераторов, Н. М. Языков, по словам В. Г. Белинского, «навсегда принадлежит русской литературе». Положенное на музыку стихотворение Н. М. Языкова «Пловец» стало впоследствии одной из любимых песен русских революционеров, в том числе и В. И. Ленина.

В 1833 г. имение Языковых дважды посетил А. С. Пушкин: по пути в Оренбург, где он собирал материалы о Пугачевском восстании, и обратно.

В селе Верхняя Маза провел свои последние годы поэт-партизан Д. В. Давыдов. Здесь закончилась его трудная, героическая жизнь. Военные записки Д. В. Давыдова «Дневник партизанских действий 1812» и его военно-историческая работа «Опыт теории партизанского действия» и ряд очерков о событиях, свидетелем и участником которых он был, до настоящего времени представляют исключительный исторический и литературный интерес. Друг Пушкина, Жуковского, Вяземского, Грибоедова и многих других представителей русской прогрессивной культуры, он был близок со многими декабристами. «Гусарские», патриотические и лирические стихи Д. В. Давыдова пользовались огромной популярностью, некоторые из них были положены на музыку.

В числе известных литераторов этого периода, тесно связанных с симбирским краем, были В. А. Соллогуб, автор повестей «Два студента», «Большой свет», «Тарантас» и других произведений; П. В. Анненков, писатель, критик и биограф, издатель первого полного собрания сочинений А. С. Пушкина, лично знакомый с К. Марксом, друг Гоголя, Огарева, Тургенева, Некрасова, Шевченко; писатель и поэт М. А. Дмитриев; поэт, писатель и драматург А. В. Тимофеев; писатели Д. В. Григорович и Г. Н. Потанин — выходец из семьи дворового крепостного; писатель, драматург и публицист, друг

семьи Ульяновых В. Н. Назарьев; поэт и переводчик Д. И. Минаев и другие, чья литературная деятельность продолжалась и во второй половине XIX в.

Театр

В последние десятилетия XVIII в. в крае возникали первые крепостные театры. Их создавали местные богатые помещики, поощряемые примером царского двора в Петербурге. Начало таким театрам положил в 1780 г. Н. А. Дурасов. В селе Архангельском, а затем в Симбирске им были созданы две труппы, которые ставили спектакли для многочисленных дурасовских родственников, друзей и знакомых. Неграмотные крепостные актеры заучивали роли на слух. «Долго, бывало, маются сердечные, — вспоминал о них один из современников,— да как раз пяток их для понятия выдерут, — выучат твердо». Между репетициями и спектаклями они опять превращались в пахарей, скотников, птичниц, выполняли тяжелую барщину или разнообразные обязанности дворовых. Дурасовские театры считались по тем временам лучшими в крае. Часть их актеров проходила обучение в Москве у выдающегося артиста П. А. Плавильщикова.

Были крепостные театры в Симбирске у Татищевых и Ермоловых, у А. Е. Столыпина — прадеда М. Ю. Лермонтова, а также у князя Грузинского в Алатырском уезде. А. Е. Столыпин в 1806 г. продал свою труппу императорскому двору. Она положила начало Малому театру в Москве.

Почти все крепостные театры просуществовали недолго и были в основном не чем иным, как капризом помещиков и данью моде.

В это же время в Симбирске появился первый публичный театр, на сцене которого с успехом шли пьесы Сумарокова, Княжнина, Хераскова, Плавильщикова и других русских авторов, переводные пьесы французских драматургов.

Особый интерес представляет домашний театр И. В. Жадовского, в котором, в отличие от крепостных театров, играли члены его семьи и прогрессивно настроенная симбирская дворянская и чиновничья молодежь. Самодеятельные артисты этого театра ставили спектакли

не только по готовым пьесам, но нередко и сами сочиняли их.

В начале XIX в. мода на крепостные театры постепенно прошла. Все острее становилась потребность в общественных театрах.

В 1807 г. группа учителей мужской гимназии организовала любительскую драматическую труппу и ставила спектакли «с благотворительной и развлекательной целью». Однако уже в 1820 г. из Казанского учебного округа пришло строжайшее предписание уничтожить сцену в помещении гимназии и спектакли прекратить, что и было сделано. М. Л. Магницкий, тогдашний попечитель округа, ярый реакционер и обскурант в деле народного просвещения, всячески искоренял в школьной среде какое бы то ни было проявление «идей» и «вредного духа».

Первый зимний частный театр появился в Симбирске в 1830 г. В 1846 г. на средства симбирских дворян мещанин Слепнев построил в конце Большой Саратовской улицы * новое здание театра, которое просуществовало до 1879 г. Своего постоянного театрального коллектива в городе не было. Во время театрального сезона спектакли давались приезжими труппами.

В течение многих десятилетий развивалось в крае и песенное творчество.

Архитектура

В XVII в. зодчество в крае достигло значительного уровня. Города-крепости, острожки, оборонительные линии, монастыри, церкви, общественные и жилые постройки создавались местными архитекторами и строителями, имена которых не дошли до нас. Не сохранилось также никаких зданий и сооружений, не считая остатков вала и рва Симбирско-Карсунской и других засечных линий. Об архитектуре того периода в крае вообще и Симбирске в частности можно составить некоторое представление лишь по описаниям, гравюрам и планам более позднего времени.

Построенный как многобашенная четырехугольная деревянная крепость с прилегающим неукрепленным посадом, Симбирск с потерей военно-оборонительного зна-

* Ныне ул. Гончарова.

чения менял и свой архитектурный облик. «Первоначальное ядро города — кремль, — писал один из исследователей, — превращается в площадь с рядом важнейших зданий, которая надолго сохраняет значение центра Симбирска. Основные дороги и улицы старого посада, шедшие в свое время отовсюду к воротам кремля, легли в основу улиц растущего города вдоль главных старых дорог на север (к Казани) и запад (к Москве). Стали появляться многочисленные церкви... Церкви создавали высотный силуэт города вдоль берегов Свияги и Волги»[40].

По дошедшим до нас скудным материалам, а также по письменным источникам можно безошибочно утверждать, что градостроительное искусство Симбирска и строительное дело в селах и дворянских вотчинах края вполне соответствовало общерусским образцам того времени.

В 1780 г. Екатериной II был утвержден первый в истории Симбирска генеральный план его застройки. Центром города по плану продолжала оставаться площадь с находящимися на ней административными зданиями. От нее по направлениям бывших крепостных ворот расходились главные улицы — Московская, Казанская, Саратовская и др. По характеру жилой застройки город делился на три района: более благоустроенный дворянский (ул. Дворцовая, Спасская, Московская и др.), торгово-купеческий (ул. Большая Саратовская, Чебоксарская и др.) и мещанский — окраинные улицы, заселенные городскими низами. Дворянский и купеческий районы разрешалось застраивать только каменными зданиями, в то время как бедняцкие кварталы по-прежнему оставались деревянными и ничем не отличались от обычных деревенских улиц: летом они задыхались от пыли, весной и осенью тонули в грязи, из-за тесноты и антисанитарии постоянно подвергались пожарам и эпидемиям.

Образование в 1796 г. Симбирской губернии способствовало дальнейшему улучшению застройки и архитектурного облика Симбирска.

На центральной площади города — Соборной, кроме Николаевского кафедрального собора, построенного в 1712 г., еще в конце XVIII в. начали сооружаться административные здания. Первым из них стал деревянный дом симбирского наместника, рядом с которым было

выстроено три аналогичных здания для присутственных мест. Со временем, в соответствии с требованиями генерального плана, деревянный дом наместника был заменен каменным и стал резиденцией губернатора*. В 1804 г. началось строительство нового двухэтажного кирпичного здания для присутственных мест. Сделанное по типовому проекту, разработанному известным русским архитектором А. Захаровым в стиле русского классицизма, оно является сегодня одним из наиболее старых сохранившихся архитектурных памятников города**. С северо-восточной стороны к Соборной площади примыкало здание главного народного училища, построенного в 1790 г. по проекту архитектора И. Тоскани и в 1809 г. переданного под мужскую гимназию***. Таким образом, дом губернатора, здание для присутственных мест и гимназия составляли архитектурное ядро, вокруг которого продолжалось строительство других жилых, общественных и административных сооружений. В 1840 г. здесь появилось здание городского общества****, в 1847 г. — дом дворянского собрания*****, лучшее произведение симбирского архитектора И. А. Бенземана и один из наиболее интересных архитектурных памятников города, выполненный в характерном для того времени классическом стиле. На площади между домом губернатора, гимназией, Спасским женским монастырем и зданием городского общества в 1845 г. был установлен памятник Н. М. Карамзину и образован один из красивейших уголков города — Карамзинский сквер.

Большое внимание как в XVIII, так и в первой половине XIX в. уделялось культовому строительству. Наиболее значительным из этой категории зданий в Симбирске стал Троицкий кафедральный собор, построенный в честь русской победы в Отечественной войне 1812 г. по проекту талантливого симбирского архитектора М. П. Коринфского. Интересными произведениями архитектурного искусства являлись Покровский монастырь, Ильинская, Тихвинская церкви и др.

---

* Дом губернатора не сохранился.

** Ныне старый корпус Ульяновского сельскохозяйственного института.

*** Ныне старый корпус школы № 1 им. В. И. Ленина.

**** Ныне в нем располагается музыкальное училище № 1.

***** Ныне Дворец книги им. В. И. Ленина.

Наряду с общественными зданиями в городе появлялось все больше богатых и изысканных помещичьих и купеческих особняков, и к середине XIX в. Симбирск превратился в один из красивейших городов Среднего Поволжья, хотя его окраины — Кирпичные сараи, Куликовка, Туть, Бутырки и т. п. — оставались почти такими же, какими они были и в XVIII, и в XVII вв.

Лучшие образцы архитектуры проникали и в сельскую местность. Помещичьи усадьбы в селах Языково, Анненково-Лесное, Репьевка, Усолье и других населенных пунктах отличались строгой красотой и выразительностью, присущими классическому стилю. Лучшими произведениями культовой архитектуры здесь стали церкви в Никитине, Кезьмине, Головине и некоторые другие.

Изобразительное искусство

Как и во всей стране, в Симбирском Поволжье до начала XVIII в. живопись и скульптура обслуживали почти исключительно потребности церкви и находились под влиянием и контролем духовенства. Главным делом художников и резчиков того времени было оформление церквей и монастырей. Местные мастера обеспечивали также население домашними иконами. Наиболее состоятельные обитатели сел и городов края — помещики, крупные чиновники, купцы, духовенство — нередко приобретали на стороне иконы лучших русских иконописных школ — Московской, Строгановской и др. Светская живопись отсутствовала.

Если иконописцы работали с соблюдением строжайших правил и под наблюдением высоких чинов духовенства, то декоративно-прикладное искусство испокон веков было народным. Отдельные мастера вышивания, ткачества, резьбы по дереву и других видов прикладного народного творчества поднимались до высокого уровня настоящего искусства.

Профессиональное изобразительное искусство стало проникать в Симбирское Поволжье лишь в конце XVIII — первой половине XIX в. В этот период край дал России несколько довольно значительных мастеров-живописцев. В Беклемишеве родился талантливый крепостной художник И. М. Горбунов. Село Акшуат связано с именем академика, профессора живописи, бывшего кре-

постного В. Г. Худякова. В Вешкайме в 40-е гг. в усадьбе помещиков Родионовых работал бывший крепостной, художник К. А. Макаров — родоначальник талантливой семьи живописцев. Член этой семьи художник-портретист И. К. Макаров стал действительным членом Петербургской Академии художеств. Картины Макаровых хранятся в крупнейших музеях и художественных галереях страны.

В Симбирске успешно работала довольно крупная иконописная мастерская. Кочевавшие из села в село иконописцы (их в народе называли богомазами) полностью обеспечивали потребности края в росписи церквей и часовен. Среди них встречались подчас по-настоящему самобытные и оригинальные мастера, продолжавшие лучшие традиции старинного русского иконописного искусства.

Первым значительным произведением монументальной скульптуры на территории симбирского края стал памятник Н. М. Карамзину, созданный по проекту профессоров Петербургской Академии художеств С. И. Гальберга и А. А. Тона и открытый в 1845 г. Средства на его сооружение были собраны по всероссийской подписке, участниками которой являлись А. С. Пушкин, В. А. Жуковский и многие другие выдающиеся деятели русской культуры. Все работы по изготовлению памятника выдающемуся русскому историографу и писателю выполнялись в Петербурге.

Распространение передовых идей

Вторая половина XVIII в. стала для России временем резкого обострения внутренних экономических и социальных противоречий, что не могло не активизировать развитие передовой общественной мысли. Лучшие представители дворянской и отчасти разночинной интеллигенции выступали с критикой крепостничества. Ведущая роль в этом в 60—80-е гг. принадлежала русским просветителям во главе с Н. И. Новиковым. На страницах сатирических журналов они изобличали мерзости крепостнического общества, надеясь таким способом изменить хищническую психологию эксплуататоров, перевоспитать их. Активизация крестьянских выступлений в 90-е гг., события Французской буржуазной революции, нацио-

нально-освободительного движения в Польше вели к дальнейшему усилению «брожения умов». И если Н. И. Новиков был далек от идеи народного восстания, то первый русский революционер А. Н. Радищев выступал уже за ликвидацию крепостничества и самодержавия революционным путем.

Документальные источники позволяют предполагать, что идеи русских и французских просветителей, а затем и А. Н. Радищева проникали в далекий от столиц провинциальный Симбирск. Они встречали сочувствие в семьях И. П. Тургенева, В. А. Киндякова, П. Н. Ивашева и некоторых других, хотя подавляющая часть симбирского дворянства и чиновничества принадлежала к числу ярых защитников крепостного строя.

Иван Петрович Тургенев, живя в Москве, принимал непосредственное участие в деятельности Н. И. Новикова, за что в 1792 г. подвергся аресту и ссылке в Симбирск. Его сыновья Андрей и Александр стали впоследствии видными деятелями русской передовой культуры, а Николай — одним из ведущих идеологов декабристского движения.

С деятельностью Н. И. Новикова был связан и Василий Афанасьевич Киндяков, сыновья которого, Петр и Павел, оказались участниками тайного антиправительственного кружка «Смоленское гнездо».

Кружок «Смоленское гнездо» был основан в 90-е гг. XVIII в. передовой частью офицеров и чиновников, служивших как в самом Смоленске, так и в других городах Смоленской губернии. Его членами были А. М. Каховский, А. П. Ермолов, П. С. Дехтерев, Петр Киндяков. Со временем к ним присоединился Павел Киндяков. В 1798 г. о существовании кружка стало известно правительству. В Смоленск прибыл в качестве следователя генерал Линденер, который пришел к заключению, что деятельность кружка направлена «к перемене правления» в России, к уничтожению самодержавия путем военного переворота.

После окончания следствия часть членов тайного кружка оказалась в тюрьмах, другая — в ссылке. Петра Васильевича Киндякова отправили на вечное поселение в Олекминск, Павла Васильевича — в Тобольск. И только после гибели императора Павла I оба они были амнистированы и вернулись на родину, в Симбирск.

Глава VIII. ПАДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА. РЕАЛИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

К середине XIX столетия в России, остававшейся феодальной страной, сформировался буржуазный уклад. Отмена крепостного права была подготовлена всем ходом «экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма»[41]. Долгое пребывание страны в тисках феодально-крепостнической замкнутости и патриархальной обособленности, обуславливая экономическую отсталость, поставило крупнейшую державу на порог утраты своей целостности и независимости, что продемонстрировало поражение России в Крымской войне. В стране созрели силы, заинтересованные в смене способа производства. Крестьянское движение, возрастая с каждым десятилетием, убеждало, что «низы» не хотят жить постарому, а «верхи» не могут управлять прежними методами. Во второй половине 50-х гг. в России стала складываться первая революционная ситуация, вынудившая правительство поспешить с осуществлением преобразований, буржуазных по своему содержанию.

Кризис феодально-крепостнической системы, охвативший всю страну, наглядно проявлялся и в Симбирской губернии. К середине XIX в. заселение ее территории в основном завершилось. Экономика края носила ярко выраженный аграрный характер. Здесь проживало более 1140 тыс. человек. Абсолютное большинство (свыше 90%) многонационального населения составляло крестьянство. В то же время вся полнота судебной, полицейской и административной власти в губернии и ее уездах была сосредоточена в руках дворянства, численность которого едва достигала 5 тыс. человек. Господство этого сословия поддерживалось огромным контингентом воинских сил (более 54 тыс. человек) и полиции.

Тормозящее влияние феодально-крепостнических отношений проявлялось во всех сферах жизни губернии. Помещичье землевладение быстро приходило в упадок, что сказывалось и на положении крестьянских масс, которое все более ухудшалось. Это вызывало недовольство народа, особенно усилившееся в связи с Крымской войной. Сенатор Соловьев, характеризуя обстановку в России в ходе войны и после нее, в числе губерний, первы-

ми охваченных крестьянским брожением, называл и Симбирскую. В политическом обозрении III отделения за 1857 г. указывалось: «Во многих губерниях, особенно приволжских, памятно еще страшное время пугачевщины».

Таким образом, и в Симбирской губернии становилось ясным, что вопрос об отмене крепостного права необходимо решать безотлагательно.

В январе 1857 г. царь создал секретный комитет по крестьянскому делу. Составленный из старых николаевских чиновников и сановников, в большинстве своем ярых крепостников, этот орган действовал медленно и нерешительно, что объяснялось его боязнью новых крестьянских волнений, а также опасением возбудить недовольство широких слоев дворянства. Правительство старалось устроить так, чтобы инициативу в деле освобождения крепостных проявили сами помещики. Осенью 1857 г. этого удалось добиться. Дворянство литовских, а затем Петербургской губерний «изъявило желание» освободить крестьян от крепостной зависимости. Вслед за тем поместному дворянству и других губерний пришлось поддержать почин. В феврале 1858 г. в каждом уезде Симбирской губернии были подготовлены адреса дворян «о их ревности содействовать видам монарха». Конечно, «инициатива» местных дворян была обусловлена не их энтузиазмом, а нежеланием и боязнью отстать от других. Симбирские помещики понимали, что если будут освобождены крестьяне в других губерниях, то им не удастся удержать в повиновении своих крепостных.

9 марта 1858 г. последовал высочайший рескрипт начальнику Симбирской губернии, в котором император призывал симбирских дворян действовать «не иначе, как постепенно, дабы не нарушать существующего ныне хозяйственного устройства помещичьих имений». В отношении крестьян царь требовал от губернатора строго соблюдать, чтобы крепостные оставались «в полном повиновении своим помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам». Направленность предполагаемой реформы была очевидной. Само дело ее подготовки передавалось помещикам.

5 июня 1858 г. на чрезвычайном съезде представителей симбирского губернского дворянства был учрежден комитет для составления проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян. В состав комитета было

избрано 19 человек. Председателем стал губернский предводитель дворянства Н. Т. Аксаков.

Единства в симбирском комитете не было, так как в него вошли представители различных дворянских группировок.

Состав дворянства губернии был неоднородным. Наряду с крупными помещиками, как Орлов-Давыдов, братья Митляевы, графиня Левашова и др., владевшими десятками тысяч десятин земли, тысячами душ крепостных, гораздо более многочисленным слоем крепостников были мелкопоместные дворяне, хозяйства которых носили натуральный, замкнутый характер. Эта категория симбирских помещиков проявляла полную незаинтересованность в потере права безгранично распоряжаться личностью крестьянина. Думать о какой-либо перестройке своего хозяйства мелкопоместные дворяне не могли из-за его маломощности. Готовящаяся реформа сулила им разорение, поэтому они были ее упорными противниками.

Крупные владельцы оброчных владений также не проявляли особой заинтересованности в освобождении крестьян, но, сознавая неизбежность реформы, готовы были провести ее так, чтобы и впредь обеспечить себе возможность получения денежной ренты. Эта группа помещиков стремилась сохранить за собой основной фонд земельных богатств с предоставлением крестьянам небольших наделов и усадеб за повинности или за чрезмерный выкуп.

Владельцы барщинных имений были заинтересованы в сохранении за собой максимального количества драгоценной земли. Многие из них энергично приступили к расширению барской запашки. Лучшие крестьянские земли изымались и поступали в распоряжение помещиков. Такие факты привлекли внимание Ф. Энгельса. В его архиве сохранилась запись: «Граф Михаил Сергеевич Ланской... сделал распоряжение переселить своих крестьян с. Одоевщины Ардатовского уезда Симбирской губернии на другой берег реки, где имелась одна лишь никуда не годная песчаная и глинистая земля. Там они и остались с кануна февраля 1861 года и жили подаяниями» [42].

Самые крупные помещики губернии были готовы поставить развитие своих хозяйств на капиталистический путь по прусскому образцу, с устройством «господских

хуторов», обслуживаемых наемной рабочей силой, и с применением капиталистической аренды.

Поскольку интересы отдельных групп дворянства не совпадали, внутри симбирского комитета сформировались противоборствующие группы. Большинство членов комитета стремилось к сохранению за дворянством монопольного права на обладание землей. Их проект реформы был направлен на обезземеливание крестьян. Ярые крепостники (12 членов комитета) предлагали установить норму земельного надела крестьян в 1,5 десятины на ревизскую душу. Тем самым они пытались добиться изъятия до 60% всех земель, находящихся в пользовании крестьян. Это планировалось осуществить в 12-летний переходный срок. Согласно проекту большинства, по истечении данного срока вся невыкупленная земля вместе с полевым наделом должна была поступить в распоряжение помещика. Крестьянам в этом случае предоставлялось право аренды земли на основании «свободного срочного контракта». Принятие таких условий принесло бы симбирскому крестьянству полное разорение и новую кабалу, еще более тяжелую и невыносимую, чем прежде.

Острые дебаты в губернском комитете разгорелись вокруг оценки выкупной стоимости крестьянских наделов и усадебной земли. Реакционное большинство полагало, что одна десятина усадебной земли может ежегодно приносить не менее 22 руб. дохода и составляет капитал в 440 руб. За одни только усадьбы помещики намерены были получить столько, сколько стоили сами имения со всем крепостным населением.

Меньшинство симбирского комитета предложило два разных проекта проведения реформы. Проект 5-ти членов меньшинства был составлен главным образом А. Н. Татариновым, к которому присоединились его брат К. Н. Татаринов, Д. С. Пазухин, Н. П. Ахматов, Пантусов. Проект предполагал право выкупа крестьянами надела, стоимость которого не превышала бы 100 руб. на душу. Выкупную сумму крестьяне должны были погашать через посредство ежегодных 8-ми или 6-процентных платежей. Вся земля подлежала оценке по уездам, а в каждом уезде — по классам. В среднем по Симбирской губернии одна десятина земли I класса оценивалась в 44 руб., II класса — в 36 руб., III класса — в 23 руб. Таким образом, каждый крестьянин мог выкупить от

2 до 4, в зависимости от качества, десятин надельной земли.

Меньшинство 5-ти симбирского комитета предлагало и более льготные условия выкупа крестьянами усадебной земли. Ее стоимость определялась в 90 руб. за десятину. Каждый крестьянин мог выкупить до 300 кв. сажен (1/8 десятины) земли под усадьбу. В этом случае выкупные платежи колебались бы от 15 до 20 руб.

Татаринов склонялся к мнению о необходимости разрушения общинного землевладения и ликвидации мирского управления крестьян, что нашло отражение в представленном проекте.

Авторами второго проекта меньшинства являлись граф М. С. Ланской и А. Н. Соловьев, вставшие на «государственную» точку зрения и настаивавшие на сохранении крестьянских наделов.

Очевидно, что борьба различных групп помещиков в составе симбирского губернского комитета была отражением борьбы внутри господствующего класса, стремившегося сохранить свои экономические и политические позиции ценой бо̀льших или меньших уступок назревшим потребностям капиталистического развития. «Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли *об уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти»[43]. Главный водораздел борьбы вокруг проекта крестьянской реформы пролегал не между дворянскими группировками, а между помещиками и широкими крестьянскими массами. Не случайно помещики Симбирской губернии опасались, что, «пока комитеты будут судить да рядить, мир, наскучив долгим ожиданием, примется за дреколье»[44]. С началом деятельности губернского комитета симбирский губернатор «из страха возможных крестьянских возмущений» превысил свои полномочия. По ходатайству уездных предводителей дворянства он потребовал от дивизионного командира привести квартировавшиеся в губернии войска в боевую готовность и командировать в случае надобности воинские команды в распоряжение дворянских предводителей и исправников для подавления возможных выступлений народа.

Борьба крестьянства «за всю землю» и «всю волю», за окончательное освобождение от эксплуатации оказывала существенное влияние на ход «крестьянского де-

ла». Под ее непосредственным воздействием правительство оказалось вынужденным изменить программу готовящейся реформы.

После того как в шестимесячный срок губернские комитеты завершили разработку проектов отмены крепостного права, перед Главным комитетом по крестьянскому делу встала задача их систематизации и выработки общего законодательства о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Для решения этой задачи в марте 1859 г. были созданы редакционные комиссии. Их состав был необычен. Помимо представителей от министерств (17 человек) членами комиссий являлись эксперты от помещиков (21 человек). Комиссии составлялись в подавляющем большинстве из людей либеральных взглядов, сторонников освобождения крестьян с землей. Членом-экспертом от симбирского губернского комитета был назначен автор проекта меньшинства 5-ти А. Н. Татаринов.

Проекты, представленные симбирским комитетом, получили в Петербурге должную оценку. Характеризуя проект большинства, председатель редакционных комиссий Я. И. Ростовцев писал, что «большая часть предложений... безусловно не может быть утверждена правительством», так как, в противоположность петербургскому и другим комитетам, «симбирский — уничтожает разом все отличие своей дворянской собственности, предоставляя... покупать ее лицам всех сословий, даже не отделяя крестьян от земли, лишь бы барщина была заменена оброком. В этом, — отмечал он, — проявляется практическое направление комитета, заботящегося гораздо меньше о сословных стремлениях, чем о сохранении... имущественных своих интересов». Относительно предложения большинства симбирского комитета об устройстве фермерского хозяйства по прусскому образцу Я. И. Ростовцев добавлял, что «меры эти обеспечивают только сословие дворянское» [45].

Гораздо более положительную оценку встретили проекты двух меньшинств симбирского губернского комитета. Я. И. Ростовцев посвятил их разбору особую записку, в которой высказал мнение, что они «представляют первое отрадное явление между всеми доселе вошедшими в Главный комитет проектами положений... потому, что они вполне соответствуют стремлению правительства сделать из крестьян не пролетариев, а земельных собст-

венников, без нарушения имущественных прав помещиков»[46].

Особый интерес в Главном комитете и редакционных комиссиях вызвал проект 5-ти. Размеры наделов, предложенные симбирскими «либералами», были близки «к регулированному существующему наделу». Выкупные платежи признавались умеренными. Резкие возражения встретило лишь предложение симбирян о необходимости замены общинного владения землей частным. Я. И. Ростовцев правильно определил, что помещики Симбирской губернии стремились обеспечить себе гарантии выполнения крестьянами повинностей, регулярного поступления выкупных платежей. Своего рода гарантом должна была выступать угроза продажи земли неисправного плательщика. Но редакционные комиссии были призваны руководствоваться не только помещичьими интересами. В первую очередь учитывались интересы самодержавно-крепостнического государства. А они предполагали необходимость сохранения сельской общины как низшей ячейки административно-фискального аппарата империи.

Анализ всех трех проектов от симбирского губернского комитета в редакционных комиссиях, те выводы, к которым пришел на его основе Я. И. Ростовцев, сыграли большую роль в истории крестьянской реформы. Дело в том, что правительственные редакционные комиссии пошли в своих планах преобразований значительно дальше большинства губернских комитетов, которые стремились сохранить всю землю в руках помещиков*. Раскол в симбирском комитете свидетельствовал о вероятности организованной оппозиции внутри господствующего класса. Между тем перед лицом усиления крестьянского движения и опасности революционного взрыва в стране самодержавию было крайне необходимо единение с его главным оплотом — дворянством.

Борьба в симбирском комитете послужила поводом для осуществления правительством мероприятий, направленных на предотвращение самой возможности возникновения оппозиции. Министерство внутренних дел, поддержав предложение главы редакционных комиссий,

* Князь Б. А. Черкасский, занимавший видное место среди экспертов редакционных комиссий, прямо писал, что «большинство симбирского комитета стремились стать монополистами ценного товара — чернозема, а потому желали обезземеленья крестьян». — Русское богатство, 1904, кн. IV (апрель), с. 57.

отдало распоряжение о том, чтобы при выдвижении депутатов от губернских комитетов для ознакомления с проектами реформы один депутат избирался от большинства, а другой — от меньшинства, если в комитете составлены два различных проекта. В дальнейшем последовали дополнительные разъяснения, согласно которым комитеты, представившие по три проекта, должны были направлять в Петербург сразу трех депутатов. В итоге от Симбирской, Владимирской, Рязанской, Курской и Витебской губерний в столицу прибыло по три дворянских депутата, причем две трети из них — либерально настроенные. Этими мерами удалось достичь того, что дворянские представители, разбитые на два призыва, не могли составить сплошной оппозиции правительству, тогда как подобная оппозиция могла иметь место, если бы депутаты избирались одним лишь большинством губернских комитетов. Проекту реформы, разработанному редакционными комиссиями, обеспечивалась зеленая улица. Этот проект явился основой «Положений» 19 февраля 1861 г.

Отмена крепостного права производилась на всей территории страны с учетом особенностей отдельных районов. Крепостные крестьяне приобретали на основании изданных законодательных актов гражданские и имущественные права. Рухнула прежняя ничем не ограниченная власть помещиков над крестьянами. Она заменялась «выборным» управлением членов сельской общины. Степень личной зависимости крестьян от помещиков определялась в основном тем, как складывались между ними поземельные отношения.

Наделение крестьян землей производилось на основании специального закона, так называемого «Местного положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: великороссийских, новороссийских и белорусских». Согласно этому закону помещик был обязан предоставить своим бывшим крепостным надел, а они не имели права от него отказаться. Принудительное наделение крестьян землей рассматривалось «отцами» реформы как гарантия уплаты податным сословием (каковым являлось крестьянство) налогов в государственную казну и выполнения повинностей в пользу помещиков. Предполагалось, что тем самым будет предупреждено и образование пролетариата в России.

Размеры наделов определялись «добровольными соглашениями» между помещиками и крестьянами, но в пределах установленных норм. Для Симбирской губернии высшая норма надела колебалась от 3,25 до 4 десятин на ревизскую душу. Низшая норма была в три раза меньше высшей. В пределах этих норм «Положение» предоставляло помещику право, не спрашивая согласия крестьян, производить урезывание в свою пользу от старых дореформенных крестьянских наделов.

Поместное дворянство Симбирской губернии широко воспользовалось предоставленными возможностями для увеличения своих земельных владений. В первое пореформенное двухлетие, когда составлялись и вводились уставные грамоты, были подвергнуты сокращению надельные участки почти 60% бывших помещичьих крестьян губернии. Подавляющая часть отрезков (93%) была произведена на том основании, что существующие наделы крестьян превышали высшую норму, установленную для данной местности. Сокращение крестьянских наделов происходило и в дальнейшем, прежде всего при выкупе их в собственность.

До совершения выкупной сделки помещик предоставлял крестьянину надел не в собственность, а лишь в «постоянное» пользование. Юридически отходящая к крестьянам земля продолжала оставаться помещичьей собственностью, и за пользование ею они должны были нести определенные повинности. До выкупной сделки крестьяне считались временнообязанными.

«Положения» устанавливали два вида повинностей — оброк и барщину, которые имели место и до реформы. В основу исчисления размеров повинностей были положены фактические размеры оброчных и барщинных повинностей, существовавших до 1861 г. Вместе с тем, как указывал корреспондент «Симбирских губернских ведомостей», отмечая существенное сокращение наделов крестьян в оброчных имениях (крестьяне этих имений потеряли в виде отрезков 28,5% всех земель), оброк при этом уменьшился всего «на $^{1}/_{10}$ прежде платимой суммы». К тому же «при крепостном праве были годы, когда из-за стихийных бедствий помещик ничего не получал от крестьян. Теперь же правительство гарантировало исправные платежи оброка»[47]. В итоге эксплуатация «освобожденного» симбирского крестьянства со стороны поместного дворянства возросла.

Помещики имели право ходатайствовать о повышении оброка сверх установленных норм в тех случаях, когда отходящая к крестьянам земля имела какие-нибудь особые выгоды по своему положению или если в данной местности имелись выгодные промыслы. В частности, один из крупнейших помещиков Симбирской губернии А. Н. Скребицкий объяснял повышение оброка, взимаемого с выходящих из крепостной зависимости крестьян Тереньги тем, что «это селение стоит на исключительном положении, так как имеет особые для крестьян местные выгоды, которые не ограничиваются одним земледелием, а поддерживаются преимущественно промыслами...» [48].

Не были ущемлены интересы и владельцев барщинных имений. За каждый душевой надел крестьяне должны были отрабатывать в год 40 мужских и 30 женских дней. Причем и мужчины и женщины должны были являться на работу со своим инвентарем — как до реформы. «Положения» были составлены в расчете на работающего без отдыха здорового человека. Сами симбирские помещики признавали, что «два нынешних (послереформенных. — *Ред.*) дня стоят трех барщинных при крепостном праве» [49].

Крестьянам-барщинникам разрешалось переходить на оброк не ранее чем через два года после издания «Положений» и лишь при отсутствии казенных и помещичьих недоимок. Кроме того, о желании перейти на оброк крестьяне должны были заявить за год вперед. Помещик имел, таким образом, возможность оттянуть переход крестьян на оброк, если ему это было выгодно.

Переход крестьян с барщины на оброк являлся непременным условием их перевода на выкуп, так как в основу исчисления выкупной суммы был положен капитализированный из 6% годовой оброк. Независимо от своих экономических расчетов симбирские помещики были вынуждены под давлением крестьянского движения, неудовлетворительного исполнения барщинных работ резко ускорить перевод крестьян на оброк. Но и в этом случае они стремились не потерять своего. Так, в 15 издельных (барщинных) имениях Алатырского уезда крестьяне вынуждены были за пользование каждой десятиной земли вносить 2,92 руб. оброка. Выкупая свои наделы в собственность, они должны были уплатить помещикам по 114 р. 33 к. Естественно, такими деньгами боль-

шинство крестьян не располагало. Помещикам же важно было получить всю выкупную сумму сразу.

Чтобы удовлетворить и в этой части запросы помещиков, правительство организовало так называемую выкупную операцию. Сущность ее заключалась в том, что при выкупе крестьянами надела помещик получал из казны процентными бумагами 75—80% выкупной суммы (остальные 20—25% крестьяне вносили единовременно наличными при заключении сделки). Выплаченные государством помещикам суммы именовались выкупными ссудами и признавались долгом крестьян. Для погашения долга устанавливалась рассрочка в 49 лет с ежегодным платежом 6%. С момента утверждения выкупной сделки крестьяне прекращали отбывать повинности в пользу помещика и переходили из разряда временнообязанных в разряд крестьян-собственников.

Дорого заплатило крестьянство за предоставленную ему «свободу». Бывшие крепостные Симбирской губернии по дореформенным ценам могли выкупить землю за 10,1 млн. руб., их же заставили заплатить за нее в полтора раза дороже — 15,9 млн. руб. Помещики, таким образом, узаконили «продолжение средневекового оброка»[50]. Правительство действовало исключительно в их интересах.

Стремясь хоть как-то уменьшить сумму выкупных платежей, крестьяне соглашались на выкуп лишь $^{1}/_{3}$ надела, что соответствовало и стремлению помещиков сохранить за собой как можно больше земельных угодий, весьма плодородных в этом районе. Около 38 тыс. крестьян Симбирской губернии согласились на получение так называемого «дарственного», или «четвертного», надела, потеряв при этом 117 886 десятин земли. Эти крестьяне спешили навсегда разорвать отношения с ненавистными помещиками. Их не устраивало и плохое качество отводимой земли. Принимая «дарственный» надел, не требующий выкупа, крестьяне рассчитывали на то, что смогут арендовать по дешевой цене недостающую землю. Всего в результате проведения реформы 1861 г. помещичьи крестьяне Симбирской губернии потеряли в виде отрезков около 28% находившейся в их пользовании земли.

Преобразования в помещичьей деревне вызвали ликвидацию феодальной зависимости и в удельной деревне. В Симбирской губернии владения удела выступали как

ведущая форма организации сельскохозяйственного производства (в распоряжении удельного ведомства находилось 40,5% всех удобных земель и основная масса крестьянского населения). Вотчинное крепостное хозяйство крупного коллективного латифундиста — царской фамилии — по размерам превосходило в Симбирской губернии владения самых богатых помещиков страны, не имело себе равных в России. Удельное ведомство взимало с крестьян поземельный оброк, время от времени повышая его размеры. Это вынуждало крестьян втягиваться в товарно-денежные отношения, выделяя из своей среды торговцев, скупщиков хлеба и мелких предпринимателей.

Учитывая размах крестьянского движения и стремясь к воздействию на отсталые помещичьи круги, царское правительство указами 1858—1859 гг. предоставило удельным крестьянам гражданские права ранее, чем закончились споры вокруг проекта редакционных комиссий. Однако с окончательным освобождением этой категории сельского населения самодержавие явно не торопилось, и только 26 июля 1863 г. было утверждено «Положение об удельных крестьянах». В отличие от помещичьих крестьян удельные сразу же переводились на обязательный выкуп.

По реформе крестьяне в удельной деревне Симбирской губернии теряли 51,4 тыс. десятин земли, что составляло около 5% от земельного клина, находившегося раньше в их пользовании. Большие потери они понесли в результате разверстания угодий и неравноценного обмена земельных участков. Крестьяне, остро нуждавшиеся в лесе, выпасах для скота, заинтересованные в ликвидации чересполосицы и снятии юридической ответственности за неизбежные при ее наличии потравы, соглашались под давлением удела брать менее ценные участки. Такие факты имели место в селах Мордовский Белый Ключ, Порецкое, Сурское и др. В среднем по уставным грамотам на каждую мужскую душу приходилось по 4,3 десятины земли вместо 4,5 до реформы. Самые плодородные и выгодные угодья, включая обширные лесные массивы, императорская фамилия сохранила за собой.

За выделенные наделы с удельных крестьян также взимались выкупные платежи, находившиеся в явном несоответствии с рыночными ценами на землю. Таким образом, и по удельной деревне был нанесен двойной

удар: сократились площади земельных угодий крестьян и при сохранении прежних видов повинностей возросли ежегодные платежи.

Во второй половине 60-х гг. аграрные преобразования затронули и государственную деревню. Несмотря на то, что казенные крестьяне до реформы пользовались «многими выгодами пред помещичьими, находящимися на барщине», «суды, расправы, худые начальники... совершенно расстраивают многие дома, даже целые подворные селения... приводят в разорение»[51], — отмечал современник. Щедрая раздача государственных угодий обедневшим дворянам и чиновникам привела к сокращению количества земли, отведенной в пользование крестьян. Государственные крестьяне Симбирской губернии имели в среднем от 2,6 до 7 десятин земли на душу, что было явно недостаточным. Большинство крестьян являлись малоземельными.

24 ноября 1866 г. был издан закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях», на основании которого около 77 тыс. государственных крестьян Симбирской губернии стали земельными собственниками имеющихся наделов. В казну они по-прежнему должны были вносить оброчную подать, размер которой колебался от 2,46 до 4,27 руб. на душу в год. При сравнительно более льготных условиях «освобождения» государственные крестьяне губернии лишились почти 23 тыс. десятин и кустарниковых угодий, потеряли около 15% надельных земель.

Осуществление аграрных преобразований в Симбирской губернии, как и в целом по стране, явилось «величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства»[52]. Реформа, по словам В. И. Ленина, «оставила крестьянина нищим», «была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники»[53].

«Отцы» реформы в своем стремлении предотвратить образование пролетариата, оградить интересы господствующего класса-сословия и самодержавно-помещичьего государства пошли на сохранение сословно-замкнутой, раздробляющей крестьян, поддерживающей косные традиции сельской общины.

Вместе с тем аграрные преобразования 60-х гг. XIX в., хотя и проведенные крепостниками, играли прогрессив-

ную роль. «*Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала... после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [54]. Не осталась в стороне от этих глубоких изменений и Симбирская губерния.

Глава IX. СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Развитие капитализма в деревне. Положение крестьян

Крестьянская реформа, сохранившая многочисленные остатки крепостничества, тем не менее ослабила противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Страна вступила в новый — капиталистический — период своей истории. Ее производительные силы получили возможность дальнейшего развития. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [55]. Раздробленное мелкое хозяйство постепенно уступало место концентрированному крупному производству. В деревне началось разложение патриархальной сельской общины. Все это вело к глубоким изменениям в социальном строе страны, к кардинальным сдвигам в психологии масс. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся коечему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы» [56].

Существенно изменилось после реформы и положение господствующего класса-сословия. Помещики-дворяне по-прежнему оставались главной социальной опорой самодержавия. Но привилегированное сословное землевладение уже сменялось капиталистическим. На-

чался процесс мобилизации земельных богатств в руках купеческой и кулацко-крестьянской верхушки. Углублялось имущественное расслоение правящего класса.

В Симбирской губернии перевод помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы происходил довольно медленно. Причины этого заключались в большом количестве остатков крепостничества. Временнообязанные отношения, остатки барщинной системы, наличие круговой поруки внутри сельской общины — все это тормозило капиталистические преобразования в деревне.

И тем не менее личное освобождение крестьян пробило большую брешь в прежней системе феодальных отношений. Сохранение обязанного положения бывших крепостных при ограничении помещичьей власти было невыгодным для помещиков. Крестьяне плохо выполняли барщинные работы, неаккуратно вносили оброк. Взыскивать с них недоимки становилось все труднее. К тому же временнообязанные отношения служили постоянным поводом для крестьянских волнений. Поэтому многие помещики, соблазненные перспективами получения выкупной ссуды и возможностью освободиться от своих долгов, предпочитали сразу развязаться с крестьянскими повинностями, переведя крестьян на выкуп. В 1865 г. число крестьян, прекративших обязанные отношения с помещиками, доходило в Симбирской губернии почти до 50%.

Переход бывших крепостных на оброк и на выкуп вел к определенной перестройке организации работ в поместном хозяйстве. Часть земли помещики стали сдавать в аренду купцам и зажиточным крестьянам за определенную плату. Для деревенской бедноты более приемлемой была аренда за отработки. Труд при отработке оценивался ниже, чем при вольном найме. В силу этого, несмотря на низкую производительность труда, отработочная система являлась для помещиков губернии весьма привлекательной, и к концу XIX в. она преобладала здесь.

Для осуществления капиталистических преобразований в своих хозяйствах у большей части землевладельцев губернии в первые пореформенные годы недоставало оборотных капиталов. Полученные в результате выкупной операции немалые денежные суммы помещики употребляли на погашение своих многочисленных долгов государству. Кроме того, основная масса дворян продол-

жала вести паразитический образ жизни, выражавшийся в пренебрежении к хозяйственным делам и заботам. Огромные денежные суммы спускались в ресторациях, проигрывались в карты. Из-за неспособности и нежелания местных помещиков перестраиваться фонд дворянских земель в губернии стремительно сокращался. В 1863—1872 гг. помещики утратили 12,8 тыс. десятин земли. В последующие три десятилетия симбирское дворянство лишилось почти 400 тыс. десятин. Дворянское землевладение как по количеству земельных угодий, так и по числу землевладельцев сократилось на целую треть.

Царизм предпринимал меры к сохранению и укреплению поместных имений: дворянам жаловались новые земли, выделялись кредиты и т. д. Основная цель, которая преследовалась при этом: предотвратить дальнейшее их дробление и убыль. Открытие в 80-х гг. Крестьянского и Дворянского государственных земельных банков было встречено помещиками с большим воодушевлением. Через Крестьянский банк они получили возможность сбывать экономически слабые имения. Дворянский был специально учрежден для помощи дворянству посредством выгодных для последнего кредитов.

Благодаря поддержке самодержавного государства дворянские латифундии на рубеже XIX—XX вв. продолжали занимать господствующие позиции в сельскохозяйственном производстве, обрекая массу населения на нищету и кабалу, порождая отсталость во всех сферах жизни. В среднем на каждого помещика Симбирской губернии приходилось 878 десятин земли. Основной фонд земельных богатств был сконцентрирован в руках крупных землевладельцев. Так, в Симбирском уезде, по данным 1863 г., 129 помещиков располагали угодьями до 1000 десятин земли каждый, в 22 имениях земельные площади простирались от 1 до 2 тыс. десятин, в 15 — от 2 до 5 тыс., в 3 — от 10 до 12 тыс. десятин. Самодержавное государство опиралось на экономическое могущество именно этих последних хозяйств, на базе которых осуществлялась буржуазная аграрная эволюция прусского типа. К концу столетия во многих крупных помещичьих экономиях использовались наемный труд, усовершенствованный хозяйственный инвентарь и машины. Например, в хозяйстве графа Гурьева в Карсунском уезде уже в 1864 г. все работы производились вольнонаемным трудом с применением новых методов обработки

почв. И, как следствие, урожайность высеваемых культур здесь повышалась.

Пореформенный период был ознаменован быстро растущим спросом на улучшенную земледельческую технику. «Созданная капитализмом конкуренция и зависимость земледельца от мирового рынка сделали преобразование техники необходимостью, и падение цен на хлеб особенно обострило эту необходимость» [57]. После 1861 г. резко увеличился ввоз машин и сельскохозяйственных механизмов из-за границы. Однако приобретение импортной техники обходилось очень дорого. Поэтому в 60—70-е гг. в Симбирской губернии возникло собственное сельскохозяйственное машиностроение. В губернском центре земледельческие машины и орудия производили несколько предприятий заводского типа: чугунолитейный завод и механические заведения купца В. Андреева, механическая мастерская Н. Фаненко. Самостоятельное производство земледельческой техники было налажено и в уездах губернии.

Серьезную роль в ускорении процесса внедрения сельскохозяйственной техники в производство в конце XIX в. играли губернские и уездные земства. В 90-е гг. по их инициативе стали создаваться склады сельскохозяйственных машин и орудий — специальные пункты по сбыту земледельческих орудий труда сельским хозяевам. Основная часть техники приобреталась помещиками и зажиточными крестьянами, которые, располагая значительным количеством посевных площадей и рабочего скота, за счет этого еще больше усиливали мощь своих хозяйств. Бедняцкие и подавляющая часть середняцких дворов вынуждены были довольствоваться использованием рутинных средств: сохи, серпа, цепов и других примитивных, преимущественно ручных орудий труда.

После реформы стремительно развивался процесс разложения крестьянства. Зажиточные крестьяне постепенно превращались в капиталистов, основная же масса сельского населения — бедняки и часть середняков — все больше разорялась.

Основной тягловой силой в крестьянском хозяйстве Симбирской губернии являлась лошадь. Но поголовье лошадей быстро сокращалось (с 1861 по 1890 г. — на 16%). Крестьянские лошади были, как правило, низкопородны. Хозяйства крестьян испытывали хронический, все возрастающий недостаток кормов, необходимых для

содержания скота. В сельских обществах не хватало лугов и выгонов, и крестьяне вынуждены были прибегать к аренде лугов у помещиков. А она обходилась дорого: от 4 до 12 руб. за десятину в зависимости от урожайности и качества трав. В зимнюю пору бедняки кормили лошадей соломой или продавали их. Продажная цена крестьянских лошадей была крайне низкой — от 10 до 40 руб., тогда как трех-четырехгодовалых жеребцов зажиточных крестьян на Симбирской ярмарке оценивали в 150—500 руб.

Сокращение поголовья крестьянского скота вызывалось и опустошительными эпидемиями. В 1864 г. от чумы, злокачественной лихорадки, тифа и других заболеваний в губернии пало 7862 головы крупного рогатого скота и лошадей. Массовый падеж лошадей случился в 1891 г.

Удельный вес безлошадных и однолошадных дворов в Симбирской губернии был весьма значителен — свыше 65%. Не будучи в состоянии содержать лошадь, многие бедняки и середняки прекращали заниматься животноводством. Одна корова приходилась на 6—7 человек. Из других домашних животных симбирские крестьяне содержали овец (от 1 до 25 голов в зависимости от средств и величины семьи) и свиней.

Рутинное состояние техники, сильное истощение тяглового скота определяли и состояние крестьянского земледелия. Единственной формой полевого крестьянского хозяйства оставалась давняя паровая система с обычным трехпольным севооборотом. Главной озимой культурой являлась рожь. Из яровых крестьяне высевали овес, гречиху, просо и горох. Пшеница и ячмень культивировались в очень незначительных размерах, так как эти хлеба требовали качественной обработки почв. Из корнеплодов с 70-х гг. повсеместно все в большем количестве стал высаживаться картофель. Это было связано со строительством паточных заводов и переходом местных винокуренных предприятий на выкурку вина из картофеля. На юге губернии проводились первые опыты по посеву кукурузы и арбузов.

Агрокультурный уровень обработки почв в крестьянских хозяйствах был крайне низким. Из-за частых переделов земли при общинном землепользовании у крестьян отчетливо проявлялась незаинтересованность в качественной ее обработке.

Самым главным итогом реформы 1861 г. был жесточайший земельный голод, который испытывало большинство симбирского крестьянства. Так, в селе Новоспасском крестьяне-собственники получили в «дар» по $1^1/_4$ десятины земли на душу. Лишь незначительное ее количество использовалось под пашню. Но и те крестьяне, которые получили полный душевой надел, оказались не в лучшем положении. В Тереньге, например, баронесса Стремфельдт, наделив каждого крестьянина 4 десятинами, отвела крестьянскому обществу явно непригодные земли. Лишь около $^1/_5$ части имевшейся во владении крестьян земли была черноземной. Не удивительно, что средняя урожайность здесь не превышала 50 пудов с десятины. Большинству сельского населения своего хлеба до нового урожая не хватало.

Несмотря на повсеместное оскудение почв, капиталистическая перестройка кулацких хозяйств, развитие товарно-денежных отношений в сельскохозяйственном производстве губернии вызвали некоторое увеличение урожайности зерновых культур и картофеля в пореформенные десятилетия. Однако прирост крестьянского населения значительно опережал рост урожайности, и средние нормы хлеба на одного едока постоянно сокращались. Вследствие этого земельный голод еще более усилился, и крестьяне все чаще и чаще вынуждены были вступать на кабальных условиях в арендные отношения с помещиками, купцами, уделом.

Помещики в своем большинстве предпочитали сдавать крестьянам землю за отработки. Все шире применялась и аренда за деньги. Арендные цены были очень высоки, особенно в урожайные годы. Помещики и удельное ведомство пользовались тем, что спрос на землю со стороны крестьян намного превышал предложение. В 80—90-х гг. XIX в. арендная плата достигла такой величины, что стоимость урожая перестала окупать расходы на аренду и обработку земель. Нередко она оказывалась намного выше платимых крестьянином повинностей.

В общей сложности только в 1881 г. крестьяне губернии арендовали у помещиков и удела почти 327 тыс. десятин, что по отношению к надельной земле составляло 19%.

Для вноса арендных платежей малообеспеченные крестьяне должны были обращаться с целью заработка к внеземледельческим промыслам. Так, в той же Терень-

ге около 500 местных крестьян работали на суконной фабрике.

Крестьяне-середняки расплачивались за аренду земли как частью прибавочного продукта, так и деньгами, заработанными в извозе, на отходе и т. д. Положение их было незавидным. В благоприятный год они едва сводили концы с концами. Большую часть «излишнего» хлеба середняки продавали на базарах и ярмарках Симбирска, на хлебных волжских и сурских пристанях — как правило, осенью и за бесценок. Необходимость уплаты осенних податей и арендной платы не позволяла им выжидать, пока цены на хлеб поднимутся. Это было на руку оптовым торговцам хлебом и кулакам. В итоге, как писал корреспондент одной из симбирских газет, «сколько ни перебивается наш крестьянин, а в конце концов приходит все-таки к одному... весь его хлеб по низкой цене ссыпается в амбары кулаков-мироедов»[58].

И только кулачество, сосредоточившее в своих руках основной фонд арендованных земель, покрывало все платежи за счет прибылей от коммерческого, капиталистического ведения хозяйства. Отдельные представители сельской буржуазии арендовали на длительные сроки десятки и сотни десятин земли.

Земельные богатства кулаков в пореформенный период значительно увеличились и за счет покупки новых территорий у разоряющегося дворянства.

Сельские богатеи все чаще прибегали к услугам открывавшихся в Симбирской губернии в 60—70-х гг. банков, кредитных учреждений. Только в Буинском уезде в первые пореформенные десятилетия было открыто три банка. Они предоставляли под коммерческие обороты ссуды до 200—500 руб. из 5% роста. С 80-х гг. одним из каналов приобретения кулаками вненадельной земли стал Крестьянский банк, взявший на себя функции реализации земли разоряющегося дворянства по максимально высоким ценам — от 60 до 100 руб. за десятину. Отделения банка, открытые в Симбирской губернии, установили высокие проценты по ссудам и за просроченные платежи, ликвидировали все льготы во взносе недоимок. Это привело к тому, что земля, купленная через банк бедняками и середняками, вскоре обросла огромными недоимками. В отдельные годы они доходили до 157—200% ежегодных платежей, в связи с чем усилилось разорение маломощных хозяйств и обеднение се-

редняков. В то же время позиции кулачества еще более окрепли. Масштабы и глубина классового расслоения крестьянства усилились. К 1894 г. из 285 тыс. крестьянских хозяйств в губернии две трети относились к числу бедняцких, а 18 тыс. из них совсем не имели земли. К концу столетия около 30% крестьянских дворов не располагали тягловой силой. Крайне неустойчиво было положение среднего крестьянства, подвергающегося постепенному вымыванию.

Таким образом, крестьянская реформа и широко развернувшийся благодаря ей процесс развития капитализма в сельском хозяйстве обусловливали «освобождение» тысяч и тысяч производителей от орудий и средств производства. Вчерашние крестьяне превращались в наемных пролетариев и пауперов.

В Симбирской губернии процесс пролетаризации основной массы крестьян и кустарей опережал возможности поглощения свободных рук местной промышленностью, помещичьими экономиями и кулацкими хозяйствами. В итоге около 160 тыс. симбирских крестьян в 80-е гг. XIX в. являли собой избыточное население. К концу столетия их число увеличилось более чем вдвое. Многие крестьяне, отчаявшись устроить свою жизнь в родных местах, предпринимали попытки к переселению на казенные земли в Самарское Заволжье, на восток. Двинувшиеся через Симбирскую губернию в 70-е гг. обозы переселенцев из Центрально-Черноземного района увлекли за собой тысячи местных крестьян. Газета «Волга» сообщала, что за десятилетие Симбирская, Казанская и Саратовская губернии выселили на восток до 10 тыс. семейств. Эти губернии были отнесены к «преимущественно выселяющим»[59]. В 90-е гг. поток переселенцев усилился. Только в 1895—1900 гг. из Симбирской губернии на окраины страны переселилось свыше 20 тыс. человек.

Положение крестьянского населения отягощалось чрезмерным налоговым обложением. К. Маркс писал, что в Симбирской губернии различные поборы «не только поглощали у бывших помещичьих крестьян весь доход от земли, но и еще в придачу сумму свыше половины этого дохода»[60]. По сведениям симбирского земства, каждый рубль поземельного дохода местного крестьянина облагался в среднем 1 рублем 64 копейками в бывшей помещичьей деревне, 82 копейками — в бывшей

удельной и 1 рублем 21 копейкой — в бывшей государственной деревне. Помимо крайне обременительных выкупных платежей крестьянское хозяйство обязано было обеспечивать регулярное поступление средств в государственную казну. С крестьян взимались общественные сборы, они должны были исполнять целый ряд натуральных повинностей.

Непосильная тяжесть налогового обложения имела своим следствием хроническую задолженность крестьян. Особенно велика была она по выкупным платежам. Так, бывшие помещичьи крестьяне губернии в 1866 г. задолжали государству около 203 тыс. руб. (38,2% от общей суммы платежей), в 1881 г. — 258 тыс. руб. (39,9%).

Местные власти не считались с бедственным положением основной массы сельского населения, выколачивали из крестьян долги полицейско-принудительными мерами. Недоимщиков наказывали розгами, их имущество описывали и продавали. Но, несмотря на предпринимаемые меры, рост недоимок задержать не удавалось.

Таковы были общие итоги аграрно-крепостнической политики царского правительства на протяжении пореформенного времени.

Капиталистическая перестройка промышленности и положение рабочих

Падение крепостного права создало благоприятные условия для развития капиталистической промышленности. Рынок наемной рабочей силы после проведения крестьянской реформы неизмеримо вырос. Основы производства, базирующегося на использовании подневольного труда, оказались подорванными. Началась стремительная перестройка всей промышленности на капиталистический лад. В стране сформировались два основных класса капиталистического общества. На арену истории вышел российский пролетариат.

Капиталистические отношения все глубже проникали в мелкотоварное производство, разлагающе действуя на него. В среде сельских кустарей происходил тот же процесс социальной дифференциации, что и в пореформенной деревне: наиболее состоятельные из них стали использовать наемный труд разорившихся кустарей. От-

четливо оформилась фигура скупщика — посредника между мелким производителем и рынком. Скупщики либо за бесценок приобретали у кустарей произведенную продукцию, либо снабжали их деньгами с целью последующего закабаления. Наряду с денежной широкое развитие получила и натуральная форма оплаты изделий: товарами и продуктами.

Кустари, не способные сохранить свою самостоятельность в условиях создавшейся конкуренции на мелких местных рынках, оказались в полной экономической зависимости от предпринимателей. Симбирские земские обозреватели прямо отмечали, что скупщики принуждали рабочих-надомников трудиться в течение 9—10 месяцев в году при 17—18-часовом рабочем дне под постоянной угрозой лишиться к весне хотя бы небольшого (10—15 руб.) задатка на новую работу, так необходимого крестьянину для покупки семян и продовольствия до нового урожая.

Скупщики-кулаки, имевшие свои лавки, отпускали кустарям в кредит хлеб, водку, соль и другие товары по ценам, вдвое выше рыночных. Земские деятели, зафиксировав это явление как характерное, писали: «Редко крестьянину удается расплатиться со своим кредитором сразу, и долг отсрочивается, нарастают проценты, платежная способность понижается, заставляя вновь прибегать к кредиту и т. д. Крестьянина как болото засасывает кабала, из которой его освобождает только смерть» [61].

Будучи принудительно прикрепленными к наделу и замкнутыми в тисках крестьянской общины, крестьяне-кустари были опутаны зависимостью от помещиков и кулаков в земледелии и от скупщиков и промышленной буржуазии в промыслах. По мере развития капитализма, углубления процесса аграрного перенаселения положение надомных рабочих все более сближалось с положением пролетариата, формировавшегося на местных капиталистических предприятиях.

Реформа 1861 г. вызвала полный паралич вотчинной мануфактуры, основанной на использовании ручной техники и принудительного труда крепостных. После «освобождения» бывшие крепостные, а теперь временнообязанные крестьяне, переведенные на оброк, отказывались работать на помещиков по пониженным расценкам. Теперь, как отмечал симбирский губернатор, помещики

должны были платить дороже рабочим и вообще вести дела свои на коммерческих основаниях. Непривычные к этому, одни из них стали передавать фабрики в аренду и даже продавать купцам, а другие «прекратили производство».

Помещичьи мануфактуры были обременены значительными долгами, и большинство их владельцев сочло за благо расстаться с предприятиями. К 1864 г. четыре крупные мануфактуры наиболее развитой в губернии суконной промышленности перешли в собственность купцов Акчуриных и Буско и одна — к удельному крестьянину Толстошееву. Купцы арендовали 13 предприятий. Всего за три года, прошедших после падения крепостного права, свернули производство 10 мануфактур, и в собственности дворян-помещиков осталось лишь 12 суконных предприятий.

Купцы-арендаторы, соединив собственно фабричную деятельность с торговыми и прочими операциями, стали получать огромные прибыли. Большинство из них очень скоро выкупили мануфактуры в собственность. Так, Коромысловская суконная фабрика, построенная управляющим Сызранской удельной конторой Коблуковым, прославившимся мздоимством, обманом и поборами, сразу после реформы была передана новой владелицей Т. С. Колюбакиной в аренду купцу Акчурину, а в 1887 г. окончательно продана ему. Тереньгульская мануфактура также после длительной аренды различными купеческими кланами перешла в собственность крупного местного торгово-промышленного воротилы М. Ф. Степанова. Аналогичной была судьба и других предприятий края.

Эволюция вотчинной суконной мануфактуры в капиталистическое предприятие отчетливо прослеживается на примере Измайловской суконной фабрики. Существовавшая с 1845 г. Измайловская мануфактура в течение сорока лет вырабатывала исключительно ручным способом до 150 000 аршин сукна в год. В 1885 г. она была куплена купцом Н. Я. Шатровым у дворянина Прибыловского. Новый владелец впервые в Поволжье применил на суконном предприятии механические самоткацкие станки, приобретенные на отечественных механических заводах в Москве (раньше станки выписывались из-за границы). В Измайловке были открыты и собственные мастерские по изготовлению различного рода машин и механизмов. В результате к началу XX в. фабрика вы-

рабатывала уже механическим способом свыше 1,5 млн. аршин сукна для свободной продажи.

Примеру Шатрова последовали владельцы других фабрик. С не меньшим размахом действовал купец Кузнецов, выкупивший в 1886 г. за 20 тыс. рублей Усть-Уренскую фабрику у помещицы Кротковой. К этому времени заведение состояло из трех ветхих деревянных корпусов с машинами старых систем. Через четыре года один корпус сгорел «по неосторожности». Фабрикант получил 20 тыс. рублей страховой премии и построил новое каменное фабричное здание. В 90-е гг. XIX в. пожары на Усть-Уренской фабрике следовали один за другим, уничтожая старые постройки. Кузнецовы использовали эти «стихийные бедствия» в своих корыстных целях. За 15—17 лет захудалая мануфактура превратилась в крупное капиталистическое предприятие. Были возведены новые фабричные корпуса, увеличено количество усовершенствованных машин и механизмов, значительно возрос объем вырабатываемых на фабрике изделий и улучшилось их качество. К концу XIX в. среднегодовая численность рабочих колебалась в пределах 800 человек; ими изготавливалось в год до 800000 аршин сукна. Товар находил сбыт в Нижнем Новгороде, Петербурге, Москве, Владивостоке, Порт-Артуре, на юге России и поставлялся в казну.

С переходом мануфактур в руки купцов-фабрикантов и переводом производства на капиталистические рельсы происходило дальнейшее углубление процессов, знаменующих собой промышленный переворот, в частности процесса образования промышленной буржуазии и пролетариата.

К началу XX в. из «хищников» эпохи первоначального накопления капитала в губернии в основном сложилось ядро торгово-промышленной буржуазии. Но в силу того, что пережитки крепостничества были здесь чрезвычайно сильны, состав буржуазии не отличался социальной однородностью. Представители купечества являлись выходцами из дворян, мещан, крестьян. В числе симбирских фабрикантов были крупный предприниматель и помещик, предводитель уездного, а затем и губернского дворянства, впоследствии министр внутренних дел Российской империи А. Д. Протопопов и купцы Алеевы, приписанные к сельскому обществу деревни Мещеряково Буинского уезда. Но, несмотря на различ-

ное социальное происхождение, фабриканты были связаны между собой общностью интересов в сфере производства и торговли.

В силу того, что в условиях многоукладной экономики торговый капитал оказался чрезвычайно живучим, местные промышленники и на фабричной стадии развития капитализма оставались купцами-торговцами. В их социальном облике переплелись черты, присущие торговой буржуазии эпохи первоначального накопления капитала, и черты, свойственные финансовой паразитической буржуазии периода империализма.

На противоположном социальном полюсе шло формирование пролетариата. Численно рабочий класс губернии был не велик. На 138 средних и крупных промышленных предприятиях в 90-е гг. XIX в. было занято немногим более 18 тыс. рабочих. Но уже в первые годы после крестьянской реформы постепенно начали изменяться как внешний облик, так и психология рабочих промышленных предприятий. «Между обыкновенными — по-крестьянски одетыми работниками встречаются, как редкость, работники, одетые в брюки, не запущенные в сапоги, в жилеты и пальто... Такой костюм начинает мало-помалу заменять крестьянский. Есть работники и в синих блузах», — говорилось в одной из корреспонденций «Симбирских губернских ведомостей» за 1864 г. И далее: «Работники, носящие немецкое платье, резко отличаются от работников-крестьян, и не по одному только костюму: от них можно услышать... и рассуждения, которыми показывается, что и они кое-что почитывают. Эти блузники считаются не совсем смирными рабочими и несколько опасными, вероятно потому, что они лучше знают свои права, только круто... пользуются ими... не придерживаясь овечьей покорности» [62].

В результате применения паровых машин, механических станков, электрического освещения производственный процесс на крупных фабриках губернии стал непрерывным. Годовой рабочий период к концу XIX в. равнялся в среднем 293 дням, были введены двухсменные работы. Все это вело к дальнейшему отрыву рабочих от земли. Большинство из них оставались связанными с крестьянской общиной, но эта связь носила искусственный характер и обусловливалась интересами самодержавного государства. Работа на промышленных предприятиях становилась основным занятием «фабричных крестьян».

«Отцам» реформы 1861 г. не удалось предотвратить образование пролетариата в стране.

Положение рабочих было тяжелым. Рабочий день на фабрике начинался в 4,5—5 часов утра и заканчивался в 8 часов вечера, то есть продолжался 14—15 часов. Дети трудились почти наравне со взрослыми. Рабочие получали за свой труд от 7—8 до 10—15 руб. в месяц, в пять-десять раз меньше, чем мастера. Женщины и дети зарабатывали от 1—2 до 3—5 руб. в месяц. Жалованье выплачивалось два раза в год. Необходимые товары и продукты рабочие приобретали в фабричных лавках в кредит под высокие проценты.

Повсеместно на предприятиях отсутствовали социальное страхование, медицинская помощь. Роль фабричной инспекции, учрежденной в начале 80-х гг., в основном сводилась к техническому, и то весьма слабому, надзору и содействию общей и политической полиции.

Рост обнищания рабочего класса, углубление процесса обогащения буржуазии, паразитический образ ее жизни во многом способствовали осознанию передовой частью симбирского пролетариата противоположности интересов рабочих и капиталистов. С самого начала своего существования пролетариат повел борьбу с эксплуататорами. Ранние выступления и стачки рабочих носили стихийный и нередко бунтарский характер.

Первые выступления симбирского пролетариата относятся к началу 60-х гг. XIX в. Летом 1863 и в июне 1864 г. из-за низких расценок и невыдачи заработной платы бастовали ткачи Старотимошкинской суконной фабрики. Свои экономические требования они довели до губернатора, который приказал арестовать бунтовщиков. Дело о выступлении старотимошкинских рабочих дошло до правительствующего сената, но, несмотря на это, добиться удовлетворения своих требований ткачам не удалось. Их вожаки — Афанасьев, Лукьянов и Семенов — оказались в тюрьме.

В 70—90-х гг. в Симбирской губернии не было сколько-нибудь значительных выступлений рабочих. Имели место лишь единичные случаи волнений — на строительстве железной дороги Моршанск — Сызрань, отдельных суконных фабриках. Тем не менее эти годы были важным этапом в развитии рабочего движения края. В стране только в 1870—1879 гг. произошло 329 выступлений пролетариата, а в последующие полтора десятилетия око-

ло 600 тыс. человек принимали участие в 703 стачках и 268 волнениях. В них прошли политическую закалку и многие выходцы из Симбирской губернии. Это был период роста самосознания рабочего класса.

Крестьянское движение после падения крепостного права

10 марта 1861 г. в Симбирской губернии был обнародован Манифест царя об отмене крепостного права в стране. Широкие крестьянские массы давно ждали этого известия. Однако их надежды оказались обманутыми. Продолжая верить в «доброго» государя, крестьяне не могли поверить, что от него исходят законы, лишающие их значительной части земли, принуждающие бывших крепостных исполнять барщину и платить оброк, на два года оставляющие их в прежнем подчинении помещикам. Обнародованные «Положения» были сочтены подложным документом. Среди крестьян появилось немало толкователей реформы из числа отставных солдат, местных грамотеев.

Правительство и его органы на местах с тревогой ожидали возможных крестьянских выступлений. В Симбирской губернии в боевую готовность были приведены войска. За порядком и спокойствием среди крестьян наблюдали чины городской и земской полиции. Со специальной миссией «содействия губернскому начальству в распоряжениях его как по приведению в исполнение Положений о помещичьих крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, так и по сохранению при сем в губернии порядка и спокойствия»[63] в Симбирск из столицы был командирован флигель-адъютант императора полковник А. А. Эссен. Важную роль в успокоении народных масс призвана была сыграть церковь.

Но, несмотря на принятые меры, сразу же по обнародовании «Положений» начались крестьянские волнения.

Первый всплеск народного гнева проявился в отказе от выполнения барщины. Крестьяне не желали работать на господ, повиноваться местным властям. Десятки из них были отданы под суд за критику царского Манифеста и «Положений».

В начале апреля сильные волнения произошли среди

крестьян Урено-Карлинской слободы Карсунского уезда. Эссен отмечал, что беспорядки здесь были вызваны «превратными» толкованиями законоположений. Учитывая, что крестьяне этой местности и ранее не раз бунтовали, власти сочли необходимым для их усмирения послать воинскую команду.

Тщетными были меры, которые предпринимались административными органами губернии для «вразумления» бывших крепостных. Почти ежедневно в Симбирск поступали сообщения о крестьянском движении в различных селах и деревнях губернии. Огромное влияние на его размах оказали трагические бездненские события в Казанской губернии. В своем донесении Александру II генерал-майор граф Апраксин, усмиритель крестьянских выступлений в Казанской губернии, писал: «12 числа утром были в его (А. Петрова. — *Ред.*) толпе... люди, приехавшие даже из Симбирской и Самарской губерний»[64].

Не успел А. А. Эссен подавить волнения крестьян в Урено-Карлинской слободе, как на стол начальника губернии легло телеграфное сообщение сызранского уездного исправника об отказе бывших крепостных, принадлежавших помещикам Бестужевым, выполнять барщинные повинности. До 2000 крестьян села Большая Репьевка принимали участие в порубке барского леса, пытались ликвидировать вотчинную власть в имении. Волнение было подавлено с помощью войск, срочно вызванных из Сызрани.

Почти одновременно с этими событиями на юге губернии сложилось вызывающее тревогу властей положение в Козловке, в имении помещика Аргамакова (Буинский уезд). Крестьяне отказались повиноваться вотчинному начальству и помещику в исполнении барщины, вырубили значительное количество барского леса. Движение быстро разрасталось, охватив еще 15 населенных пунктов. Крестьяне оказали сопротивление властям при аресте своих вожаков. А. А. Эссен вынужден был и здесь прибегнуть к применению силы. В Козловку была направлена воинская команда.

Конец апреля — начало мая ознаменовались крупными волнениями в имении помещицы Кротковой в селе Шигоны Сенгилеевского уезда. Крестьянским вожаком здесь оказался местный грамотей Трухлов. Каратели арестовали Трухлова, и в течение 24 часов он был предан военно-полевому суду. Приговор был суров —нака-

зание шпицрутенами через строй в 100 человек 8 раз и ссылка на каторжные работы сроком на 6 лет.

Сильный протест крестьянских масс был отмечен в начале мая в селе Большом Станичном Карсунского уезда в имении помещика Ярикова. И здесь крестьяне проявили непокорность при исполнении барщинной повинности, заявив при этом, что они «свободны и имеют право разделить всю господскую землю по себе, не оставив ничего под господскую запашку»[65]. Вмешательство местных властей с целью пресечения беспорядков результатов не дало. Возглавляемые В. И. Григорьевым, крестьяне выдворили из села уездного предводителя дворянства. Они считали себя совершенно правыми во всех действиях, полагая, что исполняют истинно царскую волю. На подавление выступления были брошены войска.

Таким образом, центральное место в крестьянских выступлениях занимал земельный вопрос, направленный своим острием против помещичьего землевладения. Крестьяне упорно боролись против крепостнического характера реформы 1861 г. Наряду с открытыми выступлениями они прибегали и к таким формам протеста, как жалобы на помещиков вышестоящим властям.

Важное место в крестьянском движении весной 1861 г. занимала борьба за самоуправление, независимое от помещика и царской администрации. Крестьяне стремились к ликвидации местных органов сельского управления с ограниченной компетенцией и поставленных в полную зависимость от царских властей и помещиков. Нередко мужики смещали неугодных старост, подвергали их аресту за притеснения и взятки. Жестоко расправляясь с зачинщиками таких выступлений, царизм использовал органы крестьянского управления для борьбы с крестьянским движением.

С 15 мая 1861 г. в губернии стали учреждаться волости. Полковник Эссен доносил в Петербург, что с их появлением постепенно водворяется порядок.

Выступления крестьян в Симбирской губернии отличались решительностью, стойкостью и упорством. Из 13 волнений, имевших место в апреле — мае 1861 г., 12 были подвергнуты усмирению армейскими частями, что свидетельствует об их большой классовой остроте.

С июля 1861 г. локальные крестьянские выступления в Симбирской губернии пошли на спад. Кровавыми репрессиями правительству удалось отчасти сбить народное

возмущение Манифестом и «Положениями» 19 февраля 1861 г. Однако подавить его окончательно царизм был не в силах. Жизнь опровергла широко распространившиеся среди крестьян представления о подложности законодательных актов. Признав их действительными, крестьяне теперь стали высказывать убеждение в том, что данные документы ничего не решают, что они имеют лишь временный характер и что по прошествии двух лет будет дарована настоящая воля. В соответствии с этими представлениями симбирские крестьяне отказывались вступать в какие-либо соглашения с помещиками, боясь быть обманутыми, не принимали уставные грамоты.

Составление и введение в жизнь уставных грамот, в которых фиксировались хозяйственное положение временнообязанных крестьян, размеры и состав их наделов, характер и уровень их повинностей, возлагалось на мировые учреждения. В процессе составления уставных грамот мировые посредники, как правило, шли навстречу домогательствам помещиков. Крестьяне сплошь и рядом лишались лугов, лесных участков, более плодородных земель. Вполне закономерным поэтому было нарастание недоверия, враждебности «освобожденных» крепостных по отношению к помещикам и чиновникам мировых учреждений.

Большинство сельских обществ губернии решительно отказывались подписывать и принимать уставные грамоты. Так было в Усольской вотчине графа Орлова-Давыдова, в Дурасовке Карсунского уезда. Волнениями временнообязанных крестьян осенью 1861 г. были охвачены села в имениях помещика Бобоедова в Курмышском уезде, князя Вяземского в Симбирском уезде и др.

С особым размахом развертывались события в селе Киять Буинского уезда в январе — марте 1862 г. Губернатор Н. Л. Анисимов доносил министру внутренних дел Р. А. Валуеву об отказе крестьян этого селения подписывать уставную грамоту. В село была введена воинская команда. Губернатор приказал подвергнуть порке 150 человек. Но экзекуция не оказала должного устрашающего воздействия. Крестьяне совершенно отказались от выполнения барщинных работ, настаивали на предоставлении им права сменять и отстранять старост. Послав ходоков в Симбирск, они выразили готовность сразу же перейти на выкуп с целью порвать отношения с помещи-

ком. Напуганный остротой движения, губернатор обещал «согласить помещика на дозволение им перейти на оброк и составить договор о выкупе». В Киять была введена еще одна воинская команда. Крестьян принудили принять уставную грамоту и выполнять по ней временные работы на барина, который был вынужден согласиться на скорый перевод своих бывших крепостных на оброк и выкуп земельных наделов.

Упорный и затяжной характер носили волнения в имениях Скребицкого в Сенгилеевском уезде, Радионова в Карсунском уезде.

Несмотря на массовые репрессии: экзекуции, аресты, штрафы, порки розгами, — борьба крестьянских масс в Симбирской губернии не прекращалась. В феврале — марте 1862 г. о решительном отказе исполнять барщинные работы по уставной грамоте в пользу помещицы Андреевской заявили временнообязанные крестьяне Левашовки, Михайловки, Сашиной Курмышского уезда. Губернские власти бросили на усмирение крестьян войска. С 21 марта по 23 июля продолжалось сопротивление крестьян Арского, Кротовки Симбирского уезда. Их нежелание принять уставную грамоту и исполнять по ней барщину на помещика Наротворцева также было сломлено силой. В Румянцеве Карсунского уезда крестьяне не только отказались отбывать барщину на помещика Селиверстова, но в знак протеста забросили и свои поля. Местные власти, пытаясь сбить накал волнений, предприняли попытку ареста наиболее активных их участников, но встретили решительное сопротивление. В Сызранском уезде с непризнанием составленных помещиками уставных грамот выступили крестьяне сел Часы, Казаковка, Селитьба. В Симбирском уезде своих бывших крепостных вынуждены были усмирять помещики Дворников, Андреев, Порошин, Анненков, Ивановский, Дмитриева.

Местами доведенные до отчаяния крестьяне шли на поджоги помещичьего имущества, убийство наиболее деспотичных представителей «самого просвещенного класса-сословия». Так, в Ардатовском уезде в 1862 г. временнообязанными крестьянами был убит за наложение непомерных штрафов помещик Углов.

В движении протеста принимали участие крестьяне не только барщинных, но и оброчных имений. Одним из крупных выступлений оброчных крестьян в Симбир-

ской губернии весной 1863 г. стало выступление в селе Шумовка. Здесь временнообязанные крестьяне отказались платить оброк помещице, оказали сопротивление местным властям при продаже скота в счет оброка и заявили, что им не нужны земельные наделы, выделенные на условиях, продиктованных помещицей. Аналогичным образом действовали крестьяне села Порецкого, ранее принадлежавшие помещику Митяеву.

Период упорной двухлетней борьбы симбирского крестьянства подходил к концу, а новой «полной» воли, на которую возлагалось столько надежд, так и не последовало. К весне 1863 г. относятся последние вспышки брожения в среде бывших помещичьих крестьян, связанные с их протестом против грабительских условий реформы 1861 г.

Затухание движения помещичьих крестьян в России позволило правительству приступить летом 1863 г. к ликвидации феодальной зависимости другой крупной категории крепостного населения страны — удельных крестьян. В связи с этим огромные латифундии удельного ведомства, находившиеся в Симбирской губернии и покрывающие основные расходы царской фамилии, оказались охвачены сильными волнениями. Удельные крестьяне также отказывались принимать уставные грамоты, выступая против земельной монополии удела, за создание действительно крестьянского демократического самоуправления. Только на протяжении 1865 г. бывшие удельные крестьяне не менее 40 раз открыто выражали свое недовольство жестокими условиями реформы.

В начале этого года выступили крестьяне Теньковки Симбирского уезда. Губернские власти вынуждены были прибегнуть к размещению в селе воинской команды, но, как только она была выведена, крестьяне заявили об отказе от выборов нового старосты. Вслед за этим они отказались вносить выкупной платеж. В течение четырех месяцев неповиновение властям оказывали крестьяне Четаевской волости Курмышского уезда. Роте солдат не удалось принудить их к принятию уставной грамоты, уменьшавшей крестьянские наделы и запрещавшей пользоваться лесом. Губернатору пришлось направить в волость целый батальон, который и подавил выступление. В мае — июле 1865 г. волнениями была охвачена деревня Барсуково Симбирского уезда. Сюда прибыли сначала следственная комиссия, а затем во-

инская команда для проведения экзекуции. Наиболее активные участники волнений были жестоко наказаны, многие приговорены к тюремному заключению.

Выступления против «Положений» 26 июля 1863 г. происходили летом 1865 г. в Утемышеве, в Артюшкине, Тушне, Солдатской и Ясашной Ташле Симбирского уезда, Федькине, Байдуллине и Тумкине Сенгилеевского уезда. Волнения подавлялись военной силой.

Жестокие репрессии повлияли на динамику крестьянского движения в Симбирской губернии. Оно пошло на спад. Однако полного спокойствия в деревне добиться не удалось. Министр внутренних дел Российской империи А. Е. Тимашев в своем докладе за 1871 г. на имя императора высказывал вполне обоснованную тревогу за настроения крестьянских масс. В докладе отмечалось, что в Симбирской губернии не прекратились волнения крестьян, в столицу поступали жалобы от крестьян-дарственников. В губернии имели место захваты и запашки отрезанной в пользу помещиков земли, уничтожение межевых знаков.

Но при всем этом крестьяне продолжали верить в царя, надеялись на его защиту и справедливое решение их дела. Именно этой верой объясняется возникновение слухов о «черном переделе» земли. Идея «черного передела» была направлена против помещичьего землевладения, ибо она предусматривала изъятие земли у помещиков, общее перераспределение ее между крестьянами. В Симбирской губернии такие слухи были зафиксированы полицией в ряде деревень в 1878 г. Весной и летом 1879 г. они усилились. Распространяли их сами крестьяне, отходники, отставные солдаты. Слухи о «черном переделе» продолжали циркулировать в деревне и позднее — в 80-е гг., несмотря на неоднократные официальные заявления министра внутренних дел и самого императора о необоснованности надежд крестьян.

Своей непрекращающейся борьбой, несмотря на ее локальность, раздробленность и стихийность, крестьянские массы принудили правительство провести ряд мероприятий, направленных на облегчение их положения. В условиях второй русской революционной ситуации 1879—1881 гг. царизм вынужден был отказаться от предусмотренной «Положениями» 19 февраля 1861 г. переоброчки повинностей, то есть повышения помещичьих оброков, и провел единовременный выкуп оставшихся временно-

обязанных крестьян. Ранее, чем в других губерниях, правительство предприняло снижение недоимок с симбирских крестьян.

Однако все эти меры и уступки, не разрешавшие аграрного вопроса, острота которого с развитием капитализма в деревне усиливалась, не внесли успокоения в крестьянскую среду. Становление капиталистических отношений в сельском хозяйстве в сочетании с остатками крепостничества, отработками, малоземельем крестьян, присущей общине круговой порукой вели к углублению процесса обнищания крестьянства. К тому же в 80-е гг. царизм сделал резкий крен в сторону усиления реакции по всем направлениям. Упрочилась власть помещиков в деревне. В 1889 г. правительство издало закон, учредивший институт земских начальников, что усилило зависимость крестьянского самоуправления от помещиков, сосредоточило административную и судебную власть над крестьянами в руках наиболее реакционных представителей дворянства. В ответ на эти меры правительства в ряде мест страны народные массы поднялись на борьбу. Вплоть до 1893 г. Симбирская губерния была охвачена брожением крестьянства.

В сентябре 1890 г. крестьяне 11 деревень Муратовской волости Буинского уезда оказали активное сопротивление практическому осуществлению закона 1889 г. в их местности. Они отказались от выборов волостных судей, избили сельских старост и волостного старшину. Движение приобретало все более широкий размах. В его орбиту оказались вовлеченными 14 сел соседней Хомбусь-Батыревской волости. Только посредством массовых репрессий, в результате которых 25 человек были осуждены на различные сроки заключения, властям удалось погасить эту вспышку протеста. Выступления крестьян против института земских начальников имели место и в других уездах Симбирской губернии.

Крестьянское движение пореформенного периода, направленное против крепостнических пережитков в деревне, носило буржуазный характер. Объективно крестьяне боролись против помещичьего капитализма (так называемого «прусского» пути) за победу капиталистических отношений, свойственных «американскому» пути аграрно-капиталистической эволюции. Однако разрозненные, стихийные, не освещенные политической сознательностью крестьянские выступления не сливались в

общий поток. Они лишь медленно подтачивали строй, основанный на экономическом и политическом господстве дворянства. Сокрушительный удар по нему был призван нанести рабочий класс.

Революционно-освободительное движение

Падение крепостного права и резко отрицательная реакция крестьянства на законоположения 19 февраля 1861 г. обострили борьбу общественных сил в стране и вызвали подъем революционного освободительного движения. Могучая проповедь Н. Г. Чернышевского, гром набата герценовского «Колокола» будили передовую Россию. В 60-х гг. возникли тайное общество «Земля и воля», имевшее задачей подготовку крестьянского восстания, ряд других революционно-освободительных демократических организаций. Особый интерес революционеры-демократы проявляли к Симбирской губернии, где в наиболее неприкрытой форме проявлялись феодально-крепостнические пережитки, произвол царского суда, церкви и чиновничества. Только в «Колоколе» по различным вопросам социально-экономической обстановки в Симбирской губернии было помещено 25 публикаций.

Нелегальными путями проникала в Симбирский край запрещенная литература. Революционно-демократические идеалы А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского встречали сочувствие в кругах местной передовой интеллигенции. Номера «Колокола», революционные прокламации ходили по рукам, переписывались и распространялись. Отдельные симбиряне поддерживали связь с лондонским русским эмигрантским центром, готовили материалы для изданий «вольной русской типографии». Одним из сподвижников руководителей и идеологов революционно-демократического лагеря был П. А. Мартьянов — выкупившийся на свободу крестьянин села Белый Ключ. Эмигрировав за границу, он близко сошелся с Герценом и Огаревым, стал сотрудничать в «Колоколе».

Губерния являлась местом ссылки видных русских революционеров-демократов, среди которых выделялся и И. И. Гольц-Миллер — один из авторов известной прокламации «Молодая Россия».

В симбирскую глушь оказались высланными и неко-

торые участники подавленного польского восстания 1863—1864 гг.

Симбирская губерния оказалась в зоне действия «особой» казанской комиссии, созданной в связи с тем, что Поволжье представляло собой крупный очаг «крамолы» и «нигилизма». Власти стремились не допустить слияния крестьянского и революционно-демократического движения и искали повод для организованного выступления реакции против революционных сил.

13 августа 1864 г. над Симбирском растеклось огненное море. Страшные пожары, продолжавшиеся в течение почти трех недель, обратили в пепел две трети города. Население охватил ужас при виде такого полного, беспощадного уничтожения *.

Для расследования причин пожаров в Симбирск с особыми полномочиями был направлен генерал-адъютант барон А. Е. Врангель. Временная следственная комиссия, работавшая при III отделении, пришла к выводу о наличии в губернии «больших шансов для агитации». Были собраны материалы о распространении в Поволжье подложных манифестов 1863 г., прокламаций «Земли и воли», сведения о воззрениях и деятельности революционеров, об их связях с тайными польскими кружками и организациями. Явились «неопровержимые» доказательства того, что симбирские пожары — результат «злой воли». Непосредственными исполнителями «заговора поляков и революционеров» были признаны солдаты Федоров и Григорьев. Обоих с целью устрашения населения расстреляли. Далее последовала волна репрессий.

В ответ на выпады самодержавия А. И. Герцен и Н. П. Огарев, которые внимательно следили за событиями в Поволжье, с 15 октября 1864 г. приступили к пуб-

---

* Из 3 тыс. зданий, в том числе 380 каменных, огонь уничтожил 1580 жилых домов, 30 казенных и общественных зданий, 12 церквей, женский монастырь, ярмарочные ряды и другие строения. Возрождение города стало главной задачей его властей и жителей. В 1866 г. был утвержден новый план застройки Симбирска. В нем сохранялась сложившаяся сеть улиц с небольшим укрупнением отдельных кварталов и предусматривалось дальнейшее развитие города главным образом в юго-западном направлении.

К концу XIX в. вновь отстроенный Симбирск в основном восстановил свой старый облик и строй жизни как крупный административный центр Поволжья.

ликации в «Колоколе» серии материалов, разоблачающих царизм и помещиков, дошедших до злоумышленной организации пожаров в Симбирске, Саратове, Пензе и других городах страны. А. И. Герцен убедительно доказывал, что подлинными поджигателями Симбирска были власть предержащие. Да и в местной печати отмечалось, что колоссальность злодеяний, беспощадность и ловкость, сопровождавшие их, определенно показывают: это — дело рук не просто двоих солдат, которые были, возможно, лишь послушным орудием кого-то более сильного, могущественного, сумевшего замести свои следы. Не случайно губернатор Анисимов, отвечающий за безопасность города, после случившегося был взят под защиту министром внутренних дел и получил высшее назначение, став членом Совета министров.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. произошел новый подъем освободительного движения. С проповедью социалистического переворота, который должен осуществиться через крестьянскую общину, на арену борьбы с самодержавием вышли народники.

В 1874—1875 гг. в Симбирской губернии вели революционную агитацию видные деятели народнического движения А. Желябов, П. Войноральский, Д. Клеменц, Н. Бух, В. Германов, И. Соловьев, Н. Горбунов, П. Ситтен, И. Чернявский, В. Муратов, Л. Сердюкова и др. Под влиянием народников в 1873—1875 гг. в Симбирске сложился нелегальный кружок молодежи, обычно собиравшийся на квартире Н. П. Николаевой.

Пропаганда народников осуществлялась не только среди крестьян. Так, на суконных фабриках Карсунского уезда активно работал П. Викторов. Среди рабочих и служащих он распространял идеи о справедливом распределении богатства между всеми поровну, о необходимости наделения крестьян землей. Студент Петербургского технологического института А. Теплов в 1875 г. вел подобную деятельность в Сызранском паровозном депо.

Царское правительство мобилизовало все силы против народников. Начались повальные обыски и аресты среди подозреваемых. Большинство арестованных было предано суду. По процессу 193-х многие из них оказались приговоренными к каторжным работам и ссылке.

Среди тех, кто остался верным благородным традициям землевольцев и народовольцев, был старший брат

В. И. Ленина, один из основателей террористической фракции партии «Народная воля» А. И. Ульянов, веривший в возможность борьбы с самодержавием средствами террора. Идейно члены фракции стояли на позициях революционных народников, но во взглядах многих из них уже наметился поворот к марксизму. За организацию покушения на царя Александра III весной 1887 г. А. Ульянов в числе пятерых участников заговора был казнен.

Неудачи народнического движения, развитие капитализма и становление рабочего класса побуждали передовых людей к поискам такой революционной теории, которая дала бы объяснение новым социально-экономическим процессам, указала правильные пути и способы революционной борьбы. Все более пристальное внимание революционеров привлекал марксизм.

Распространению в Симбирской губернии идей К. Маркса и Ф. Энгельса немало способствовала деятельность симбирских землячеств в Казанском, Московском и Петербургском университетах. Губерния стала местом политической ссылки А. А. Кадьяна, А. С. Бутурлина и других революционеров-народников, которые оказывали большое влияние на местную общественно-политическую жизнь, вели революционную пропаганду среди молодежи и рабочих.

В 1880 г. кузнецы братья Фадеевы организовали в Симбирске рабочий кружок. Не сумев развернуть широкой деятельности из-за жандармских преследований, эта организация тем не менее оставила заметный след в истории борьбы местного рабочего класса.

В начале 80-х гг. при участии политических ссыльных в Симбирской мужской гимназии сформировался «кружок самообразования». Он имел свою подпольную типографию, нелегальную библиотеку. В состав кружка входили А. Жарков, В. Аверьянов, В. Кандалов, П. Давыдов, А. Лейман и др. Благодаря их деятельности город был наводнен нелегальной литературой. Издавались и распространялись антиправительственные листовки и книги. Жандармская слежка и отсутствие должного опыта конспирации у членов кружка привели к его ликвидации осенью 1885 г.

Революционные кружки, находившиеся под влиянием идей марксизма, стали появляться и в других местах губернии. В начале 90-х гг. в Сызрани сложилась пер-

вая в крае марксистская организация, возглавляемая А. И. Ерамасовым и В. А. Половым.

Таким образом, ведущей силой общественного развития становилось рабочее социал-демократическое движение. Капитализм, вступая в свою высшую стадию, стоял на пороге гибели.

Глава X. КУЛЬТУРА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Культурная жизнь Симбирской губернии в пореформенный период была одним из конкретных подтверждений известного ленинского положения о том, что в буржуазном обществе сосуществуют господствующая культура правящих классов и элементы демократической и социалистической культуры. Страшась развития передовой национальной культуры народа, реакционные круги дворянства, духовенства и буржуазии ожесточенно ее преследовали, держали широкие массы трудящихся в идеологическом плену, темноте и невежестве. Около 800 церквей, соборов и монастырей, сотни молитвенных домов, мечетей и других религиозных очагов губернии затуманивали сознание простых людей, гасили «всякую мысль и всякое живое чувство»[66]. Только в Симбирске этой цели служили два монастыря, три собора, тридцать церквей, четыре иноверческих храма, более десятка духовно-просветительских учреждений и учебных заведений. Эту же цель преследовали и питейные заведения: трактиры, кабаки, казенки и проч., общее число которых в губернии составляло более 1340. В Симбирске и Сызрани, например, одно питейное заведение приходилось на 90—95 жителей.

Но ни гнет царизма и его местной администрации, ни враждебность реакционного дворянства и равнодушие либерального общества, ни мракобесие церковников не могли задержать роста творческих сил, подъема национальной культуры. Развитие капитализма и растущее революционное движение влекли за собой глубокие изменения не только в социально-экономической, но и в культурной жизни страны. Положительное влияние на состояние культуры оказала деятельность русской прогрессивной разночинной интеллигенции, воспитанной на освободительных идеях Белинского, Герцена, Огарева,

Чернышевского, Добролюбова. Под влиянием этих идей к лагерю революционных демократов примкнули и многие деятели культуры из дворянской среды. Основным двигателем их творчества, как и творчества демократов-разночинцев, была борьба за благо народа, великое будущее Родины.

Просвещение

Народные массы России, по выражению В. И. Ленина, «были *ограблены* в смысле образования, света и знания»[67]. Примером тому служила и Симбирская губерния, которая по грамотности населения в начале 60-х гг. занимала одно из последних мест в стране. Более 85% ее жителей не умели ни писать, ни читать. Придавленные жестокой эксплуатацией, нищетой и бесправием, рабочие и крестьяне были лишены возможности получить даже начальное образование. Затраты на него были крайне малы. Земские учреждения выделяли на обучение каждого ребенка школьного возраста в среднем лишь 3,7 коп. — в четыре раза меньше, чем в соседней Казанской губернии.

Однако жажда знаний охватила широкие массы народа, что нашло свое яркое проявление в стихийном возникновении крестьянских школ, которые всецело содержались добровольными сборами. Результатом инициативы крестьян и демократической интеллигенции стало появление и развитие земской начальной школы, около 80% всех расходов на которую несли земства и сельские общества. Были приняты некоторые положительные меры и в ходе реформ 60—70-х гг. В частности, начальные народные школы были преобразованы в двух- и трехклассные, возможность обучаться в них получили дети всех сословий.

По официальной статистике, в 1869 г. в губернии имелось 462 начальных народных училища с количеством учащихся свыше 10 тыс. человек. Однако более или менее хорошо организованных было лишь 89. Остальные числились только на бумаге или пребывали в жалком состоянии. Большинство из них ютились в грязных и темных церковных сторожках, конторах волостных правлений, в ветхих и тесных крестьянских избах. Исправно посещали школу не более 40—42% общего числа уча-

щихся. Обучали крестьянских детей священники, дьячки, писари, отставные унтер-офицеры и другие случайные люди, не имеющие необходимой подготовки, в большинстве своем малограмотные и невежественные. Жалованье учителей, даже подготовленных к работе в школе, не превышало 60—62 руб. в год; по отзыву современника, им надо было «быть без желудка, чтобы прожить» на эту мизерную сумму.

В таком состоянии застал дело народного образования в губернии И. Н. Ульянов, назначенный в 1869 г. на должность инспектора, а в 1874 г. —директора народных училищ. Талантливый педагог-демократ, проводник взглядов Чернышевского и Добролюбова, страстный приверженец Ушинского, он выступал на поприще народного образования как подлинный новатор.

Благодаря энергии и настойчивости И. Н. Ульянова земства, городские думы и сельские общества увеличили отпуск средств на школьные нужды более чем в 15 раз — с 6 тыс. руб. в 1868 г. до 94 тыс. в 1885 г. За эти годы в губернии было построено 151 новое школьное здание*. Общее число действующих народных училищ возросло до 450, а количество учащихся в них — до 20 тыс. человек.

Ведя решительную борьбу с консервативными традициями, косностью и рутиной, И. Н. Ульянов настойчиво защищал право женщин на образование и добивался привлечения к школьному обучению девочек. Их число среди учащихся народных училищ за годы его деятельности увеличилось почти вдвое.

Сознавая, что успех дела народного образования зависит прежде всего от учителей, И. Н. Ульянов старался направить в школы губернии профессионально подготовленных к педагогическому труду людей, прилагал огромные усилия к тому, чтобы поднять их престиж и улучшить материальное положение. Предметом его особого внимания и забот было формирование народного по духу и образу действий учителя, обладающего не только педагогическим мастерством, но и высокой общей культурой, чувством долга перед народом, любящего детей. Большую роль в подготовке таких учителей играли педагогические курсы и учительские съезды, которые ор-

* Многие из них сохранились до наших дней: в Ульяновске, Жадовке, Лукине, Сурском, Криушах и др.

ганизовывались и систематически проводились И. Н. Ульяновым. Они имели целью совершенствование всей системы народного образования в губернии, ознакомление учителей с новейшими методиками и передовым опытом обучения и воспитания детей. Этому же служила открытая в 1872 г. Порецкая учительская семинария, ставшая основной кузницей педагогических кадров для школ губернии. В ряде больших сел имелись специальные школы повышенного типа для подготовки учащихся к поступлению в учительские семинарии.

За годы своей деятельности в Симбирской губернии И. Н. Ульянов воспитал целую плеяду замечательных народных учителей, которых современники называли «учителями нового типа», «украшением времени», «ульяновцами». Это В. В. Кашкадамова, В. А. Калашников, А. С. Кабанов, А. А. Волков, Н. Я. Лукьянов, П. П. Малеев, Ф. С. Кириллов, В. Ф. Кашкаров и др.

Много сил отдавал И. Н. Ульянов образованию детей нерусских народностей: чувашей, татар, мордвы. Он добивался открытия для них школ с преподаванием на родном языке, помогал в подготовке учительских кадров. Благодаря его настойчивости только в Ардатовском уезде в мордовских селах было открыто 23 школы, несколько десятков их открылось в чувашских селах. При непосредственном участии И. Н. Ульянова его соратник, известный чувашский просветитель И. Я. Яковлев, основал в Симбирске чувашскую учительскую семинарию, ставшую важнейшим очагом просвещения и проводником культуры среди чувашского населения всего Поволжья.

По отзывам многих современников, И. Н. Ульянову принадлежало первое место среди деятелей, принимавших активное участие в развитии народной школы в симбирском крае. Он был неутомимым «просветителем целой губернии, строителем сельских школ, вечным просителем, назойливо вымаливавшим у земства лишний грош на школы, единственным руководителем педагогических курсов, заступником и добрым гением учителей и учительниц, входившим во все мелочи их незавидного существования, и, в то же время, только что не вечным курьером, обязанным скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать в так называемых въезжих избах...» [68].

Целеустремленная и многогранная деятельность И. Н. Ульянова сплотила вокруг него не только его помощников-инспекторов и лучших учителей, но и передовую часть земских общественных деятелей, врачей, писателей. Опираясь на их поддержку, он добился того, что Симбирская губерния по состоянию народного образования выдвинулась на одно из первых мест не только в Казанском учебном округе, но и в стране.

Однако усилия И. Н. Ульянова не получали одобрения у правительства и местной администрации. Наоборот, последние выражали недовольство тем, что земские школы оказывали «огромное влияние на быт народа». Особенно возмущало их то, что «народные педагоги задались целью расширить умственный кругозор крестьянских детей сообщением им массы элементарных сведений по всем отраслям знаний, оставляя ничтожное число часов для обучения правилам веры»[69]. В условиях наступившей политической реакции 80-х гг. власть имущие «готовы были заподозрить политическую неблагонадежность каждого, кто только хлопотал об устройстве школ»[70] и просвещении народа. В 1884 г. появилось положение о замене земских народных училищ церковноприходскими школами. Начальное образование было передано в руки попов-мракобесов. Цель и любимое дело И. Н. Ульянова оказалось под угрозой. Возможность остаться не у дел, а также начавшиеся против него выступления представителей высшего духовенства ускорили роковую развязку. 12 января 1886 г. И. Н. Ульянов скоропостижно скончался.

И все же, вопреки преградам царизма и господствующих классов, дело народного просвещения в губернии продолжало развиваться. Расходы на него к концу XIX в. увеличились до 112 тыс. руб. В губернии насчитывалось теперь 487 министерских и земских начальных и 180 церковноприходских школ. В них обучалось 37 130 детей (в том числе 6173 девочки, что составляло к общему числу учащихся 16,1%). Дети дворян, чиновников и буржуазии получали общее среднее образование в пяти мужских и трех женских гимназиях; обучались в кадетском корпусе. Появились профессиональные учебные заведения: фельдшерская, сельскохозяйственная, садово-огородная школы, коммерческое, реальное и два ремесленных училища в Симбирске, реальное училище в Сызрани. Все это способствовало росту грамотности и обра-

зованности населения губернии. По Всероссийской переписи 1897 г. грамотные жители ее в возрасте от 9 до 49 лет составляли среди мужчин 37,7%, среди женщин 9,4%.

Однако при всех положительных сдвигах общее состояние народного образования в губернии не отвечало даже самым насущным потребностям времени. Оно продолжало оставаться привилегией богатых, о чем говорят следующие данные: среди дворян грамотными было 95,2% мужчин и 91,5% женщин, среди духовенства соответственно — 98 и 88,2%; среди крестьян — 35,3 и 6,7%. Лица с образованием выше начального составляли всего 1,1%, среди женщин — 0,8%; с высшим образованием — 0,04%, со средним — 0,4%.

Важную роль в просвещении жителей губернии и удовлетворении читательских интересов играли книга и периодическая печать. Но и к ним был ограничен доступ широких народных масс. Царизм и господствующие классы всячески препятствовали расширению издательской деятельности. «Книга и газета преследовались ими как личные враги»[71]. В 70—80-е гг. в губернии выписывалось всего около 1200 экземпляров газет и 713 журналов. Под непосредственным наблюдением губернатора издавались «Симбирские губернские ведомости» и «Симбирская земская газета». В них кроме официальных материалов помещались статьи исторического и этнографического характера, рассказы местных писателей. В 1896 г. «Симбирская земская газета» была заменена «Вестником Симбирского земства». В виде приложения к нему издавался «Врачебно-санитарный листок». Богатый материал по истории и археологии края содержался в неофициальном отделе «Симбирских епархиальных ведомостей».

В 1894—1896 гг. в Симбирске издавался журнал «Городской и сельский учитель». В нем публиковались правительственные распоряжения, статьи по вопросам воспитания, педагогическая хроника, критика и библиография. В 1889 г. появилось первое печатное издание в Сызрани — «Сызранский листок объявлений».

Распространением книги путем продажи занимались в губернии девять земских книжных складов, магазинов и лавок. Особую роль играли библиотеки. Но большинство их находилось в помещичьих имениях, при учебных заведениях и монастырях. Наиболее значительной из

них являлась частная библиотека видного литературного критика, писателя, издателя первого собрания сочинений А. С. Пушкина, друга Гоголя, Огарева, Тургенева, Некрасова и Шевченко П. В. Анненкова, созданная им в селе Чирикове Симбирского уезда. Здесь имелись редкостные издания журналов и книг, многие из которых были украшены дарственными надписями и автографами выдающихся писателей того времени. Самым же ценным являлось собрание нелегальных заграничных изданий А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В библиотеке имелась подборка книг по истории Французской революции, хранились рукописи А. С. Пушкина, Н. И. Тургенева, а также К. Маркса, с которым П. В. Анненков был лично знаком.

Большое влияние на распространение знаний оказывали общественные публичные библиотеки и народные читальни. Ведущее место среди них занимала Карамзинская библиотека, открытая в Симбирске еще в первой половине XIX в. В 1864 г. она имела 11 тыс. томов. Но все это богатство, по тому времени немалое, было уничтожено пожаром. Вскоре за счет новых пожертвований библиотеку удалось восстановить. В 1870 г. в ней имелось свыше 15 тыс. томов. В 1881 г. в Карамзинскую библиотеку передал свою коллекцию книг И. А. Гончаров. К концу XIX в. ее книжный фонд достиг 34 тыс. томов.

В 1892 г. в Симбирске открылась бесплатная публичная библиотека-читальня в память писателя И. А. Гончарова. Инициаторами ее создания были представители демократической общественности города: В. В. Кашкадамова — учительница, друг семьи Ульяновых, М. Г. Медведева — заведующая фундаментальной библиотекой городских начальных училищ, М. Ф. Суперанский — учитель словесности женской Мариинской гимназии, и др. В книжном фонде библиотеки насчитывалось свыше 3 тыс. томов, которыми пользовались более 1100 читателей. В 1896 г. при дирекции народных училищ была открыта библиотека для учителей, а в 1899 г. в городе появилась частная общественная библиотека. К этому времени в губернии имелось более 10 общественных публичных библиотек и 44 народные читальни. Они являлись наиболее доступными центрами знаний и политического просвещения народа. Их сотрудники не только распространяли книгу, но и организовывали чтение пуб-

личных лекций о выдающихся деятелях русской культуры, способствовали распространению научных знаний, знакомили читателей с революционно-демократической литературой.

Однако абсолютное большинство сел и деревень губернии не имело библиотек и читален из-за отсутствия средств и квалифицированных работников. А там, где библиотеки были, их книжные фонды не превышали 500 томов. Среднее количество сельских читателей едва достигало 1% ко всему сельскому населению.

Здравоохранение

По-прежнему на низком уровне находилось медицинское обслуживание населения. На него отпускалось (из расчета на одного человека) около 60 коп. в год из земского и городского бюджета и менее копейки — из казенного. В губернии имелось 9 больниц: две в Симбирске (280 коек) и семь в уездах (160—170 коек), шесть аптек и несколько фельдшерских пунктов. Медицинский персонал состоял из 50 врачей (не считая военных и частных) — из них 20 в Симбирске и 8 в Сызрани — и нескольких десятков средних медицинских работников. В среднем одна больничная койка приходилась на 3570 человек, один врач — на 2165 человек в Симбирске и на 70 тыс. человек в уездах. Даже в Ардатовском уезде, где положение с народным здравоохранением считалось наиболее благополучным, один врач приходился на 32 тыс. человек и одна больничная койка — на 1739 человек.

Самым крупным медицинским учреждением была губернская земская больница. В ней имелось 240 коек. Штат ее в течение многих лет состоял из старшего врача и трех-четырех врачей-ординаторов, 8 фельдшеров, аптекаря и его помощника. Многие годы старшим врачом губернской больницы был П. Ф. Филатов — брат одного из основоположников русской педиатрии Н. Ф. Филатова. В этой же должности работал известный в свое время доктор медицины Н. А. Глассон — видный земский общественный деятель, организатор первых двух губернских съездов врачей, которые сыграли значительную роль в улучшении медицинского обслуживания народных масс.

Глубокий след в развитии здравоохранения губернии оставили доктора медицины А. А. Кадьян, сосланный в 1879 г. в Симбирск под надзор полиции по «делу 193-х», И. С. Покровский (домашний врач семьи Ульяновых), А. Л. Поленов и др.

Несмотря на скудность средств, административные препятствия и другие трудности, передовые земские врачи делали многое для того, чтобы облегчить широким массам народа доступ к получению квалифицированной медицинской помощи. Они, как правило, несколько раз в год объезжали селения своего уезда и оказывали людям медпомощь по месту жительства.

Передовая часть симбирской общественности также проявляла заботу об улучшении медицинского обслуживания населения. Так, в 1881 г. сын известного историографа В. Н. Карамзин завещал губернскому земству 125 тыс. руб. для постройки благотворительного заведения. На эти средства была построена и в 1899 г. открыта Карамзинская колония душевнобольных в 12 верстах от Симбирска.

Но усилия отдельных энтузиастов не могли изменить общего далеко не благополучного положения с охраной здоровья народных масс. Местные власти всячески тормозили развитие народного здравоохранения. С их стороны делались неоднократные попытки уменьшить число коек в губернской земской больнице, сократить число врачей и обслуживающего персонала. В 1883 г. была закрыта единственная в губернии фельдшерская школа. В результате в уездных земских больницах стали принимать на службу малограмотных ротных санитаров, возводя их в звание фельдшеров. В селах и деревнях по-прежнему практиковали невежественные знахари и повитухи.

Почти полное отсутствие медицинской помощи, антисанитарное состояние населенных пунктов, рабочих и крестьянских жилищ, материальная нужда, жестокая эксплуатация, низкий культурный уровень и забитость основной массы населения являлись источником распространения эпидемий дизентерии, оспы, трахомы, малярии и других болезней. По официальной статистике, Симбирская губерния по количеству больных сыпным тифом, туберкулезом и по смертности занимала одно из первых мест в России. Тяжелые последствия имели эпидемии холеры 1866, 1870, 1881, 1888, 1892 гг., унесшие в

могилу тысячи людей, главным образом детей. Летом 1898 г. детская смертность в губернии достигла 48, а в первой половине 1899 г. — свыше 50%.

Научные знания

Симбирская губерния внесла заметный вклад в различные отрасли русской науки.

Среди ее уроженцев — питомец Симбирской мужской гимназии, зоолог и путешественник М. Н. Богданов. Он исколесил все Поволжье и Кавказ, являлся организатором и участником экспедиций по исследованию Средней Азии, Белого моря и Ледовитого океана, основателем Московского зоопарка, автором многих научных трудов и увлекательных рассказов о природе родного Поволжья и нашей страны.

В селе Самайкине Сызранского уезда жил А. И. Воейков — крупный ученый-климатолог и путешественник, один из выдающихся русских метеорологов и географов. Он совершил научные путешествия по Америке, Индии, Цейлону, Китаю, Японии. Его знаменитая работа «Климаты земного шара» (1884) имела мировое значение. Всего им было опубликовано более 250 научных трудов.

С симбирским краем связаны биографии А. Н. Крылова — кораблестроителя, математика, механика и астронома, Н. А. Умова — крупного русского физика, заложившего основы учения о движении энергии; в 1875 г. он решил в общем виде задачу о распространении электрических токов по поверхности проводников.

В Симбирске начали свой путь в науку выдающийся офтальмолог В. П. Филатов и видный исследователь-орнитолог и охотовед С. А. Бутурлин.

С нашим краем связаны имена и многих других известных русских ученых. Так, в 1878 г. в Алатырском, Карсунском, Сенгилеевском уездах и в Симбирске занимался исследованиями чернозема крупный ученый-естествоиспытатель, основатель современного научного генетического почвоведения и зональной агрономии В. В. Докучаев. Эти исследования нашли свое отражение в опубликованной в 1883 г. монографии Докучаева «Русский чернозем».

В селе Китовка Симбирского уезда выдающийся

русский химик Д. И. Менделеев основал опытное поле для внедрения в крестьянское земледелие передовой агротехники. Возглавить эту работу согласился выпускник Петербургского университета, молодой кандидат наук К. А. Тимирязев. Исследования, проведенные им здесь в 1867 г., положили начало научной деятельности этого замечательного естествоиспытателя-дарвиниста, ботаника-физиолога.

Большую часть своей жизни провел в Симбирске талантливый изобретатель-самоучка Е. Е. Горин, прозванный современниками «русским Эдисоном». Его изобретения намного опережали свое время. Им был создан аппарат дальновидения — прямой предшественник современного телевизора, многое он внес в развитие фотографии, звукозаписи, фототелеграфии, изобрел аппарат для слепых. Всего он имел более 300 различных изобретений.

Передовая часть общественности губернии питала живой интерес к историко-краеведческим и естественнонаучным знаниям. Одним из горячих ревнителей наследия прошлого являлся видный общественный деятель края В. Н. Поливанов. В 1890 г. он открыл в своем Акшуатском имении музей, для которого построил специальное здание в классическом стиле. Музей включал в себя более десятка отделов и был известен далеко за пределами губернии. В нем экспонировались материалы по истории и археологии края, рукописи Н. В. Гоголя, автографы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Вольтера и других деятелей русской и зарубежной культуры.

По инициативе В. Н. Поливанова и при активном участии И. Я. Яковлева, Д. Д. Минаева и других общественных деятелей в 1895 г. была создана губернская ученая архивная комиссия и открыты историко-археологический музей и метеорологическая станция.

Симбирский край дал России гениального продолжателя учения и дела К. Маркса и Ф. Энгельса, создателя и руководителя партии нового типа и первого в истории человечества Советского социалистического государства — В. И. Ленина. Здесь, на Волге, под влиянием семейного воспитания, прогрессивной демократической литературы, всей окружающей действительности молодой Ильич определил свое место в рядах борцов за освобождение трудящихся.

Устное народное творчество и литература

Устное народное творчество являлось одним из важнейших элементов демократической культуры. Оно охватывало и отражало многообразные стороны жизни народа: его борьбу и трудовую деятельность, бытовой уклад и проч., служило ярким выражением национального самосознания народа, своеобразия его культурных традиций.

В связи с большими переменами, которые несла капиталистическая формация, происходили изменения и в устном народном творчестве. В нем все отчетливее звучали социальные мотивы, представления о справедливости, идеи протеста и борьбы против угнетения, за свободу народа. Эти новые явления проявились во всех жанрах устного народного творчества: в песнях и частушках, былинах и причитаниях, сказках и сказаниях, пословицах и поговорках, преданиях, загадках и т. п.

В Симбирском крае одним из замечательных сел, наиболее богатых фольклором, являлось Дмитриево-Помряскино, где родился и жил выдающийся отечественный сказочник А. К. Новопольцев. Его творчество изучали многие русские и зарубежные ученые. Песни, сказки и другие народные произведения, записанные в этом селе, вошли в золотой фонд русского фольклора и опубликованы во многих фольклорных сборниках.

Много песен было записано в Промзине; часть из них вошла в знаменитый сборник «40 народных песен», изданный выдающимся русским композитором М. А. Балакиревым. Мелодии этих песен использовали при создании своих произведений не только М. А. Балакирев (увертюра «1000 лет»), но и П. И. Чайковский (опера «Опричник»), Э. Ф. Направник («Народные танцы для оркестра») и др.

Красота и обаяние народной песни привлекли русского композитора А. П. Бородина. Создавая оперу «Князь Игорь», он использовал в хоре поселян мордовские народные песни, записанные им в Алатырском уезде Симбирской губернии.

Своего рода «гнездами» устного народного творчества в губернии стали также Козловка, Новикова, Троицкое и многие другие села. Освоение этого богатства, собирание произведений устного народного творчества стало делом многих видных писателей и поэтов, связан-

ных своими жизненными и творческими биографиями с симбирским краем.

В селе Троицком Карсунского уезда родился известный поэт, переводчик, этнограф и ориенталист, в совершенстве владевший многими восточными языками, увлеченный собиратель фольклора Д. П. Ознобишин. Он одним из первых в губернии стал записывать чувашские и мордовские песни.

В своем творчестве Ознобишин касался жгучих тем современной ему действительности. Так, в стихотворении «Городок», под которым разумелся Симбирск, явственно звучала сатира в адрес дворянства и купечества. Родному городу посвящено и другое стихотворение поэта — «Симбирску», написанное вскоре после пожара 1864 г. Он — автор широко известной песни «По Дону гуляет казак молодой».

Д. П. Ознобишин опубликовал большое количество статей по краеведению, этнографии, народному образованию. В 1874 г. он принял участие в сборнике «Складчина» в пользу голодающих Поволжья.

К волжскому фольклору обращался сын симбирского дворового крепостного писатель Г. Н. Потанин, автор известного романа «Крепостное право»*. «Талантом большим и русским» назвал Потанина Н. А. Некрасов.

Деятельным собирателем произведений устного народного творчества был талантливый поэт-переводчик Д. Н. Садовников. Почти всю свою жизнь он прожил в Симбирске. Большую ценность представляет его этнографическая деятельность, давшая целый цикл статей. Заслуживают внимания труды поэта по литературному краеведению. С особой глубиной он исследовал мотивы устного народного творчества, образы русских былин и сказок. Только в селе Новиковка им были записаны 72 сказки. Здесь же Д. Н. Садовников собирал и загадки, вошедшие в сборник «Загадки русского народа».

Широкие волжские просторы, трудолюбивый народ, борющийся за свое освобождение, народная поэзия родного края вдохновляли Д. Н. Садовникова и пронизывали все его творчество. «Волга была моей первой любовью, — писал он, — первое представление о прекрасном неразрывно связано с ней»[72]. Яркое тому подтвер-

---

* По требованию цензуры роману было дано другое наименование — «Старое старится, молодое растет».

ждение — его книга песен и легенд «На старой Волге», вышедшая в 1906 г., спустя двадцать с лишним лет после смерти поэта.

Звездой первой величины среди симбирских писателей этого периода блистал И. А. Гончаров, один из талантливых представителей русской классической литературы. Первоисточником почти всех его произведений, начиная с повести «Нимфодора Ивановна» и кончая знаменитыми романами «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», являлись Симбирск, его люди, быт, нравы, природа Волги. Наиболее тесно с Симбирском и Волгой связан роман «Обрыв». Природа, образы, сам заголовок — все взято из родных мест.

Творчество И. А. Гончарова явилось крупным вкладом не только в передовую русскую, но и в мировую литературу. Сжато и метко оценил его Н. А. Добролюбов. «В нем,— писал он, — застывают в твердые формы все явления жизни, во всякую данную минуту. Он может, кажется, остановить саму жизнь, навсегда укрепить и поставить перед нами самый неуловимый миг ее, чтобы вечно на него смотрели, наслаждаясь и поучаясь» [73].

Как и Гончаров, уроженцем симбирского края являлся типичный представитель разночинной интеллигенции поэт-сатирик Д. Д. Минаев. Его поэзия была пронизана духом протеста и борьбы. Он преследовал либералов, разоблачал преступников и мракобесов, скорбел о крестьянах, ограбленных реформой 1861 г.

Сатиры и фельетоны Д. Д. Минаева приводили современников в изумление ярко выраженным даром импровизации и стихотворной виртуозностью. «Бойкостью стиха, богатством рифмы, быстрою отзывчивостью на интересы минуты Минаев приобрел популярность, — отмечал современник. — ...Вряд ли кто сравняется с ним в умении кратко, зло и остроумно подшутить над каким-нибудь героем или злобою дня... Д. Д. внес немало крупных лепт в сокровищницу русской литературы» [74].

А. М. Горький относил Д. Д. Минаева к числу «крупных имен», к «компании самых резких и демократически настроенных людей того времени» [75]. Публицист, переводчик, поэт и драматург, Минаев являлся сотрудником журналов «Искра», «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Гудок» и др., своим творчеством был тесно связан с Герценом и Писаревым. Его лично знали и высоко ценили Чернышевский и Добро-

любов. Сатирические стихи Д. Д. Минаева, особенно политическая поэма-памфлет «Губернская фотография», а также его связь с лидерами революционно-демократического лагеря снискали поэту славу «нигилиста».

Учеником и последователем Д. Д. Минаева являлся А. А. Коринфский. Свою обличительную литературную деятельность он начал еще гимназистом. В стихах, сатирах и фельетонах А. А. Коринфский давал нелестные оценки Симбирску, сравнивал его с «медвежьим углом», «дворянским гнездом». Но наибольший интерес представляют его стихи о Волге, которую он любил, тепло и ярко изображал ее природу (сборники «Картины Поволжья», «Волга, сказания, картины, думы», «В родном краю»). Прозванный «волжским певцом», А. А. Коринфский посвятил много задушевных стихов народным учителям и детям.

Прогрессивной направленностью отличались произведения писателя, драматурга, публициста и общественного деятеля губернии В. Н. Назарьева. Он сотрудничал в «Современнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и других журналах, в «Самарской газете», «Симбирских губернских ведомостях», «Симбирской земской газете» и других изданиях, был первым, кто рассказал об И. Н. Ульянове в очерках «Современная глушь», «Из весенних воспоминаний члена Симбирского училищного совета» и «Вешние всходы».

Сильное впечатление на выдающегося русского писателя Ф. М. Достоевского оказали произведения Н. К. Лебедева-Морского. При личном свидании с ним Федор Михайлович одобрил его сочинения и заявил, что Лебедев-Морской, по его мнению, самый интересный и жизненный из молодых романистов, что в нем виден искренний и достаточно оригинальный художник.

Известность Лебедеву-Морскому принесли романы «Аристократия гостиного двора» и «Содом», которые вызвали большой резонанс и имели успех у читателя. Его перу принадлежит также много повестей и рассказов, в которых, как и в романах, использовался симбирский материал. В городе Носове («Содом») нетрудно угадать Симбирск (по названиям улиц и даже уездных городов губернии). Во многих произведениях писателя, отличающихся богатством личных наблюдений, звучат автобиографические мотивы, встречаются описания реальных симбирских событий.

На реке Суре Симбирской губернии прошли молодые годы поэта-песенника и драматурга А. В. Тимофеева. Наиболее ценное в его творчестве — получившие широкое распространение оригинальные песни, особенно «Ах вы, ветры буйные», «Река шумит, река ревет», «Борода», «Предчувствие», «Оседлаю коня», «Свадьба» («Нас венчали не в церкви»).

Тесные узы связывали с симбирским краем Д. В. Григоровича — автора антикрепостнических повестей «Деревня», «Антон Горемыка»; Н. В. Симборского — поэта некрасовской школы, отразившего в своих стихах тяжелую долю русского народа и стремление к лучшей жизни; А. И. Пальма — петрашевца, создавшего известный в свое время автобиографический роман «Алексей Свободин»; М. Н. Старостина — автора сборников рассказов «Годы огневые, годы трудовые», «Волжские зори», «Военные рассказы», романа «Сыны отечества».

В 1863—1864 гг. в Карсуне отбывал ссылку поэт, революционный демократ, один из авторов известной в те годы прокламации «Молодая Россия» И. И. Гольц-Миллер. Здесь он написал стихотворение «Слушай!», ставшее любимой песней революционно-демократической молодежи.

В 1873 г. в губернии вел революционную работу среди крестьян народник Д. А. Клеменц. В этом же году появилась его песня «Ах ты, доля, моя доля». Его перу принадлежат также популярные песни «Дубинушка», «Ой, ребята, плохо дело», «Братья, вперед!».

Писатели-народники создавали в деревне толстовские земледельческие колонии и сообщества. Одна из них существовала в Архангельском Буинского уезда в 1887—1888 гг. Ее помогал устраивать писатель-демократ Н. Е. Каронин-Петропавловский, написавший о ней нашумевшую тогда повесть «Барская колония». Каронин — автор ряда произведений: «Мой мир», «О парашкинцах» и др.

Театр

Подъем литературного творчества сказался и на развитии театра, где так же, как и в литературе, господствующим становился критический реализм. Единственный в Симбирской губернии театр играл значитель-

ную роль в культурной жизни города. Он располагался в специально построенном для него утепленном деревянном здании в южной части Большой Саратовской улицы. Как и в других городах, театр удовлетворял в основном запросы «высшего общества». Чаще всего на его сцене ставились спектакли легкого развлекательного жанра, «дешевые водевили, пустые комедии и бог весть кем и как переведенные или, точнее, переделанные с французского языка ходульные мелодрамы»[76].

В середине 60-х гг. на сцене Симбирского театра начала свой творческий путь выдающаяся актриса П. А. Стрепетова. Появился в нем с первой «благоустроенной» труппой и классическим репертуаром антрепренер и талантливый актер А. Л. Рассказов, который вместе с П. А. Стрепетовой, В. И. Зориной, Е. П. Струйской и другими прогрессивно настроенными актерами возглавил борьбу против казенщины, рутины и пошлости, за обновление театральной сцены. Большой вклад в театральную жизнь Симбирска внесли М. И. Писарев и уроженец Симбирска, талантливый актер, автор рассказов о народной жизни В. Н. Андреев-Бурлак. «С их... приездом, — вспоминала П. А. Стрепетова, — точно что-то свежее, новое, живое как бы внеслось в нашу среду, в то стоячее, мутное болото, точно отворилось окно, и струя чистого, бодрящего воздуха освежила нашу душную, затхлую атмосферу»[77].

23 октября 1879 г. спектаклем «Бедность не порок» открылись представления в новом каменном здании на Спасской улице. Ведущее место в репертуаре театра заняли трагедии У. Шекспира, драмы И. Шиллера, А. Н. Островского, комедии А. С. Грибоедова и Н. В. Гоголя, оперы Д. Верди, П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна, имевшие особенно большой успех у демократического зрителя.

К концу XIX в. в отдельных городах губернии появились любительские театры. Они ставили перед собой задачу содействовать развитию просвещения среди местного населения путем устройства общедоступных развлечений: спектаклей, концертов, литературно-музыкальных и танцевальных вечеров. В частности, возникший в Ардатове любительский драматический кружок ставил не только инсценировки рассказов А. П. Чехова, но и пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся», «Не в свои сани не садись», «Волки и овцы» и др.

В начале 90-х гг. композитор, музыкальный критик В. С. Серова (жена известного русского композитора А. Н. Серова) в мордовском селе Судосево Карсунского уезда создала из крестьян первую в губернии оперную труппу, которая успешно исполняла как отдельные партии из лучших русских опер, так и целые крупные произведения: «Рогнеда», «Вражья сила» А. Н. Серова и др. Труппой были поставлены написанные В. С. Серовой оперы «Ермак», «Зори над Россией», «Встрепенулись».

Талантливая крестьянская оперная труппа с успехом выступала не только в селах Карсунского уезда, но и в Симбирске, Казани, Пензе и даже в Москве и Петербурге, и всюду ее горячо встречали зрители, особенно демократически настроенная молодежь. Столичный журнал «Нева» отмечал: «Опыт г-жи Серовой делает честь не только ей самой, но и несомненно нашему народу».

Важную роль в пропаганде и развитии в Симбирске музыкальной культуры играло созданное здесь в 1890 г. музыкальное общество.

Изобразительное искусство, архитектура

Большой вклад в развитие русской живописи внес питомец Симбирской мужской гимназии И. Е. Цветков, ставший впоследствии главой Московского общества любителей художеств, действительным членом Петербургской Академии художеств. Он был основателем известной Цветковской картинной галереи, которую лично передал в дар городу Москве.

Ценнейшие произведения изобразительного искусства экспонировались в художественном отделе Акшуатского музея В. Н. Поливанова. Здесь имелись бюсты Петра I, Н. М. Языкова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, гипсовые посмертные маски А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, портреты Ивана Грозного, картины русских художников Ю. Ю. Клевера, А. Ф. Писемского, И. И. Левитана, И. Крачевского, а также живописные полотна мастеров фламандской, голландской, французской и других художественных школ.

В 1894 г. в Симбирске была организована первая выставка художественных произведений, а в 1898 г. в здании дворянского собрания разместилась художественная выставка, посвященная 250-летию основания Симбирска.

На ней были представлены портреты Степана Разина, Емельяна Пугачева, Н. М. Карамзина, Д. В. Давыдова, Н. И. Тургенева, братьев Николая и Петра Языковых и другие произведения живописи.

Особое значение для Симбирска после опустошительного пожара 1864 г. приобрела архитектура. Согласно утвержденному в 1866 г. плану предстояло осуществить огромные по масштабу градостроительные работы, которые в конечном итоге заняли многие годы и в основном завершились только к концу XIX в.

Вновь отстроенный Симбирск, значительно расширивший свои границы, главным образом в юго-западном направлении, в общем сохранил ранее сложившуюся планировку. Центром города по-прежнему оставались Соборная площадь, раскрытая в сторону Волги, и прилегающие к ней кварталы в пределах Большой Саратовской улицы и бровки волжского откоса. В этой части города были восстановлены пострадавшие от пожара и построены новые роскошные каменные особняки дворянско-чиновничьей и купеческой знати. По проектам архитекторов М. Г. Алякринского, Залесского, В. Л. Ивановского вырос ряд новых административных и общественных зданий, в том числе кадетский корпус, духовное училище, детский сиротский приют и приют для инвалидов и престарелых, уездная земская управа, ремесленное училище графа Орлова-Давыдова и др.

Архитектура этого периода переживала общий упадок. Передовые русские архитекторы, включая и симбирских, стремясь выйти из-под влияния упадочной западной архитектуры, усилили поиски нового, национального стиля. Одним из ведущих направлений этих поисков стал русский стиль так называемого археологического направления, основанный на использовании в изменившихся исторических условиях архитектурных форм и мотивов древнерусского зодчества. Характерными особенностями этого стиля являлись широкое использование фигурного красного кирпича в облицовке фасадов, сочетание симметрии и асимметрии, богатство силуэтных линий, включение в композицию фасадов форм русского зодчества XVI—XVII вв. Все это разнообразие композиционных приемов придавало зданию и статическую уравновешенность, и динамичность, и красоту.

В архитектуре таких зданий, как детский сиротский приют и приют инвалидов и престарелых, уездная зем-

ская управа, духовное училище, характерно увлечение мелкой кирпичной орнаментикой, каменными крыльцами, напоминающими крыльца XVII в., кокошниками, шатрами и другими архитектурными формами подобного рода. Особенностью здания духовного училища является также блокировка в его объеме домовой церкви с колокольней.

Однако, несмотря на значительное увеличение количества каменных зданий, Симбирск, как и раньше, оставался преимущественно деревянным. В эти годы в городе был построен ряд интересных деревянных жилых домов с прекрасной резьбой карнизов, наличников и фронтонов работы русских мастеров. Одним из примеров является дом Косолапова на бывшей Тверской улице, в котором в 1877—1878 гг. проживала семья Ульяновых.

Новые архитектурные веяния проникали и в сельскую местность. Помещичьи усадьбы в ряде сел, построенные во второй половине XIX в., отличались строгой красотой и выразительностью. Им не уступали и усадьбы именитых купцов. Так, в Кезьмине Сурского района сохранился памятник архитектуры 80—90-х гг. — бывшая усадьба купца В. Крылова, построенная по проекту гражданского инженера В. Н. Брюхатова. Состоит она из особняка, театрального здания и ряда хозяйственных построек. Главный интерес представляет особняк с пристроенными выступами входов и двухэтажной башней. Весь комплекс усадьбы выдержан в археологическом стиле с включением мотивов, заимствованных из древнерусских сооружений. Это один из примеров богатой сельской жилой застройки на территории Симбирской губернии, отражающей поиски русской национальной архитектуры конца XIX в.

Кулаки в этот период строили дома, как правило, трехкомнатные (горница — изба — сени), благоустроенные, крытые тесом или железом, со многими светлыми окнами. У крестьян преобладали двухкомнатные жилища (изба — сени), крытые соломой.

В губернии продолжалось культовое строительство. Наиболее значительное из этой категории зданий, сохранившихся до наших дней, — каменная пятиглавая церковь в селе Городище Инзенского района, которая отражает дальнейшее развитие русско-византийского архитектурного стиля конца века. Этот тип храмов является

одним из завершающих долгий путь развития культового зодчества на территории губернии.

Глава XI. ГУБЕРНИЯ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

Развитие сельского хозяйства и положение крестьянства

К началу XX в. Симбирская губерния была типичным аграрным районом России: 93,4% ее населения составляли сельские жители и лишь 6,6% — городские. Русских насчитывалось 67,97, мордвы — 12,35, чувашей — 10,45, татар — 8,76%. Подавляющая часть нерусского населения трудилась в сельском хозяйстве, испытывая острое малоземелье, поэтому национальный вопрос в губернии вставал прежде всего как крестьянский вопрос.

Аграрный характер экономики Симбирской губернии оказывал влияние на сословный состав населения. Удельный вес крестьянского сословия здесь был выше, чем в среднем по стране, а мещан, купцов — ниже.

В начале XX в. в Симбирской губернии общий фонд земельных владений составлял 3998,7 тыс. десятин. Частным владельцам принадлежало 27,3%, крестьянам надельной земли — 41,5, казне, уделу, церкви и монастырям, городам и иностранцам — 31,2%. Одной из характерных черт аграрного строя губернии являлась значительная доля в общем землевладении казны, удела и дворян.

К началу столетия в симбирской деревне ускорился процесс формирования буржуазной земельной собственности, переход ее, по словам В. И. Ленина, «от сословности к бессословности»[78]. В купле-продаже земли принимали участие представители всех сословий, причем у дворян продажа преобладала над покупками, что вело к убыли дворянского землевладения, в то время как купцы, крестьяне и мещане больше приобретали земли, чем продавали. С 1877 по 1905 г. площадь частного землевладения зажиточного крестьянства, купцов и мещан в губернии увеличилась почти в два с половиной раза. Особенно много земли было скуплено в Буинском, Сен-

гилеевском, Сызранском уездах. При этом темпы ликвидации в губернии дворянского землевладения превышали общероссийские. Быстрое формирование бессословной частной собственности на землю было показателем того, что к началу нового века в сельском хозяйстве губернии капиталистический путь развития определился уже достаточно четко. Вместе с тем в землевладении и землепользовании все еще преобладали «живые остатки крепостничества» [79], то есть сословные формы владения и пользования землей, тормозившие развитие аграрного капитализма. К 1905 г. симбирским дворянам принадлежало до 58% всей частной земли, причем самой плодородной. Кроме того, несмотря на убыль дворянского землевладения, в экономике губернии попрежнему большое значение имели крупные помещичьи латифундии (500 и более десятин). Они составляли 83,1% общего количества дворянской земли. Например, у графа Орлова-Давыдова в Сызранском и Сенгилеевском уездах имелось 79 тыс. десятин земли, у графини Толстой в Карсунском уезде — 17 тыс., у английской подданной помещицы Перси-Френч в Симбирском и Сызранском уездах — 20 тыс. и т. д. В помещичьих имениях хозяйство велось как отработочной, так и капиталистической системами. Применение отработок позволяло помещикам вести праздный, паразитический образ жизни.

Несмотря на то, что помещичье землевладение сдерживало капиталистическое развитие сельского хозяйства губернии, капитализм продолжал развиваться здесь не только вне крестьянской общины, но и внутри ее, расслаивая крестьянство на новые социальные группы: бедняков, батраков, отходников, зажиточных крестьян и кулаков. В 1905 г. около двух третей всех крестьянских дворов имели от 1 до 8 десятин земли (в среднем по 4,9 десятины), что было, безусловно, недостаточным для содержания семьи. Четвертая часть крестьянских хозяйств были безлошадными и свыше 40% хозяйств — однолошадными. Количество разоренных крестьянских дворов в общем землевладении губернии было в 2,15 раза больше, чем в среднем по стране. Хозяйств же капиталистического типа здесь насчитывалось почти в 9 раз меньше. Все это свидетельствовало о более слабом развитии капитализма в сельском хозяйстве Симбирской губернии, чем в целом по России.

Характерной была структура крестьянского населения губернии: 65% приходилось на бедноту, 25% составляли крестьяне-середняки и лишь 10% — зажиточные хозяева, кулаки. Такая структура предопределяла большую остроту классовой борьбы в деревне.

Положение основной массы крестьянства характеризовалось малоземельем, безденежьем и бесправием. Лишь один из десяти крестьян имел возможность создать относительно крепкое хозяйство, развести достаточно скота, прикупить земли. Цены на землю непрерывно росли: например, в 1903 г. десятина земли стоила почти 100 руб. — в четыре раза дороже, чем сразу после реформы 1861 г. Не случайно, что в этих условиях резко возросло значение отходничества. Только в 1904 г. на заработки из губернии ушло 95957 человек, или 13,2% общего количества трудоспособного крестьянского населения в возрасте от 16 до 60 лет. 3,3% сельских жителей постоянно работало на местных фабриках, заводах, транспорте и в помещичьих хозяйствах.

Не более 15 тыс. крестьянских дворов в губернии занимались (в основном из-за нужды) кустарными промыслами. Однако развитие их сдерживалось безденежьем: крестьянам-кустарям не на что было покупать орудия труда и сырье.

В ряде уездов губернии малоземельные крестьяне пытались увеличить свой земельный фонд путем аренды земли — главным образом у помещиков, а также у казны, удела, духовенства. Преобладала краткосрочная аренда на условиях, продиктованных землевладельцем: за отработки, исполу, из доли урожая или за деньги, а также смешанного типа. В 1904 г. количество земли, находящейся в аренде всех видов, составило 403294 десятины, или 16% от всех обрабатываемых в губернии земель.

Условия аренды из года в год ухудшались, арендные цены росли. За 40 лет — с 1864 г., когда за одну десятину крестьянин платил в среднем 3 руб., — плата за аренду земли выросла в шесть-восемь раз.

Арендная система оказывала губительное действие на развитие земледелия, истощала почву. Урожаи с арендованной земли по сравнению с владельческими землями были на 20—25% ниже даже в урожайные годы.

Таким образом, в начале XX в. основным противоречием в симбирской деревне, как и в других районах Ев-

ропейской России, было противоречие между крестьянством и помещичьим классом, обусловившее неизбежность борьбы за коренную ломку старого средневекового землевладения. Связывая эту борьбу с «безусловной экономической необходимостью»[80], В. И. Ленин писал, что ей не смогут помешать никакие силы — при условии, что вождем, гегемоном крестьянских масс выступит рабочий класс.

Развитие промышленности и положение рабочих

В конце XIX — начале XX в. Симбирская губерния представляла собой аграрно-сырьевой придаток индустриально развитых районов России. В то же время постепенное втягивание экономики губернии в систему всероссийского рынка привело к появлению здесь в этот период целого ряда отраслей промышленного производства, связанных преимущественно с переработкой сельскохозяйственной продукции. Сельское хозяйство оказывало на развитие промышленности губернии большое влияние: оно формировало структуру этой отрасли экономики, предоставляло ей сырьевую базу, определяло сезонный характер работы большинства предприятий. Особенностью симбирской промышленности, преимущественно мелкой, стала ее дислокация в деревнях и селах губернии. Заметную роль в экономике играли водный и железнодорожный транспорт.

Накануне первой русской революции в губернии действовало 7545 промышленных предприятий *, на которых было занято 24 750 рабочих. Ведущее место по объему производства и количеству рабочих занимала суконная промышленность. Из 18 суконных фабрик крупнейшими являлись Румянцевская (1500 рабочих), Языковская (1500), Гурьевская (1400), Измайловская (850), Игнатовская (680), Ишеевская (600) и Старотимошкинская (580). Развитие суконной промышленности стимулировалось заказами военного ведомства. Рынок сбыта симбирских тканей включал Поволжье и Среднюю Азию.

* Большинство из этих предприятий представляли собой мелкие и мельчайшие промышленные заведения с числом наемных рабочих от 2—3 до 10 человек.

Свыше 70 предприятий насчитывалось в пищевой промышленности губернии. На них трудилось около 3 тыс. рабочих. Важной отраслью здесь являлось мукомольное производство. Центром его считалась Сызрань.

Продолжало развиваться винокуренное производство. На рубеже XIX—XX вв. оно поглощало до 30% всего урожая картофеля в губернии. 14 предприятий и 1,5 тыс. рабочих насчитывалось в промышленности строительных материалов. Продукция кирпичных, асфальтовых, гудронных заводов шла преимущественно на местные стройки, а также в другие районы страны.

В губернии имелось 16 лесозаводов, 13 бумажных и полиграфических предприятий, 2 кожевенных предприятия, 3 металлообрабатывающих завода.

Однако основную массу местных промышленных предприятий составляли мелкие и мельчайшие. К ним относились как предприятия фабрично-заводского типа, так и полукустарные производства. Данная особенность наиболее наглядно прослеживалась в мукомольной, кожевенной, крахмало-паточной и ряде других отраслей. Например, половину общего числа всех промышленных предприятий губернии составляли водяные и ветряные мельницы.

Таким образом, в начале XX в. Симбирская губерния справедливо считалась одним из слаборазвитых в индустриальном отношении районов страны. Местная торгово-промышленная буржуазия отличалась консерватизмом, приверженностью к раннекапиталистическим формам организации производства. Наиболее распространенной формой торгово-промышленных фирм здесь являлись семейные торговые дома, которые наряду с основным имели еще и побочные производства. Например, купцам Акчуриным кроме трех суконных фабрик принадлежали лесопильный завод и 6140 десятин земли.

Особенности промышленного развития Симбирской губернии — прежде всего тесная связь промышленного производства с сельским хозяйством и преобладание мелких предприятий — определяли и особенности формирования здесь рабочего класса. Основным источником пополнения симбирского пролетариата было крестьянство, поставлявшее в первую очередь массу сезонных и сроковых рабочих, большинство из которых были связаны с деревней, имели наделы земли. В пору сенокоса и жатвы такие рабочие возвращались в деревню. В то же

время росла доля квалифицированных кадровых рабочих, потомственного пролетариата. В 1902 г. на 13 664 рабочих, занятых на 166 фабриках и заводах губернии *, приходилось 1515 подростков и 880 малолетних. Подростки и малолетние, таким образом, составляли 17,5% общей численности рабочих губернии. Почти все они были выходцами из семей фабричных и заводских рабочих.

Самым большим по численности и наиболее организованным отрядом симбирского пролетариата являлись текстильщики, связанные с крупным производством. Среди них больше всего было потомственных рабочих. Вместе с тем в этой отрасли постоянно росла доля женщин и особенно подростков. На суконных фабриках трудились преимущественно русские.

На предприятиях Симбирской губернии применялись самые тяжелые формы эксплуатации рабочих. Местные капиталисты сочетали новейшие методы получения прибавочной стоимости с раннекапиталистическими, предполагавшими полное бесправие работников и неограниченный произвол владельцев предприятий. Так, наиболее распространенной формой получения прибылей здесь являлось прямое удлинение рабочего дня. На мелких предприятиях вообще никаких ограничений рабочего дня не существовало. Несмотря на то, что заработки рабочих промышленных предприятий, как правило, были предельно низкими, капиталисты еще сокращали их в своих интересах. Особенно произвольно определялась оплата труда женщин, подростков и малолетних.

Широко практикующимся способом притеснения рабочих являлись редкие сроки выдачи заработной платы. Например, на многих суконных фабриках она выдавалась всего три раза в год. Задерживая зарплату, предприниматель, с одной стороны, получал как бы беспроцентную ссуду, а с другой — вынуждал рабочих обращаться в его же продуктовые лавки за кредитом. Цены в таких лавках были обычно на 10—20% выше рыночных. Доля зарплаты, выдаваемая рабочим через хозяйские лавки продуктами, была довольно значительной. Только в 1900 г. на 20 симбирских предприятиях продуктами было выдано более 30% всей зарплаты (в целом в промышленности страны — 5,7%).

* Имеются в виду предприятия, представившие сведения.

Подлинным бичом рабочих являлись штрафы, посредством которых предприниматели отбирали у трудящихся до 10—15% их заработка.

Характерной особенностью условий труда в промышленности Симбирской губернии было сохранение тягот, свойственных обычно ранним ступеням капитализма: производственные помещения находились в антисанитарном состоянии, станки и механизмы, как правило, не имели каких-либо предохраняющих устройств, в результате чего широкое распространение имел травматизм. Тяжелыми были и жилищные условия. Зачастую рабочие снимали углы в частных домах или оставались ночевать на предприятиях. В некоторых фабричных поселках для них строились казармы.

Невыносимые условия труда и быта вызывали среди рабочих губернии тяжкие заболевания: туберкулез, дизентерию. Медицинскую помощь оказывали преимущественно фельдшеры, врачей было мало.

В политическом отношении пролетарские массы Симбирской губернии, как и всей страны, были бесправны. «На русском рабочем классе, — отмечал В. И. Ленин,— лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа»[81]. Следствием этого становилось усиление противоречий между пролетариатом и эксплуататорскими классами.

Подъем рабочего и крестьянского движения

В начале XX в., в условиях назревания революционного кризиса в стране, симбирский пролетариат пришел в движение. В авангарде классовой борьбы выступали текстильщики и печатники. Однако первые попытки рабочих улучшить свое экономическое положение были неудачны: в 1900 г. потерпела поражение стачка рабочих Старотимошкинской суконной фабрики; бастовавшие в 1901 г. симбирские печатники добились лишь частичных уступок. Стачки на Гурьевской и Тепловской суконных фабриках, забастовки сызранских приказчиков в 1902 г. также оказались безрезультатными.

Постепенно втягивалось в борьбу за свои права и

симбирское крестьянство. Одно из крупных выступлений в Сызранском уезде в 1899 г. было подавлено силой оружия, 59 крестьян отданы под суд.

Начавшийся подъем рабочего и крестьянского движения в губернии позволил местным социал-демократам ускорить оформление своих организаций и развернуть агитационно-пропагандистскую работу. Искровская группа социал-демократов появилась в 1901 г. в Сызрани. Весной 1904 г. под влиянием решений II съезда РСДРП оформилась социал-демократическая организация в губернском центре. Основателями Симбирской группы РСДРП были В. В. Орлов (партийная кличка «Младенец младший»), В. В. Рябиков («Младенец старший») и Ю. А. Кролюницкий («Кондуктор»). Вести о разногласиях в партии между большевиками и меньшевиками не внесли раскола в среду симбирских социал-демократов.

С лета 1904 г. симбирские большевики начали выполнять ответственные поручения Центрального Комитета партии — преимущественно по пересылке в другие города нелегальной литературы, которая поступала из Бакинской подпольной типографии по железной дороге под видом «сафьянового товара». Часть литературы большевики оставляли для своей библиотеки, которая пополнилась трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, брошюрами, газетами, листовками Московского и поволжских комитетов РСДРП. Численность социал-демократов в Симбирске была в это время невелика: лишь 10—15 человек. Однако они сумели внести некоторую организованность в стачечную борьбу трудящихся. Весной 1904 г. большевики руководили стачкой портовых рабочих, осенью — типографщиков. Это сблизило рабочих с социал-демократами, усилило их тягу к идеям марксизма.

Симбирские и сызранские большевики проводили большую пропагандистскую работу по разоблачению антинародного империалистического характера русско-японской войны, начавшейся в январе 1904 г. В одной из листовок, написанной Ю. Кролюницким, говорилось: «Народу не нужна эта война, начатая против его воли... Скоро весь народ поймет, что ему нужно, и грозно подымется он против своих притеснителей и потребует: «Долой виновников войны! Да здравствует мир и народное правление!»[82]. В Сызрани были распространены социал-демократические воззвания «Ко всем солдатам»,

«К рабочим», «Правда о войне». Содержание всех этих пропагандистских документов свидетельствовало о том, что борьбу против войны местные большевики объективно связывали с революционной борьбой трудящихся против самодержавия.

Начало революции

События Кровавого воскресенья 9(22) января 1905 г. стали началом революции в России, подняв на борьбу против царизма многомиллионные массы трудящихся. Вслед за пролетариатом индустриальных центров страны на путь революционной борьбы встали рабочие и крестьяне Симбирской губернии. Большевики на местах усилили агитационно-пропагандистскую работу в массах. В январе они распространили листовки, разоблачавшие антинародную политику царизма. Так, в листовке «К рабочим города Симбирска» содержался открытый призыв к революционным действиям: «Не просить и не требовать должен рабочий народ, а взять то, что ему принадлежит по праву... Долой самодержавие! Да здравствует свобода народа!» [83].

В январе — феврале 1905 г. на ряде крупных предприятий губернии прошли митинги и забастовки рабочих. В Алатыре одна из таких забастовок стала всеобщей: в ней приняли участие рабочие железнодорожных мастерских и депо, лесопильного завода. Стачки и волнения рабочих, особенно на суконных фабриках, вызвали тревогу среди предпринимателей, поскольку оказалось под угрозой выполнение выгодных для фабрикантов военных заказов. В феврале на специальном совещании владельцы предприятий признали необходимым пойти на некоторые уступки рабочим в их экономических требованиях.

В деревне усилилось брожение крестьян, заявлявших о своем нежелании арендовать помещичью землю на кабальных условиях. Однако до весны 1905 г. их выступления были единичными, стихийными и носили мирный характер по отношению к царским властям, поскольку основная масса крестьянства еще надеялась на царскую милость в удовлетворении своих нужд и занимала выжидательную позицию.

Большое влияние на рост политической сознательно-

сти крестьянских масс в этот период оказывала большевистская агитация. Донесения уездных исправников запестрели сообщениями об обнаружении то в одном, то в другом селе противоправительственных листовок, которые издавались социал-демократическими организациями Симбирска, Сызрани, а также Казани, Самары, Нижнего Новгорода.

К лету 1905 г. социал-демократические организации Симбирской губернии численно выросли: в Симбирске до 70 человек, в Сызрани — до 50. В партию вступали передовые рабочие, крестьяне, учителя, учащиеся. Часть из них не имела достаточной теоретической подготовки. Хотя в Симбирске так и не сложилась отдельная меньшевистская организация, некоторые социал-демократы оказались в плену меньшевистских настроений. Партийное собрание, на котором обсуждалась работа III съезда РСДРП, проходило в острой полемике, однако решения съезда были полностью одобрены большинством голосов.

Летом 1905 г. в руководящее ядро Симбирской группы РСДРП вошли приехавшие в город опытные организаторы и пропагандисты, твердые ленинцы Д. И. Ульянов, З. П. Соловьев, С. И. Черномордик. С этого времени организационно-массовая работа симбирских большевиков стала особенно плодотворной. На заводах и в учебных заведениях начали действовать кружки политучебы, появились передвижные «карманные» библиотечки. Значительным событием революционного движения в Симбирске в 1905 г. стало празднование 1 Мая. Оно состоялось на окраине города, в Обрезковом саду. На митинге, организованном большевиками, выступили В. Орлов и Ю. Кролюницкий. Маевка завершилась раздачей листовок и пением революционных песен. Через два дня большевики устроили платный литературно-музыкальный вечер с участием известного поэта и писателя С. Г. Скитальца (Петрова). Вечер закончился пением «Марсельезы» и демонстрацией. Это была первая уличная демонстрация в самом городе.

На пути большевиков к рабочим и крестьянам стояли их политические противники: буржуазные либералы, окопавшиеся в земстве, и мелкобуржуазные демократы — эсеры. Отношение симбирских большевиков к эсерам соответствовало обстановке подъема революции. С одной стороны, они не отказывали эсерам в помощи при

подготовке вооруженного выступления масс, наряду с ними запасались оружием и обучались владеть им, с другой — вели с ними последовательную идейную борьбу, разоблачая попытки эсеров выдать программу социализации земли за социалистическую и отвергая их тактику аграрного терроризма, проявившуюся в призывах к поджогам и погромам помещичьих имений. В Симбирске эсеры имели свою организацию, печатали прокламации.

Первоначально крестьянство губернии верило эсерам. В эсеровской программе крестьян привлекала идея изъятия у помещиков всей земли и ее раздела между собой. Принятие III съездом РСДРП новой резолюции по аграрному вопросу с поддержкой всех требований крестьянства вплоть до конфискации помещичьей земли повсеместно укрепило идейные позиции большевиков. Под влиянием их пропаганды авторитет эсеров в массах стал слабеть.

Летом 1905 г. выжидательная позиция симбирских крестьян начала сменяться стремлением немедленно улучшить свое положение. Эти настроения в первую очередь проявились среди деревенской бедноты. Крестьянские волнения охватили значительную часть губернии.

Основными формами крестьянского движения становятся массовые отказы от аренды помещичьей земли на кабальных условиях, самовольные порубки лесов, покосы лугов, поджоги усадеб и хозяйственных построек в помещичьих имениях. Например, недовольные высокой арендной платой крестьяне Малой Кузьминки, Редкодубья, Парадеева, Знаменского Ардатовского уезда поджигали хозяйственные строения и самовольно захватывали землю в имениях князя Куракина, помещиков Бера, Беляковой, Скребневой и других крупных землевладельцев. 15 июня 1905 г. симбирский губернатор послал в помощь ардатовскому уездному исправнику карательный отряд из 75 казаков. Однако «брожение умов крестьянского населения Ардатовского уезда», как значилось в одной из сводок жандармского отделения, продолжало усиливаться[84]. Эти события отразила редактируемая В. И. Лениным большевистская газета «Пролетарий».

Летом и осенью 1905 г. крестьянское движение продолжало нарастать во всех уездах Симбирской губернии, особенно в Курмышском, Ардатовском, Карсунском и

Алатырском. Огромное влияние на него оказывала героическая борьба пролетариата индустриальных центров страны, известия о которой проникали в села и деревни Симбирской губернии.

Революционное движение в губернии в период Октябрьской политической стачки и Декабрьского вооруженного восстания

Осенью 1905 г. революция в России вступила в высшую стадию своего развития. «Октябрь и декабрь 1905 года, — отмечал В. И. Ленин, — знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции. Все источники революционной силы народа открылись еще гораздо шире, чем раньше»[85].

В октябре к начавшейся в Москве общероссийской стачке примкнули железнодорожники Симбирской губернии. С 8 по 11 октября прекратилось движение поездов на линиях Инза — Сызрань и Симбирск — Инза. Вслед за железнодорожными станциями волна забастовок охватила суконные фабрики губернии, и в первую очередь такие крупные, как Измайловскую и Екатериновскую. Прекратили работу заводы, мельницы, учреждения, учебные заведения Симбирска, а также Сызрани и других уездных городов. «Бастует Поволжье (Саратов, Симбирск, Нижний)...» — писал в то время В. И. Ленин[86].

Всероссийская политическая стачка испугала правительство. Царизм вынужден был пойти на уступки. 17 октября царь подписал Манифест, в котором народу обещались демократические свободы и созыв законодательной Государственной думы. Это было серьезным завоеванием революции. В борьбе революционных и контрреволюционных сил наступило временное равновесие.

В Симбирске Манифест 17 октября стал известен вечером того же дня. 18 октября в большом зале здания губернского земского собрания состоялся массовый митинг с участием представителей различных политических направлений. Большевики Ю. Кролюницкий, А. Георгиевский и другие, разоблачая лживость царского Манифеста, призывали собравшихся использовать завоеванные позиции для продолжения натиска на самодер-

жавие. В свою очередь либералы — земцы считали революцию законченной и превозносили дарованную правительством кущую Думу. 19 октября большой общегородской митинг и демонстрация состоялись в Сызрани.

В условиях временного равновесия борющихся сил симбирские большевики, сохраняя конспиративный аппарат, старались использовать любые легальные возможности. «Мы проникли к пекарям, приказчикам, металлистам, портным», — вспоминал В. В. Рябиков, отмечая усиление большевистского влияния на рабочих. Одновременно активизировалась работа среди солдат, в казармах которых было создано несколько кружков.

В октябре оформилась «Соединенная группа учащихся средних учебных заведений г. Симбирска», охватившая до 150 человек. Занятия в кружках, созданных при этой организации, велись под идейным руководством большевиков, в частности Д. И. Ульянова и З. П. Соловьева.

Для усиления своего влияния на демократические слои городского населения большевики Симбирска и Сызрани использовали заседания земских собраний, театральные спектакли, народные чтения, организуя попутно выступления своих ораторов, распространение нелегальных изданий.

Однако политические противники большевиков тоже активизировали свою деятельность. В Сызрани, например, заявили о себе черносотенцы, совершившие 20 октября нападение на мирную демонстрацию трудящихся. В конце 1905 г. в Симбирске была учреждена организация конституционно-демократической партии с отделениями в уездных городах губернии. В ее ряды вступали главным образом земские деятели и либеральные интеллигенты. Симбирские эсеры, стараясь укрепить свои теоретические позиции, в октябре 1905 г. вызвали к себе на помощь одного из лидеров партии социалистов-революционеров, члена ее ЦК Н. Д. Авксентьева. Однако в полемической дискуссии по аграрному вопросу его взгляды были полностью опровергнуты Д. И. Ульяновым и З. П. Соловьевым.

В октябре большевики губернии приняли участие в подготовке и проведении конференции по вопросам тактики и руководства крестьянским движением. Конференция была созвана в Казани по инициативе Восточного бюро ЦК РСДРП, состоявшего из сторонников

В. И. Ленина. В ее работе участвовало 14 делегатов от 11 партийных организаций Поволжья, в том числе С. И. Черномордик от Симбирска. Конференция поддержала резолюцию III съезда РСДРП и ленинские положения по аграрно-крестьянскому вопросу.

Для Симбирской губернии, где в этот период значительная часть крестьян еще доверяла эсерам, решения Поволжской аграрной конференции имели особенно важное значение. В селах и деревнях усилилась борьба большевиков с эсерами и кадетами за влияние на крестьянские массы, за руководство местными организациями Крестьянского союза (наиболее крупные из них возникли в Курмышском, Алатырском, Ардатовском, Сызранском уездах. Например, в Алатырском уезде в декабре 1905 г. к союзу присоединились 64 крестьянских общества, или 38% всех обществ уезда).

В декабре 1905 г. революция достигла своего наивысшего подъема. В Москве началось вооруженное восстание. В числе первых ко всеобщей политической стачке присоединились симбирские железнодорожники. Поезда встали на всех линиях, пересекавших Симбирскую губернию: Симбирск — Рузаевка, Сызрань — Инза, Алатырь — Тимирязево. На Симбирской ветке Московско-Казанской железной дороги движение прекратилось с 7 по 20 декабря, что помешало царским властям маневрировать войсками. На крупных железнодорожных станциях были избраны стачечные комитеты и представители в Центральный стачком на станции Рузаевка. В Симбирске стачечный комитет состоял из 21 человека; председательствовал в нем инженер С. С. Подзоров, по взглядам примыкавший к социал-демократам. Стачечные комитеты конфисковали в железнодорожных кассах деньги и послали их в Рузаевский комитет. Из Симбирска было отправлено 6 тыс. рублей, со станции Вешкайма — 600 рублей. В ходе стачки большевики выпустили прокламацию «Революция идет» с призывом поддержать вооруженное восстание в Москве. В проводимых ими митингах и собраниях участвовали не только железнодорожники, рабочие суконных фабрик, но и крестьяне близлежащих сел.

Под влиянием Всероссийской Октябрьской политической стачки и Декабрьского вооруженного восстания массовое крестьянское движение охватило более половины сел и деревень Симбирской губернии, приобрело

наступательный характер. Одной из его особенностей стал созыв многочисленных сельских сходов, приговоры которых отражали насущные интересы крестьянских масс. Так, в Сызранском уезде 7 ноября 1905 г. крестьяне Усолья и других окрестных сел, собравшись у дома управляющего Усольской вотчиной графа Орлова-Давыдова, заставили его подписать приговор о снижении арендной платы примерно в десять раз. 22 ноября сход в Анастасове Курмышского уезда вынес решение о разделе по едокам хлеба помещика Панова.

Под влиянием большевистской агитации, листовок ЦК партии и Симбирской группы РСДРП сельские сходы выносили приговоры и политического содержания. Они требовали созыва всенародного Учредительного собрания, высказывали недоверие Государственной думе, заявляли о необходимости немедленной ликвидации помещичьего землевладения.

В ночь на 8 сентября 1905 г. одна из большевистских листовок была распространена в селах Карсунского уезда. Крестьяне охотно читали и обсуждали ее. Вскоре в уезде начались выступления против помещиков, а в декабре здесь состоялся первый в губернии уездный крестьянский съезд.

В ноябре — декабре 1905 г. крестьянское движение в губернии достигло наиболее высокого уровня, сливаясь в ряде случаев с выступлениями рабочих. Появились первые крестьянские комитеты. Однако ростки новой, революционной власти в деревне массового распространения не получили, что было следствием недостаточной организованности крестьянского движения на данном этапе.

Недостатки крестьянской борьбы перекрывались ее огромной силой, широкой массовостью. Из уездов от земских начальников в адрес симбирского губернатора на протяжении всего 1905 г. шли тревожные вести о многочисленных «аграрных беспорядках» и неповиновении крестьян местным властям. Не случайно из 19 губерний Европейской России, охваченных крестьянским движением в 1905 г., департамент полиции в числе трех наиболее «неблагонадежных» выделил и Симбирскую. В целом за первый год революции в губернии было разгромлено полностью или частично 104 помещичьих имения и причинен ущерб на сумму свыше миллиона рублей. Особенно большие убытки понесли помещики Кур-

мышского, Алатырского, Ардатовского и Карсунского уездов.

4 декабря 1905 г. симбирские помещики созвали чрезвычайное губернское дворянское собрание, решения которого ярко продемонстрировали узкосословный подход дворянства к решению аграрного вопроса. Не помышляя об уступках крестьянам, участники собрания просили губернатора запретить сельские сходы и требовали ужесточения репрессивных мер по отношению к крестьянским массам.

Вскоре в губернии появились карательные отряды, приступившие к расправе над крестьянским населением. Репрессии властей хотя и усложнили борьбу трудящихся масс, остановить ее не смогли.

В период спада революции

С подавлением Декабрьского вооруженного восстания революция постепенно пошла на спад. Но и на втором ее этапе силы трудящихся масс еще не были сломлены. В стране сохранились как объективная революционная обстановка, так и революционное настроение народных масс, их готовность продолжать борьбу.

Данная тенденция прослеживалась и в Симбирской губернии, где в 1906—1907 гг. наблюдались и временные решительные атаки революционных сил, и их отступление под градом жесточайших репрессивных мер реакции. Во главе революционной борьбы стояли большевики. В 1906 г. Симбирская организация РСДРП насчитывала в своих рядах до 400 членов. Она располагала подпольной типографией и библиотекой, а также значительным опытом организационной работы, накопленным на первом этапе развития революции. В 1906 г. через ЦК партии местные большевики получили печатную машину — «бостонку», что позволило увеличить тиражи прокламаций одного названия с 3 до 10 тыс. экземпляров.

Окрепла организационно и Сызранская группа РСДРП, в которой с марта 1906 г. начал работать сосланный за революционную деятельность в этот уездный городок под гласный надзор полиции М. Т. Елизаров, друг и соратник В. И. Ленина.

Главное место в своей деятельности большевики отво-

дили политическому воспитанию масс, борьбе с различными буржуазными и мелкобуржуазными партиями, которые так или иначе стремились ослабить накал классовой борьбы в губернии. Например, в самом начале 1906 г. большевики Симбирска выступили с разоблачением классовой сущности партии «Союз 17 октября». Решительную борьбу они вели с местными кадетскими организациями, возникшими с конца 1905 г. почти во всех уездных городах. Партия кадетов имела в губернском центре свой печатный орган — газету «Симбирские вести».

В 1906 г. большевики продолжали отвоевывать трудящиеся массы и из-под влияния эсеров, часто блокировавшихся с кадетами. Как вспоминал В. В. Рябиков, к началу периода реакции эсеры «были сбиты со всех позиций, на митингах их уже не слушали». 21 сентября 1906 г. социалисты-революционеры совершили покушение на губернатора Старынкевича. Бомбой, брошенной студентом Зефировым, он был смертельно ранен и вскоре скончался. Убийство губернатора, писал В. В. Рябиков, стало «лебединой песней этой организации. После этого эсеры исчезли с горизонта политической жизни Симбирска, в то время когда большевики перестроились и продолжали свою работу по сплочению сил для новой борьбы» [87]. Большое место в их агитационно-пропагандистской деятельности на протяжении января — апреля 1906 г. заняли вопросы думской тактики большевистской партии. Руководствуясь решениями Таммерфорсской конференции, состоявшейся в декабре 1905 г., Симбирская организация РСДРП решительно бойкотировала I Государственную думу.

27 апреля, в день, когда в Петербурге начались заседания I Государственной думы, в Симбирске на Новом Венце состоялся многолюдный митинг. Он проходил под большевистскими лозунгами дальнейшего усиления борьбы с самодержавием. Выступления ораторов сменялись пением «Марсельезы» и «Варшавянки». Митинг был разогнан полицией, но вскоре его участники собрались снова и направились к городской тюрьме, возле которой запели «Вы жертвою пали». В ответ раздалась «Марсельеза». В это время в ряды безоружных людей на полном скаку врезались отряды конной полиции, к которым присоединилась бесчинствующая толпа лавочников, мясников, лабазников. Демонстрантов жестоко из-

бивали, топтали лошадьми. Когда об этом событии узнал В. И. Ленин, он отнес его к числу «наиболее выдающихся случаев погромов», организованных черносотенцами и полицией [88].

Политическими стачками, многолюдными митингами и демонстрациями отметил пролетариат Симбирской губернии день международной солидарности рабочих — 1 Мая.

Особенно ярко революционная настроенность рабочих Симбирской губернии проявилась в забастовочном движении летом 1906 г. Волна забастовок охватила Подьячевскую, Игнатовскую, Старотимошкинскую суконные фабрики. Бастовали ремонтные бригады сызранских железнодорожных мастерских. Почти все эти выступления закончились полным или частичным удовлетворением требований рабочих.

Наиболее упорный и напряженный характер имели выступления рабочих Гурьевского фабричного района Карсунского уезда. Революционную борьбу текстильщиков здесь возглавил «Союз рабочих депутатов», созданный летом 1906 г. из числа передовых рабочих Румянцевской, Гурьевской, Измайловской и Базарно-Сызганской суконных фабрик.

В июле на одном из митингов, где выступали приехавшие и местные ораторы-большевики, было принято решение о вооружении текстильщиков. Одна из первых боевых дружин фабричного района появилась в августе 1906 г. на Измайловской суконной фабрике. Поводом к массовому выступлению рабочих послужило решение симбирского губернатора арестовать крестьянина села Русская Хомутерь П. Ф. Матвеева, являвшегося депутатом распущенной в июле 1906 г. I Государственной думы. Чтобы не допустить его ареста, рабочие суконных фабрик 16 августа объявили забастовку, а в Базарный Сызган, где находился тогда Матвеев, направили своих представителей. Для подавления забастовки, в которой приняло участие почти 5 тыс. рабочих, в Карсунский уезд из разных районов губернии были стянуты регулярные войска и полиция. Рабочие оказывали им мужественное сопротивление, применяя и оружие. Только 6 сентября, заняв фабричные здания, воинские подразделения, насчитывавшие до тысячи солдат и офицеров, подавили революционное выступление.

В целом только в 1906 г. по сравнению с предыду-

щим годом число бастующих в Симбирской губернии увеличилось более чем в три раза.

Одним из результатов как организационной, так и агитационно-пропагандистской деятельности симбирских большевиков стало рождение в ходе революции 1905—1907 гг. рабочих профессиональных союзов. В числе первых в июне — июле 1906 г. образовались союзы типографских рабочих, деревообделочников, рабочих пекарно-кондитерского производства и служащих торгово-промышленных предприятий. Их местные органы возглавили большевики М. М. Егоров, М. А. Гимов, Н. П. Брюханов.

Осенью 1906 г. положение дел в Симбирской партийной организации резко осложнилось из-за провала большевистской конспиративной квартиры. 11 сентября В. В. Рябиков был арестован, но ему удалось бежать и своевременно предупредить других членов местного комитета РСДРП. Опасность неминуемых арестов заставила руководителей организации В. В. Орлова, В. В. Рябикова и Ю. А. Кролюницкого срочно выехать за пределы губернии. Несколько раньше покинули город Д. И. Ульянов и З. П. Соловьев. Руководство организацией приняли на себя оставшиеся в Симбирске большевики П. Д. Винокуров, М. И. Кузьмин, М. А. Гимов, а также прибывший в город накануне провала конспиративной квартиры профессиональный революционер, впоследствии видный партийный деятель, уроженец Симбирска Н. П. Брюханов.

В обстановке спада революции большевистская партия сняла лозунг бойкота Думы, и избирательная кампания во II Государственную думу стала ответственным этапом в массово-политической и организационной работе большевиков Симбирской губернии. Руководствуясь ленинскими установками, они повели борьбу за создание в ходе выборов «левого блока», допуская избирательные соглашения с народническими партиями, в частности с трудовиками, и решительно отвергая блок с кадетами, на котором настаивали местные меньшевики. Обращаясь к рабочим и всем трудящимся, большевики губернии последовательно агитировали за кандидатов РСДРП.

Несмотря на противодействие меньшевиков и колебания эсеров, «левоблокистская» тактика, проводимая большевиками, победила: во II Государственную думу от

Симбирской губернии было избрано три социал-демократа и три трудовика.

Идейное влияние на трудящиеся массы, и прежде всего рабочий класс, Симбирская партийная организация стремилась оказать и через свой легальный орган — газету «Наши дни», первый номер которой вышел 11 марта 1907 г. Ее редактором стал Н. П. Брюханов.

Важную роль в идейном и организационном укреплении местных большевистских организаций сыграла подготовка к V съезду РСДРП. Симбирская партийная организация активно поддержала проекты большевистских резолюций готовящегося съезда. В марте 1907 г. при выборе делегата на съезд она большинством голосов отклонила кандидатуру меньшевика Г. А. Рождественского и проголосовала за большевика Н. П. Брюханова. По возвращении со съезда в конце мая 1907 г. Брюханов выступил на общегородском партийном собрании, единодушно одобрившем решения V съезда РСДРП. На этом же собрании был избран комитет Симбирской организации РСДРП, насчитывавшей в то время более 300 членов.

Непосредственным откликом на агитацию большевиков явилось массовое участие трудящихся Симбирска в праздновании 1 Мая 1907 г. В Сызрани этот день был отмечен однодневной забастовкой пекарей.

Наиболее значительным пролетарским выступлением в Симбирске весной 1907 г. стала забастовка типографских рабочих, длившаяся месяц. Тогда же произошли выступления текстильщиков на Языковской и Самайкинской суконных фабриках. 21 мая в Сызрани бастовали рабочие строительных профессий: каменщики, маляры, штукатуры. Однако это были последние, или, по определению В. И. Ленина, «арьергардные», бои местного пролетариата в ходе первой русской революции.

Крестьянское движение в 1906—1907 гг.

На втором этапе революции наряду с рабочим классом в освободительной борьбе продолжало участвовать и крестьянство. Так, в январе 1906 г. происходили крестьянские волнения в Сызранском уезде. На их подавление в села Каранино и Барковка было направлено до 50 вооруженных казаков.

В феврале отказались повиноваться волостному начальству и полиции крестьяне Большого Нагаткина Симбирского уезда во главе с М. Дикаревым. Волнения приобрели здесь особенно упорный и организованный характер. Вслед за отрядом полицейских в село прибыла карательная экспедиция. Волнения были подавлены, а их организаторы отправлены в губернскую тюрьму. Однако спокойствие в Б. Нагаткине оказалось непродолжительным. Вскоре здесь состоялся большой крестьянский сход, постановивший направить в Государственную думу телеграмму. Описав в ней произвол, творимый в селе карателями, нагаткинцы просили депутатов Думы поддержать их требование немедленного освобождения из тюрьмы арестованных и отозвания из села казаков. Ознакомившись с телеграммой, депутаты левых фракций I Государственной думы направили министру внутренних дел Дурново соответствующий запрос, благодаря которому события в Нагаткине приобрели немалую известность за пределами губернии. Министр был вынужден согласиться не с симбирским губернатором, настаивавшим на суровом наказании крестьян, а с требованиями последних. Все восемь арестованных нагаткинцев были освобождены из тюрьмы.

В этот период в борьбу за землю все активнее вступали и крестьяне нерусских национальностей, проживавшие на территории губернии.

Весной и летом 1906 г. крестьянские волнения в Симбирской губернии продолжали нарастать. Мужики захватывали и делили между собой помещичью землю, покосы, увозили с токов зерно, забирали урожай, вызревавший в помещичьих садах, громили и поджигали имения. В этой обстановке члены Симбирской организации РСДРП видели одну из своих задач в том, чтобы стихийный протест крестьянских масс, выливавшийся в аграрный терроризм, направить в русло организованной классовой борьбы, на создание крестьянских комитетов, способных на практике осуществить раздел земли между крестьянами. Один из таких комитетов летом 1906 г. был образован на массовом митинге в Барышской Слободе. Он призывал крестьян отказываться от уплаты податей помещику, уклоняться от службы в царской армии.

Летом 1906 г. Симбирская организация РСДРП имела свои постоянные явки почти в 40 селах губернии, ее агитаторы выезжали во многие уездные города и села,

где вели агитационно-пропагандистскую работу среди крестьянства. Революционизирующее воздействие большевистской пропаганды на крестьянские массы не раз отмечали сами помещики. Например, осенью 1906 г. в письме на имя премьер-министра Столыпина дворянство Симбирского уезда жаловалось на то, что в имениях уже «давно свила себе гнездо революционная пропаганда».

Характерной особенностью волнений в деревне весной и летом 1906 г. стали участившиеся случаи столкновений крестьян с отрядами полиции и войсками. Так, в апреле дополнительные боевые резервы потребовались властям для подавления «тысячного населения села Труслейки» Карсунского уезда. В мае вооруженное сопротивление полицейскому отряду оказали крестьяне села Напольного Алатырского уезда. В июне столкновения крестьян с отрядами полиции и казачьими частями имели место в волостях Симбирского и Ардатовского уездов.

В целом летом 1906 г. крестьянское движение в губернии охватило до 70% всех сел и деревень. Его подъем в значительной мере был вызван надвигающимся голодом из-за засухи и неурожая в Поволжье. Правительство и местные власти вместо оказания помощи крестьянам лишь усиливали против них репрессивные меры.

Чтобы улучшить руководство крестьянским движением, Симбирская организация РСДРП в августе 1906 г. выступила одним из инициаторов созыва Поволжской конференции аграрных работников партии. Несмотря на то, что о проведении конференции узнал департамент полиции, агентам охранки так и не удалось обнаружить место ее работы. Конференция состоялась 2 сентября в Самаре. Она призвала местные партийные организации и дальше расширять крестьянское движение, согласовывая выступления крестьян с выступлениями рабочих, связывая их экономические интересы с политическими задачами момента; учредила Поволжское бюро по работе среди крестьян. В состав бюро вошел представитель и Симбирской организации РСДРП.

С осени 1906 г. крестьянское движение пошло на убыль: сказывались жестокие репрессии властей. Отступало оно довольно медленно. В 1905 г. в губернии было зафиксировано 432 крестьянских выступления, в 1906 г. — 307, в 1907 г. — более 100. Затяжной характер борьбы крестьянских масс губернии объяснялся прежде всего

остротой аграрных противоречий в этом районе Среднего Поволжья — массовым малоземельем крестьян, их полным политическим бесправием, тяжелыми условиями жизни и т. д.

22 апреля 1907 г. вся Симбирская губерния указом правительствующего сената была объявлена на положении усиленной военной охраны. Но и после этого новый губернатор Дубасов, учитывая медленные темпы отступления крестьянского движения, а также страх помещиков перед опасностью новых волнений, вынужден был в мае и июне 1907 г. обращаться в штаб Казанского военного округа с просьбами усилить военное присутствие в сельских районах губернии.

Под руководством большевистских организаций рабочий класс и крестьянские массы приобрели в ходе революции 1905—1907 гг. тот необходимый опыт классовой борьбы, без которого победа рабочих и крестьян в феврале и октябре 1917 г. была бы, по словам В. И. Ленина, невозможной.

Глава XII. ГУБЕРНИЯ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1907—1914 гг.)

Наступление реакции

После поражения революции в стране наступил период политической реакции. Начало этому периоду положил государственный переворот 3 июня 1905 г., когда царское правительство разогнало II Государственную думу и издало новый избирательный закон уже без ее участия, нарушив тем самым Манифест 17 октября. Глава контрреволюционного правительства Столыпин, преследуя целью стереть в народной памяти 1905 год, стал инициатором и вдохновителем жесточайших репрессий против трудящихся масс. Тысячи рабочих и крестьян были расстреляны по приговорам военно-полевых судов и карательными экспедициями безо всякого суда. Характеризуя обстановку в стране, В. И. Ленин писал: «Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь вос-

пользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»[89].

В Симбирской губернии массовые аресты членов социал-демократических организаций начались уже в ночь со 2 на 3 июня. Только в Сызрани было арестовано 24 человека. Избежавшие ареста партийные работники вынуждены были скрываться, срочно выезжать за пределы губернии. Накануне этих событий из-за усиленной слежки агентов местной охранки покинул Симбирск, перебравшись в Уфу, Н. П. Брюханов. С 1907 по 1910 г. Симбирский комитет РСДРП не менее семи раз подвергался полицейским погромам. Многие его члены, активисты революционного движения, были арестованы и сосланы в Сибирь. Численность Симбирской организации РСДРП в середине 1910 г. не превышала 30 человек. Полному разгрому подверглись большевистские организации в Алатырском и Курмышском уездах.

Жертвами репрессий стали также рабочие и крестьяне губернии. В 1907—1909 гг. по решению Симбирского военно-окружного суда за противоправительственную деятельность в губернии было казнено 20 человек; 556 человек были высланы за пределы губернии, сотни людей томились в тюрьмах.

Крестьяне восприняли репрессивные меры правительства как «новый поход» на деревню, «самый жестокий и беспощадный»[90]. Рассказывая о расправах над сельским населением губернии, крестьянин И. Павлов в корреспонденции «О высылке», опубликованной в газете «Волжские вести», перечислил наиболее распространенные средства, с помощью которых местные власти осуществляли свои карательные акции: «Нагайка... убивает тело, но жив остается дух, стремящийся от рабства к свободе, от лжи и обмана — к справедливости. Второе средство — тюрьма, но она уже не в силах больше вмещать в свою мрачную утробу невольных посетителей... Третье средство — административная высылка, она не требует никакого суда, она свободна и безгранична, как свободны и безграничны мрачные дикие степи Туруханa, Якутки и Нарыма». Не случайно, что это средство использовалось особенно широко: «По одному подозрению жены и дети лишаются своих последних кормильцев и оставляются на голод и скитание, а последнее хозяйство окончательно расстраивается и погибает»[91]. В целом в различных звеньях местного судопроизводства, от

земского начальника до губернского присутствия, осело почти 170 тыс. дел, заведенных на участников аграрного движения 1905—1906 гг.

20 октября 1907 г. симбирский губернатор издал постановление, направленное на дальнейшее усиление политического произвола в деревне. Крестьяне лишались права проведения сельских сходов без специального на то разрешения земского начальника или полицейских чинов, не могли смещать неугодных им лиц с должностей крестьянского общественного самоуправления. Запрещалась всякая прогрессивная деятельность — даже в тех организациях, которые в годы революции были разрешены царским правительством. В 1907 г. прекратила свое существование «Соединенная группа учащихся средних учебных заведений г. Симбирска».

С особой жестокостью местные власти расправлялись с организациями рабочего класса. В годы реакции в губернии прекратили свою деятельность профессиональные союзы. Первый полицейский налет на профсоюзы был произведен в начале мая 1907 г., второй — осенью того же года. Около 20 руководителей профсоюзного движения, в том числе М. А. Гимов — член Симбирского комитета РСДРП, оказались в тюрьме. Многие из них затем были сосланы в Вологодскую губернию.

Из-за полицейских преследований в Симбирской губернии прекратилась деятельность различных просветительских обществ, народных чтений. Повсеместно запрещались сходки и собрания рабочих. На отдельных предприятиях был отменен даже перерыв на завтрак, чтобы рабочие вообще не имели возможности общаться.

Распространенным явлением стали массовые увольнения рабочих, причем без предварительного уведомления их об этом. Десятки человек были уволены с Гурьевской, Румянцевской и других суконных фабрик. Многие рабочие по произволу властей и предпринимателей заносились в «черные списки». За ними устанавливалась слежка. Тяжелое положение пролетариата усугублялось экономическим наступлением фабрикантов и заводчиков, стремившихся во что бы то ни стало свести на нет скромные завоевания рабочих в области труда и заработной платы. Всеми этими мерами капиталисты рассчитывали навсегда покончить с рабочим движением, предотвратить возможность новых революционных выступлений.

Новая аграрная политика царизма

Первая российская революция показала, что основная масса крестьянства решительно борется за полную ликвидацию помещичьего землевладения. В этой связи царизм лихорадочно искал пути разрядки напряжения в деревне, стремясь защитить классовые интересы помещиков, оградить их от народного гнева. Вынужденное содействовать капиталистической эволюции деревни, правительство противопоставило буржуазно-крестьянскому, или «американскому», пути развития аграрного капитализма, наметившемуся в стране, путь «прусский», то есть буржуазно-помещичий. Его выражением явилась столыпинская аграрная реформа. Центральным пунктом реформы стал указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший каждому крестьянину выйти из общины и укрепить свой надел земли в личную собственность. Одновременно была усилена деятельность Крестьянского поземельного банка по созданию хуторских и отрубных хозяйств, а также организовано переселение крестьян на окраины страны. Закрепил новую политику царизма в отношении крестьянской общины закон от 14 июня 1910 г.

Столыпинская аграрная реформа оставляла нетронутым основное препятствие в развитии производительных сил сельского хозяйства — землевладение помещиков, продолжавших использовать отработочную систему и кабальные формы эксплуатации крестьян. В то же время лучшие общинные земли она отдавала на разграбление кулачеству с целью создания в его лице прочной опоры самодержавия в деревне. Таким образом, с помощью реформы царизм совершил крутой поворот в своей аграрной политике: от поддержки общины он переходил к ее форсированному разрушению, стремясь осуществить собственные цели за счет экспроприации крестьянских масс.

Осуществление аграрной реформы возлагалось на губернские и уездные землеустроительные комиссии. Результаты землеустроительных работ в каждом конкретном районе зависели от степени развития капитализма, уровня разложения общины, остроты классовых противоречий.

В Симбирской губернии новая аграрная политика царизма реализовывалась крайне медленно. Крестьяне встретили столыпинское законодательство с недоверием

и недовольством. Ярким проявлением их отрицательного отношения к реформе явились бойкоты выборов в землеустроительные комиссии на 27% всех волостных сходов. Широкие массы сталкивались на практике с тем, что самую лучшую землю получала зажиточная часть крестьянства, что закон покровительствует прежде всего тому, у кого к моменту выдела сосредоточилось больше земли. Народ понимал, что новое землеустройство выгодно лишь богатым хозяевам, кулакам, имевшим много земли, скота, сельхозинвентаря, а разоренным крестьянам оно несет только очередные тяготы. Поэтому в большинстве случаев выход из общины ее членов проходил не по их воле, а по указаниям земских начальников.

Первоначально заинтересованность в новом аграрном законодательстве проявили полюсные социальные группы симбирского крестьянства — кулачество и бедняки. Первая группа в 1910 г. составляла 50% общего числа крестьян, укрепивших землю в собственность, вторая — 33%, середняки — всего 17%. Однако мотивы выхода из общины у кулаков и бедняков были различны: первые стремились к дальнейшему расширению своих хозяйств, целью вторых была продажа земли. В том и в другом случае земля превращалась в товар, что способствовало развитию капитализма в деревне. В. И. Ленин писал: «Открыт клапан и выпущен несколько пар — тем, что часть совершенно обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев, — далее, тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отрубах, поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде»[92].

За 1907—1916 гг. в Симбирской губернии вышли из общины 20,8% крестьянских хозяйств, которые из общего количества надельной земли укрепили в личную собственность 17,9%. Эти довольно скромные результаты реформы свидетельствовали о том, что она не сняла с повестки дня аграрный вопрос. Более того, аграрные противоречия здесь даже усилились, поскольку капитализму, сделавшему некоторый шаг вперед, оказалось еще труднее уживаться с помещичьим землевладением.

На 1 января 1916 г. в Симбирской губернии насчитывалось 31 326 хуторов и отрубов площадью в 335 180 десятин, что составляло лишь 11% общего числа кресть-

янских дворов и 8% всей удобной земли. Количество хуторских и отрубных хозяйств в губернии немногим превышало среднероссийский показатель — 10,6%.

Среди хуторян и отрубников имелись не только зажиточные, но и маломощные крестьяне, надеявшиеся путем выхода из общины улучшить свое экономическое положение. Однако такие крестьяне, как правило, быстро разорялись и продавали свои наделы. Продажа ими земли из года в год возрастала. Так, если до 1906 г. было продано всего 622 надела, то с 1906 по 1912 г. — почти 12 тыс., или 21,2% общего числа наделов, укрепленных в частную собственность.

Продаваемые участки в большинстве своем были карликовыми, не превышали 5 десятин (причем если в целом по стране подобные мизерные наделы составляли 52,8%, то в Симбирской губернии — 81%). Разорившиеся крестьяне от продажи земли практически мало что выигрывали, поскольку она в большинстве случаев была низкого качества и оценивалась дешево. Например, в 1913 г. средняя цена надельной земли составляла 67 руб., в 1914 г. — 71 руб. за десятину, что было примерно в два раза дешевле стоимости помещичьей земли. И тем не менее крестьяне, полностью ликвидировавшие свое хозяйство, составляли в 1912 г. 78,7% общего числа продавцов наделов. Причина этого объективно указывалась в одном из земских отчетов: «...владение ничтожным клочком земли не может предоставить сколько-нибудь сносного обеспечения даже самой небольшой крестьянской семье, а потому ликвидация такой призрачной «земельной собственности» становится неизбежной и вполне естественной»[93].

Продаваемая земля сосредоточивалась, как правило, в руках наиболее зажиточной части крестьянства. Более половины купленной земли сельские богатеи сдавали в аренду малоземельным крестьянам по цене обычно в два-три раза большей, чем в среднем по губернии, и даже за натуральные повинности.

Особенностью развития крестьянского надельного землевладения во время проведения столыпинской аграрной реформы было усиление процесса классового разложения крестьянства, его «раскрестьянивание». Земля в деревне распределялась крайне неравномерно. Десятая часть хозяйств губернии была несеющей.

Материальное положение широких крестьянских масс

ухудшалось и вследствие уменьшения количества рабочего и продуктивного скота из-за отсутствия кормов. Только за пятилетие (1905—1910 гг.) число безлошадных дворов в губернии увеличилось с 24,4 до 34,4%, а поголовье продуктивного скота сократилось на 8,5%. В итоге непрерывно росло отходничество. 70% частновладельческих хозяйств губернии имели постоянных батраков. В симбирской деревне росло число так называемых «отсутствующих дворов», владельцы которых лишь юридически считались крестьянами, а фактически уже порвали с сельским хозяйством. В 1911—1912 гг. таких дворов в губернии насчитывалось 12,1%.

Таким образом, в результате проведения столыпинской аграрной реформы положение основной массы крестьян в Симбирской губернии не только не изменилось в лучшую сторону, но даже ухудшилось, потому что реформа не ликвидировала малоземелья, отработков, кабальных форм эксплуатации крестьян помещиками и кулаками.

Хотя реформа не привела к окончательной победе аграрного капитализма в губернии, она углубила процесс его развития. Земля все больше втягивалась в торговый оборот, возросли темпы образования буржуазной собственности на нее при одновременном сокращении дворянского землевладения. Так, с 1905 по 1911 г. помещики губернии потеряли почти пятую часть своей земли, которая перешла главным образом в руки зажиточных крестьян, купцов и мещан. Особенно быстро росло частное землевладение зажиточных крестьян — кулаков. В то же время в губернии еще сохранялись в значительных размерах сословные формы владения землей: сотни тысяч десятин земли были сосредоточены в руках крестьянских общин, казны и удела, церкви и монастырей, дворян.

Мощным орудием осуществления столыпинской аграрной реформы стал Крестьянский поземельный банк. В рассматриваемый период банк из кредитного учреждения практически превратился в землеустроительное: он покупал землю у помещиков и продавал ее преимущественно тем крестьянам, которые создавали хуторские и отрубные хозяйства. Тем самым финансовые операции банка способствовали разрушению общин и насаждению кулацких хозяйств. С 1907 по 1913 г. Симбирским отделением Крестьянского поземельного банка было приобре-

тено четыре удельных и 137 помещичьих имений общей площадью в 290 307 десятин. Особенно много предложений от симбирских дворян поступило банку в годы революции, когда резко сократился спрос на покупку помещичьей земли со стороны крестьян, надеявшихся получить ее бесплатно. Во время революции банк фактически являлся монопольным покупателем помещичьих владений и в интересах помещиков приобретал у них землю по ценам, которые были значительно выше рыночных. Такую же линию он проводил и после революции. Так, в 1912 г. Симбирское отделение банка платило помещикам в среднем по 125 р. 97 к. за десятину, в то время как средняя рыночная цена на землю в губернии составляла 98 р. 77 к. Скупка банком помещичьих имений по высоким ценам порождала рост земельных цен по всей губернии, что сдерживало рост сельской буржуазии. В этом проявлялась консервативная сторона Крестьянского банка. Противоречивый характер его деятельности был обусловлен тем, что через него царизм пытался одновременно поддерживать и помещиков, и кулаков, интересы которых в финансовом вопросе не совпадали.

Денежная или семенная ссуда выдавалась банком только под залог приобретаемой земли и выплачивалась покупателями частями с процентами дважды в год — весной и осенью. Если клиент своевременно не вносил соответствующие взносы, то банк лишал его полученной земли. Подобные акции — в частности, Симбирского отделения банка — получили отражение на страницах большевистской газеты «Правда». В феврале 1913 г. она писала, что в Симбирской губернии к продаже назначено около 20 тыс. десятин земли, находящейся во владении 19 товариществ, 14 крестьянских обществ и 371 частного лица. «Многие, — отмечала газета, — провладели землей по 5 лет, внесли много платежей, а теперь все это прахом идет: и денег нет, и землю отобрали...» [94].

Классовый смысл банковской политики самодержавия вскрыл В. И. Ленин. «...Всеми этими кредитами, улучшениями, банками и т. п. «прогрессами», — писал он, — в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии» [95].

Важное место в аграрной реформе Столыпина отводилось переселению крестьян на окраины страны. Этим царское правительство надеялось разредить земельную тесноту, притупить аграрные противоречия в центре России и «*сбыть*, — как отмечал В. И. Ленин, — *побольше беспокойных* крестьян в Сибирь»[96], одновременно усиливая там русификаторскую политику.

Процесс переселения крестьян из Симбирской губернии, где нехватка земли была особенно острой, проходил неравномерно. В 1906 г. число переселенцев обоего пола здесь едва превысило 640 человек. Однако в связи с появившейся у крестьян возможностью продавать свои земельные участки оно начало возрастать и в 1909 г. достигло 4269 человек. Неурожай 1911 г. в Поволжье привел, как и предвидел В. И. Ленин, анализировавший динамику переселений по стране[97], к новому увеличению числа переселенцев из Симбирской губернии: в 1912 г. ее покинуло 4760 крестьян, в 1913 г. — 4891 человек. Больше всего переселенцев дали Ардатовский, Буинский, Алатырский и Сенгилеевский уезды. Уезжали крестьяне преимущественно в Томскую и Енисейскую губернии, в Забайкалье и Казахстан.

Однако результаты переселения крестьян не оправдали ожиданий царских законодателей. Не имея достаточных средств, основная масса переселенцев, представленная, как правило, беднейшим крестьянством, не смогла обзавестись хозяйством на новом месте. Ярким проявлением краха переселенческой политики царизма стало массовое возвращение крестьян на родину. В целом по стране в 1906—1914 гг. назад возвратилось 17,4% всех переселенцев. По Симбирской губернии их насчитывалось более 8 тыс., или около 22% от общего числа выехавших. Имевшие прежде некоторое имущество, обратные переселенцы становились пролетариями. Осевшие на новых местах выходцы из Симбирской губернии составили не более 3% ее крестьянского населения.

Притупить остроту земельного кризиса, ослабить борьбу крестьянских масс за землю царизм не сумел. Объясняя социальные последствия переселенческой политики, В. И. Ленин писал: «...думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости... только переворот в Европейской России, только полное устранение в ней остатков крепостничества, избавление крестьян

от средневековых латифундий в состоянии *действительно* открыть новую эру колонизации»[98].

Таким образом, проводившаяся царизмом политика аграрного бонапартизма, то есть лавирования между интересами помещиков и кулачества, не увенчалась успехом. Столыпинская реформа потерпела крах. Без экспроприации крупного помещичьего землевладения решение аграрно-крестьянского вопроса было невозможно. Крестьяне не приняли реформы, поскольку она не реализовала их надежд на ликвидацию малоземелья. Основная масса крестьян, выселившихся на хутора и отруба, разорилась. Оставшихся крепких кулацких хозяйств в целом в губернии было сравнительно немного, но они резко противопоставили себя прочим хозяйствам. В силу этих обстоятельств в симбирской деревне, как и всюду по стране, наряду с первой социальной войной крестьян против помещиков стала вызревать вторая социальная война — против кулаков, хуторян и отрубников, начали складываться предпосылки для новой аграрной революции.

Состояние промышленности и положение рабочих в 1907—1914 гг.

Накануне первой мировой войны на экономическое развитие Симбирской губернии стали оказывать влияние российские монополии. Усилилась зависимость местной промышленности от общего состояния экономики страны, особенно в области топливной энергетики, транспорта, банковском деле. В Симбирске и Сызрани действовали отделения Государственного и столичных акционерных банков. Развитие коммерческого кредита стимулировало рост ряда отраслей промышленности, в частности мукомольной и суконной. Проникновение в губернию русских монополий «Продамет», «Т-во бр. Нобель», «Зингер» и др. усилилось с началом нового промышленного подъема в стране после 1909 г. Овладев местным рынком, монополии начали наступление на потребителя посредством повышения цен на металл, нефть, уголь, сельхозмашины и орудия. Например, только при покупке кос население губернии переплачивало около 200 тыс. руб. ежегодно. В 1911—1912 гг. синдикат «Т-во бр. Нобель» начал повышать цены на нефтепродукты, что вынуждало

многих местных промышленников переходить на использование каменного угля. Но вскоре и на уголь цены стали повышаться. Первыми почувствовали угольный голод мелкие предприятия: кузницы, металлообрабатывающие мастерские, кирпичные заводы. Давая оценку влиянию монополий на хозяйственную жизнь страны, В. И. Ленин писал: «...вместо широкого, свободного, быстрого развития капитализма мы видим застой и гниение»[99].

В этот период Симбирская губерния оставалась слаборазвитым в индустриальном отношении районом, хотя в некоторых отраслях местной промышленности, в частности в мукомольной и суконной, повысился технический уровень производства, ускорился процесс его концентрации. В 1913 г. в губернии насчитывалось 6729 промышленных предприятий, выпускавших продукции на 24,8 млн. руб., из них 383 средних и крупных, производящих товаров в среднем на 62 тыс. руб. каждое, и 6346 мелких, со средней годовой производительностью 166 руб.

С конца XIX в. до начала первой мировой войны объем промышленного производства в губернии увеличился в 2,5 раза. Тем не менее общая стоимость местной промышленной продукции составляла не более 30% стоимости продукции сельского хозяйства и лишь немногим превышала стоимость продукции кустарных промыслов. На душу населения в Симбирской губернии производилось промышленных товаров лишь на 16 руб., в то время как в Московской — на 312 руб. Губерния отличалась неравномерностью размещения производительных сил. Большая часть фабрик, заводов, мельниц находилась здесь преимущественно в селах и деревнях.

В период империализма в промышленности губернии произошли некоторые изменения. Ведущее положение по объему производства заняло мукомолье, обогнав суконные предприятия. В 1913 г. на 3320 мельницах трудилось 4716 рабочих (18,3% общего количества рабочих губернии); на отрасль приходилось 36,3% промышленной продукции губернии.

В мукомолье наблюдалась концентрация производства на крупных паровых мельницах, выпускавших муку высших сортов преимущественно для городского населения. Эти мельницы перерабатывали свыше 2,5 млн. центнеров зерна в год. В то же время продолжали действо-

вать и мелкие мельницы, поставлявшие низшие сорта муки для крестьянского населения. В губернии было 967 водяных и 2076 ветряных мельниц, а также десятки мельниц небольших размеров, снабженных двигателями внутреннего сгорания.

Второе место после мукомолья по объему производства и первое — по числу рабочих занимала суконная промышленность. С 1890 по 1913 г. количество рабочих на всех суконных фабриках возросло на 56% и достигло более 10 тыс. человек (составив 39,8% всех рабочих губернии). В 1913 г. продукция отрасли составила 32,8% промышленного производства губернии.

За предвоенное пятилетие суконные фабрики были реконструированы, на них появилось электрическое освещение, увеличилось число паровых машин и двигателей внутреннего сгорания, были механизированы ткачество, прядение и некоторые другие сферы производства. Суконные предприятия начали выпускать новые виды продукции: одеяла, шали, ковры.

В период империализма возросли объемы производства также в деревообделочной, асфальто-гудронной, винокуренной и кожевенной отраслях местной промышленности. Металлообрабатывающие предприятия приспособились к обслуживанию потребностей сельского хозяйства, изготовляли простые машины и орудия, вели их ремонт. Развитие этой отрасли сдерживалось недостатком металла и дороговизной топлива. В 1913 г. в губернии насчитывалось 619 металлообрабатывающих предприятий. Однако крупных среди них, с производительностью свыше 1000 руб. в год на работника, было лишь 16. В городах наиболее крупными и технически хорошо оборудованными предприятиями были железнодорожные депо и мастерские.

Симбирская торгово-промышленная буржуазия в своей массе оставалась приверженной к старым, традиционным формам ведения дела. Местных предпринимателей слабо коснулось акционерное учредительство. Лишь в суконной и мукомольной отраслях некоторые капиталисты — суконные фабриканты Акчурины в Гурьевском текстильном районе, купцы-мукомолы Таратины в Мелекессе и др. — преобразовали свои торговые дома в торгово-промышленные товарищества.

Владельцы мельниц и суконных фабрик принимали меры по созданию предпринимательских организаций.

Так, сызранские купцы участвовали в работе Всероссийского съезда мукомолов и в создании в 1912 г. Всероссийского мукомольного банка. В 1907 г. образовался «Союз 19 суконных фабрик района Волги»*. В 1910 г. капиталисты губернии примкнули к Всероссийскому обществу фабрикантов суконной промышленности. В мае 1914 г. в Москве под председательством А. Д. Протопопова, владельца Румянцевской фабрики, состоялось совещание 17 фабрикантов Симбирского и Тамбовского районов, на котором было решено воссоздать локальное объединение местных суконных предпринимателей. Все эти совещания и организации имели антирабочий характер, ставили перед собой задачу усилить давление на пролетариат. В. И. Ленин писал, что в России капиталисты имели возможность, используя сохранявшиеся феодально-крепостнические пережитки, получать прибыль в два-три раза больше, чем в Западной Европе. «Буржуазия, — отмечал он, — не откажется от старорусских спокойных, удобных, доходных форм эксплуатации для замены их *только* европейскими... без крайней, последней необходимости»[100].

Накануне первой мировой войны симбирские капиталисты продолжали систематически применять грубые формы раннекапиталистической эксплуатации. Этому способствовал реакционный политический режим, мешавший свободному развитию рабочего движения, политической и профессиональной организации пролетариата. На фабриках и заводах царил безудержный произвол владельцев и администрации.

Фабричное законодательство было ограниченным и бессильным. Вопросы установления продолжительности рабочего дня, заработной платы, порядка найма и увольнения решались хозяином предприятия практически бесконтрольно. Один из фабричных инспекторов признавался: «Были случаи обращения рабочих в суд, и суд ни разу не удовлетворил иски рабочих за необязательную сверхурочную работу. К тому же нет фактической возможности обратиться к суду, т. к. каждый рабочий, подавший жалобу на хозяина, несомненно на «законном» основании будет уволен с работы».

Предприниматели старались комплектовать свою администрацию из преданных им людей. Были и специаль-

---

* Его дальнейшая судьба неизвестна.

ные надсмотрщики за поведением рабочих. Хозяева создавали им привилегированное положение. Так, на Мулловской суконной фабрике годовой заработок рабочего средней квалификации составлял 213 р. 30 к., а надсмотрщика — 492 р. 20 к.

Рабочий день в 1914 г. на суконных фабриках мог длиться (в двух сменах) до 21—21,5 и даже до 24 часов. Предприниматели часто вводили сверхурочные работы, ночные смены, работу по воскресеньям, оплату которых производили по своему усмотрению.

После первой русской революции заработки рабочих повсеместно снижались. Накануне первой мировой войны они снова несколько повысились, но это повышение значительно перекрывалось быстрым ростом цен на важнейшие продукты питания. Еще более упрочилась система штрафов, превратившись в важнейшее средство насаждения капиталистической дисциплины труда.

В трудное положение ставила рабочих и слабо развитая система социального страхования. По закону 23 июня 1912 г. страхование распространялось только на лиц, потерявших трудоспособность в результате несчастных случаев и болезней. Страхование по старости, инвалидности и на случай безработицы не предусматривалось. И хотя большую часть взносов должны были уплачивать сами рабочие, закон ставил открываемые больничные кассы под надзор полиции, чиновников и капиталистов. Не случайно симбирские предприниматели, опасаясь, что организация больничных касс пробудит у рабочих осознание своих профессиональных интересов, брали выборы в них под свой контроль и старались провести в правления касс людей, склонных учитывать их классовые интересы. Естественно, что в такой обстановке многие рабочие встретили известие об учреждении больничных касс с недоверием, видя в них только дополнительный налог для себя.

Накануне мировой войны из 45 тыс. рабочих губернии большая часть — около 26 тыс. — была занята на промышленных предприятиях, 12 тыс. — в речном транспорте, 5 тыс. — в железнодорожном. Важным источником пополнения пролетариата все более становились семьи фабрично-заводских рабочих. В 1913 г. на 209 фабриках и заводах губернии, представивших соответствующие сведения, около 3 тыс., или более 17% общего числа рабочих, составляли подростки и малолетние. Вместе с тем

процесс роста рядов потомственного пролетариата в Симбирской губернии протекал медленнее, чем в крупных индустриальных центрах страны: сказывались дислокация многих промышленных предприятий в сельских районах губернии, связь рабочих с землей и проникновение в силу этого мелкобуржуазной идеологии в рабочее движение.

Революционное движение народа и социал-демократическое движение

Политическая реакция в стране ослабила деятельность революционных сил в губернии. Однако, несмотря на полицейские преследования, массовые аресты и высылки профессиональных революционеров, их работа в массах не прекращалась. Собирая и уводя в подполье свои собственные силы, большевики в соответствии с ленинскими установками и решениями V Общероссийской конференции РСДРП (1908 г.) продолжали оказывать идейное влияние на рабочий класс, разъясняли массам причины поражения революции 1905—1907 гг., готовили их к новым революционным битвам. В этих целях они использовали самые разнообразные формы легальной работы: незакрытые правительственными указами профсоюзы, больничные кассы, различные просветительные общества и кружки. Например, кружок «разумных развлечений», возникший в 1909 г. в Сызрани и объединивший до 100 человек, на одну четвертую часть, согласно донесению местного полицмейстера, состоял из лиц, «принимавших активное участие в революционном движении или сочувствующих таковому». Для сплочения пролетариев разных национальностей большевики использовали и «мусульманские общества», создаваемые с просветительными целями татарскими интеллигентами среди рабочих-татар на суконных фабриках губернии. В этих обществах члены РСДРП давали решительный отпор попыткам пропаганды идей панисламизма, исходивших от татарских буржуазных националистов.

Взяв курс на сочетание нелегальных и легальных форм борьбы, сохраняя и укрепляя связь с массами, симбирские большевики вели решительную борьбу с оппортунистическими вылазками меньшевиков-ликвидаторов и отзовистов.

Выступления рабочих масс в годы реакции носили преимущественно экономический характер и заканчивались, как правило, либо поражением рабочих, либо лишь частичным удовлетворением их требований. Так, никаких результатов не дала в 1908 г. забастовка ткачей Гурьевской суконной фабрики, выступивших против снижения расценок. Не имела успеха забастовка ткачей Игнатовской фабрики, поскольку не получила поддержку у других рабочих. Лишь на частичные уступки бастующим пошли хозяева Ляховской и Базарно-Сызганской суконных фабрик и Ерыклинского лесозавода.

Но и эти выступления рабочих Симбирской губернии, как и других отрядов рабочего класса страны, свидетельствовали о неизбежности нового революционного подъема. В. И. Ленин неоднократно указывал, что в России неминуем новый прилив революции, поскольку ни одна из задач буржуазно-демократической революции еще не была решена.

Признаки нового революционного подъема в общественно-политической жизни России стали проявляться уже в середине 1910 г. Наметились они и в Симбирской губернии. В самом начале 1911 г. вспыхнула забастовка на Ишеевской суконной фабрике. Несколько однодневных забастовок летом того же года провели измайловские текстильщики. Бастовали железнодорожники и типографские рабочие Алатыря, Сызрани, Симбирска. Активизировалось и крестьянское движение, особенно в Ардатовском, Сенгилеевском, Симбирском и Сызранском уездах.

В этой обстановке большевики губернии, действовавшие небольшими группами, одну из главных своих задач видели в консолидации своих сил, в восстановлении всех местных организаций РСДРП, в налаживании связей с партийными центрами страны и комитетами в других городах. В Симбирске эту работу повели большевики М. А. Гимов, Н. И. Ильин, М. И. Кузьмин, в Сызрани — М. Т. Факторович, В. Е. Кураев, Н. П. Федоров, А. С. Тимофеева.

Огромную роль в сплочении партийных сил сыграла состоявшаяся в январе 1912 г. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Исключив из партии меньшевиков-ликвидаторов, разработав стратегию и тактику партии на этапе нового революционного подъема и избрав Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным,

она показала образец принципиальной борьбы большевиков с оппортунистами, их последовательность в достижении своих программных целей.

На основе решений конференции большевики Симбирской губернии усилили работу в массах. Под их руководством выступления рабочих приобрели бо́льшую политическую направленность, упорный и организованный характер. С глубоким возмущением встретил народ весть о Ленском расстреле, совершенном царскими властями в апреле 1912 г. Волна стачек и забастовок прокатилась по многим предприятиям губернии. В обстановке высокой политической активности отметил местный пролетариат и день международной солидарности — 1 Мая.

Исключительное значение в подготовке трудящихся масс к новому этапу борьбы с самодержавием приобрели общероссийская легальная большевистская газета «Правда» и большевистская фракция в IV Государственной думе. В «Правде» рабочие Симбирской губернии сразу увидели надежного защитника своих интересов. Круг читателей газеты постоянно рос.

Используя различные легальные возможности, большевики развернули широкую пропагандистскую деятельность в ходе выборов в IV Государственную думу. В 1913 г. они возглавили кампанию по выборам в больничные кассы. В итоге в Симбирске и Сызрани у руководства правлениями таких касс оказались члены РСДРП(б) Н. И. Логинов, С. Н. Соснин, К. Г. Мясков, А. Е. Ананьев, А. Н. Никифорова. Благодаря им страховые органы превратились в легальные центры революционной большевистской работы. Попытки кадетов и октябристов поставить рабочее движение под свой контроль провалились. К весне 1914 г. больничные кассы были открыты на всех крупных суконных фабриках губернии.

Большое внимание большевики уделяли и упрочению своих связей с организациями РСДРП(б) Поволжья, а также партийными центрами страны. Немалый вклад в решение этой задачи внесла А. Н. Никифорова, осенью 1913 г. прибывшая в Сызрань в качестве экспедитора большевистской газеты «Звезда». В 1914 г. в связи с подготовкой поволжской конференции РСДРП(б) она была направлена в Петербург, откуда выехала за границу для встречи с В. И. Лениным. Эта встреча состоялась в местечке Поронино (Польша) 16 июня 1914 г. и имела

большое значение для укрепления связей центральных органов партии с местными организациями РСДРП(б).

В январе 1913 г. в память о жертвах Кровавого воскресенья 1905 г. объявили забастовку железнодорожники Алатыря. В том же году стачки рабочих прошли на Старотимошкинской и Тепловской суконных фабриках. В апреле 1914 г. бастовали рабочие Игнатовской суконной фабрики, выступившие против очередного снижения расценок. Активное участие в забастовочном движении в этот период принимали рабочие Сызранского гвоздильного завода и местной типографии, а также Игнатовской, Гурьевской, Измайловской, Базарно-Сызганской суконных фабрик и алатырских железнодорожных мастерских. В Сызрани прошли стачки на крупных мельницах.

Во многих селах Алатырского, Ардатовского, Сенгилеевского, Симбирского и Сызранского уездов проходили крестьянские сходы, участились случаи запашки земли, порубки лесов, принадлежавших помещикам, а также богатым хуторянам и отрубникам.

Новый революционный подъем в стране прервала начавшаяся летом 1914 г. мировая империалистическая война.

Глава XIII. КУЛЬТУРА ПЕРИОДА ИМПЕРИАЛИЗМА

Просвещение и здравоохранение

Культурная жизнь Симбирской губернии конца XIX — начала XX в. протекала в русле культурно-исторических процессов, характерных для всей России периода империализма. Содержание культуры, ее характер, темпы развития определила революция 1905—1907 гг., в которой погибала старая, помещичья Россия и рождалась Россия свободная.

Одной из наиболее выраженных особенностей духовного облика России начала двадцатого столетия была исключительная тяга широчайших масс к просвещению, знаниям, культуре. Ставка царского самодержавия на церковноприходские школы и классические гимназии не оправдала себя. В годы первой революции и в последующее десятилетие по всей стране, в том числе и в Симбирской губернии, наблюдались упадок церковноприход-

ского образования и развитие светской начальной и средней школы, более свободной от непосредственной опеки церкви. Например, если в первой половине XIX в. в губернии насчитывалось лишь одно среднее и 20 начальных учебных заведений, находившихся в системе министерства народного просвещения, то в 1904 г. — 4 средних и 605 начальных школ. К 1914 г. число последних увеличилось до 826. В них обучалось немногим более 70 тыс. учащихся. Число средних учебных заведений возросло до 21.

Однако уровень образования в Симбирской губернии, как и в ряде других регионов России, продолжал оставаться низким. К началу первой мировой войны здесь обучалось всего 22,3% детей и подростков от 7 до 15 лет —преимущественно выходцев из дворянской, буржуазной и мелкобуржуазной среды и из среды духовенства. 340 тыс. детей и подростков школьного возраста, или 77,7% их общего числа, оставались за дверями учебных заведений.

Почти сплошь неграмотной была молодежь нерусских национальностей, проживавших на территории губернии. Составляя около 36% населения нашего края, татары, чуваши, мордва и другие народности могли рассчитывать лишь на четыре национальные светские школы, в которых обучалось около 400 человек. В итоге накануне Великого Октября в губернии насчитывалось почти 70 тыс. неграмотных, что значительно превышало их процент в целом по стране.

Стремление народов к просвещению и образованию четко выражалось в Программе большевистской партии, в статьях и выступлениях В. И. Ленина. Партия призывала отделить школу от церкви, а церковь от государства, ввести всеобщее бесплатное образование на родном языке. Под влиянием симбирских большевиков в поддержку интересов трудящейся молодежи губернии, за ее просвещение выступали местные профессиональные союзы. Они призывали ввести «бесплатное и обязательное, общее и политехническое» обучение детей обоего пола до 16 лет, при обеспечении «всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями»[101].

Демократические тенденции в деле просвещения масс проявились также в деятельности добровольных обществ по народному школьному и внешкольному образованию, литературных кружков, устраивавших публичные народ-

ные чтения. Например, публичные чтения произведений Пушкина, Крылова, Некрасова, Плещеева на Румянцевской суконной фабрике в 1904 г. привлекали от полутора до двух сотен рабочих. Среди добровольных обществ и кружков наиболее известными были Симбирское музыкально-драматическое общество и семейно-педагогический кружок. В 1909 г. в последнем насчитывалось более 120 членов, в том числе такие видные представители демократической интеллигенции, как В. В. Кашкадамова, М. Ф. Суперанский и др.

Большое значение в общественно-культурной жизни России эпохи империализма приобрели книга и периодическая печать.

Книжный, журнальный и газетный поток особенно усилился в 1905—1907 гг. Революция вызвала к жизни массовую политическую и общественно-просветительскую литературу. Характеризуя этот период, В. И. Ленин писал: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России»[102].

Это стремление народных масс к книге, знаниям учитывали руководители Симбирской народной библиотеки им. И. А. Гончарова. В годы первой российской революции и в последующее десятилетие библиотека пополнилась большим количеством не только демократических изданий, но и марксистской литературой, начавшей издаваться легально на гребне революционной волны. Здесь имелись собрания сочинений многих передовых писателей, выпущенные книгоиздательством «Знание», которым с 1903 по 1913 г. руководил А. М. Горький. Библиотека располагала всеми 39-ю томами этого издательства с произведениями как самого Горького, так и других прогрессивных писателей: Скитальца, Андреева, Куприна, Телешева, Вересаева, Серафимовича, Короленко.

Марксистская литература была представлена произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Лафарга. В библиотеке имелся русский перевод «Капитала» Маркса 1898 года, а также все три тома «Капитала», изданные в 1907—1909 гг. под редакцией литератора-марксиста И. Степанова-Скворцова. Были здесь «Нищета философии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Крестьянский вопрос во

Франции», «К критике политической экономии» Ф. Энгельса, книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» первого и второго изданий и другие работы выдающихся деятелей социал-демократического движения. Марксистская литература пользовалась большим спросом у демократического читателя. Она способствовала формированию высокой политической культуры, научного мировоззрения у передовой части симбирской интеллигенции, рабочего класса.

В 1913 г. в трех библиотеках губернского центра — городской публичной, Гончаровской и Карамзинской — насчитывалось более двух тысяч читателей. В уездах же, как сообщалось в «Обзорах Симбирской губернии», издававшихся Симбирским губернским статистическим комитетом, с каждым годом все более широкое распространение получали бесплатные народные библиотеки. В 1913 г. насчитывалось 112 таких библиотек.

В рассматриваемый период повсеместно рос интерес общественности к газетам. Эта тенденция была характерна и для Симбирска. В конце 90-х гг. в губернии выпускалось не более 5—6 газет. В ходе революции и в последующие годы их количество увеличилось почти до 30. В одной Сызрани в 1908—1914 гг. издавалось не менее семи газет.

Большая часть газет и журналов этих лет по своей общественно-политической направленности была либерально-буржуазной. В Симбирске к их числу относились «Вестник Симбирского земства», «Симбирский хозяин», «Волжский прибой», в Сызрани — «Волжские новости», «Сызранский курьер», «Сызранское утро», «Деловой день».

Откровенно монархическим содержанием, а после 1905 г. — черносотенным направлением отличались «Симбирские губернские ведомости», «Симбирские епархиальные ведомости», «Симбирянин», «Сызранский маяк».

Вместе с тем накал классовой борьбы в годы первой революции, острая потребность в объективной политической информации способствовали укреплению и развитию демократической печати. К числу таких изданий относились губернские «Симбирская народная газета», «Народные вести», «Жизнь», уездные «Сызрань», «Самарская Лука». Несмотря на преследования цензуры, конфискацию отдельных номеров, частое закрытие, эти издания

способствовали пропаганде демократических идеалов, призывали к борьбе с самодержавием, политической свободе.

Ответом на потребности революционного движения, задачи политического воспитания масс стала легальная газета Симбирской организации РСДРП «Наши дни». Первый ее номер вышел 11 марта 1907 г., последний — 19 мая того же года. Несмотря на кратковременность своего существования (в свет вышло всего 16 номеров), газета оставила яркий след в революционном воспитании масс, в мобилизации их на борьбу против существующего строя. Уже в первом своем номере она заявила о том, что призвана помогать рабочим и крестьянам в «трудном и ответственном деле организованного отстаивания своих интересов», без чего победа социализма невозможна. На ее страницах публиковались злободневные политические статьи, острые полемические заметки, разъяснявшие тактику большевиков в революции, необходимость сплочения всех демократических сил под руководством рабочего класса и его политической партии. В редколлегию «Наших дней» входили члены Симбирской организации РСДРП Н. П. Брюханов, П. Д. Винокуров, А. И. Кирьянов. Одним из активных ее корреспондентов был большевик Ю. А. Кролюницкий.

Наряду с легальной печатью симбирские большевики использовали и подпольную печать: с 1904 по 1907 г. ими было выпущено большое количество листовок и прокламаций, обращенных к рабочим, солдатам и крестьянам. В 1905 г. нелегальным изданием вышел сборник «Песни революции»[103].

* * *

На низком уровне находилось в губернии медицинское обслуживание населения. В 1913 г. здесь насчитывалось лишь 204 лечебно-амбулаторных учреждения, в которых трудилось 119 врачей. На каждого из них в среднем приходилось более 18 тыс. пациентов. Даже в губернском центре имелось всего три лечебных заведения: губернская земская больница (250 коек), городская бесплатная больница (48 коек) и лазарет Красного Креста (15 коек). Лечение в большинстве случаев было платным. Фактически значительная часть жителей губернии рассчитывать на медицинскую помощь не могла.

Литература

С Симбирской губернией был связан один из периодов литературной деятельности С. Г. Петрова (Скитальца) — талантливого ученика и соратника М. Горького. Уже известным всей демократической России поэтом приехал он в 1905 г. в Симбирск и в скором времени оказался причастным к первой уличной демонстрации в городе. Произошло это 3 мая. Местная организация РСДРП, хорошо знакомая с революционным творчеством поэта, пригласила его на платный литературно-музыкальный вечер, организованный для пополнения партийной кассы. На этом вечере, собравшем весь демократически настроенный Симбирск, Скиталец прочитал свои лучшие стихи: «Гусляр», «Кузнец», «Нет, я не с вами!» и др. Проникнутые пафосом революционной борьбы, верой в победу народных масс, они вызвали восторженную овацию слушателей. «Публика бросилась к эстраде, — вспоминал один из руководителей Симбирской организации РСДРП В. Рябиков, — и «Марсельеза» залила зал думы *. Раздались крики: «На улицу», — и все скопом выкатились на площадь против Карамзинского садика... Тишину сонной симбирской ночи прорезали молодые, возбужденные голоса, крики, зазвучали песни революции: «Марсельеза», «Варшавянка», раздались торжественные призывные слова «Интернационала»... Вскоре в толпу врезались полицейские, начались аресты... Это была первая уличная демонстрация в нашем городе»[104].

С творчеством Скитальца начала 900-х гг. был хорошо знаком В. И. Ленин. В 1902 г. в письме к матери он сообщал о том, что получил книги Горького и Скитальца и читал их с большим интересом[105]. В декабре 1905 г. на квартире Скитальца в Москве состоялось заседание сотрудников большевистской газеты «Новая жизнь», на котором присутствовал Владимир Ильич. В 1906 г. Ленин использовал стихотворение Скитальца «Тихо стало кругом» в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии»[106].

---

* Вечер проходил в помещении городской думы (ныне музыкальное училище).

В симбирский период жизни писатель создал пьесу «Вольница» (1915 г.), начал работу над романами «Кандалы» и «Дом Черновых».

Революционные мотивы поэзии Скитальца оказали большое влияние на формирование симбирских поэтов М. Бродяги и Изгнанника — под такими псевдонимами выступали поэты-самоучки М. Н. Чикунов и Н. С. Охотин. Их первые стихи были опубликованы на страницах большевистской газеты «Наши дни» в 1907 г. Героями этих произведений являлись люди труда, бесстрашные революционеры, поднявшиеся на борьбу за счастье народа. Тогда же в Симбирске вышел сборник стихов и рассказов М. Бродяги «Аккорды бессильной злобы», ставший заметным событием в литературной и политической жизни края. Сборник был посвящен Скитальцу. В него вошли лучшие произведения поэта: стихи «Я страстно жажду пробуждения», «Песнь восставших», рассказы «Стоны» и «За свет и свободу».

Н. С. Охотин-Изгнанник входил в состав Симбирской группы РСДРП. Наряду с публикациями в «Наших днях» он печатался в симбирском «Студенческом сборнике», в казанском «Метеоре». В 1906 г. его «Песни предрассветных сумерек» были изданы в Петербурге. На первой странице этого сборника звучал знаменитый призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и сообщалось, что часть дохода от издания «поступает в пользу безработных и голодающих»[107]. В сборник вошли наиболее яркие стихи Изгнанника, преисполненные пафоса революционной борьбы: «Наши песни — клич к борьбе», «Я — отклик голодного зова», «Песнь пролетария», «Песня рабочих» и др.

В 1907 г. в Симбирске была арестована и затем конфискована в количестве 943 экземпляров книга Михаила Стоговского (М. Н. Ананьева) «Басни, сказки, пародии, стихи». Будучи представителем мелкобуржуазной демократии, М. Стоговский под влиянием революции 1905—1907 гг. поднялся до глубоких социальных обобщений, влился своим творчеством в широкое русло демократической литературы тех лет. Написанная в жанре политической сатиры, его книга разоблачала произвол самодержавия и его черносотенных слуг в период наступавшей реакции, сочувственно раскрывала положение трудящихся масс.

Не вышли из печати в 1907 г. и произведения других

симбирских литераторов, в том числе поэтический сборник С. Скитальца, сборник рассказов, очерков и стихотворений «Звуки печали сумерек» М. Бродяги, книги Е. Чирикова, А. Лукьянова. Сказалась начинавшаяся в стране реакция. Одним из проявлений ее в Симбирске стало преследование тех литературных сил, которые тяготели к революционно-демократической струе в духовной жизни России. Напротив, литература реакционного толка, уводящая читателя от борьбы, проповедующая культ насилия, секса, откровенную безыдейщину, текла безудержным мутным потоком. Публикациями вроде «Загадочной драмы гувернантки», «Легенды об отцеубийце», «Черной вуали» и т. п. захлебывалась бульварная «Симбирская жизнь». В 1908 г. здесь издается книжонка «Шерлок Холмс в Симбирске», живописующая подвиги знаменитого сыщика среди блатной босяцкой «публики» со Старого Венца.

Давая справедливую оценку подобного рода творчеству, один из руководителей Симбирской организации РСДРП В. В. Орлов писал в 1908 г. М. Г. Яковлевой: «Достаточно характерный для всей теперешней литературы это «Санин» — роман Арцыбашева. Если не читали, то прочтите, чтобы больше потом не читать других, ибо все это только варианты... Интеллигенция, думавшая прежде, что одно ее прикосновение к делу революции даст ей победу, теперь совсем разочаровалась в революции и занялась решением «полового вопроса»[108].

Однако и в условиях реакции демократическая тенденция продолжала пробивать себе дорогу. В начале 900-х гг. были заложены основы современной чувашской художественной литературы. Ее основоположником стал К. В. Иванов, учитель двухклассного училища при Симбирской чувашской школе. Благодаря поддержке И. Я. Яковлева, выдающегося просветителя, педагога и общественного деятеля, одного из ближайших сподвижников И. Н. Ульянова, он создал чувашский букварь, перевел на язык своего народа произведения Лермонтова, Некрасова, Кольцова, а затем написал ставшую знаменитой поэму «Нарспи» и цикл сказок. Без фамилии автора поэма вошла в книгу «Сказки и предания чуваш», изданную в Симбирске в 1908 г. Первыми читателями книги стали учащиеся школы. Они-то и разнесли, выезжая на каникулы, по чувашским селам пленительные стихи поэмы. Только с победой Великого Октября имя К. В.

Иванова стало широко известным в нашей стране как имя одного из классиков чувашской художественной литературы.

На годы реакции пришлось начало творческой деятельности и талантливого уроженца Симбирской губернии А. С. Неверова (Скобелева). Выходец из крестьянской среды, он хорошо знал быт русской деревни. Его рассказы симбирской поры: «Горе залили», «Свой человек» (1906 г.), «Под песнь вьюги» (1908 г.), «Музыка» (1909 г.) — правдиво отражали картины классовой борьбы, пробуждения крестьянского самосознания, понимания необходимости «ломать такую жизнь». В 1908—1909 гг. Неверов печатался в симбирской газете «Народные вести», а также в столичных журналах «Русское богатство» и «Жизнь для всех». За творчеством молодого Неверова внимательно следил М. Горький, помогавший начинающему писателю углубить реалистические начала его прозы. В 1915 г. Алексей Максимович просил А. С. Неверова выслать ему все свои рассказы, чтобы их можно было прочитать в хронологическом порядке, а также интересовался неопубликованными произведениями писателя с намерением издать их.

Симбирская действительность начала двадцатого столетия, быт и нравы степного Заволжья оказали немаловажное влияние на творчество А. Н. Толстого. Именно здесь, по его словам, он «напал» на свою собственную тему. Ею стал показ нравственной деградации, оскудения и вырождения усадебного дворянства. Яркое художественное воплощение эта тема получила в романе «Хромой барин», повестях «Заволжье», «Приключение Растегина», в пьесах «Насильники» и «Касатка», написанных за период с 1909 по 1915 гг.

Театр, кино

Заметную роль в культурной жизни Симбирска этого периода играл театр. На его сцене в начале 900-х гг. успешно шли «Ревизор» Н. В. Гоголя, многие пьесы А. Н. Островского, А. П. Чехова, С. А. Найденова. Крупным событием в культурной и общественно-политической жизни города стала постановка Симбирским театром пьес А. М. Горького. В 1905 г. здесь с большим успехом прошли «Дети солнца», затем «На дне». В отличие от

местных реакционеров, встретивших пьесы в штыки, демократическая часть Симбирска в лице передовых рабочих, интеллигенции, учащейся молодежи восторженно приветствовала героев горьковской драматургии, разделяя революционные идеалы автора.

В период с 1904 по 1916 г. Симбирский театр неоднократно посещали труппы талантливых актеров. На его сцене выступали А. Я. Таиров, В. Я. Кенкин и др.

Глубокое впечатление у симбирских зрителей оставил «Драматический театр» В. Ф. Комиссаржевской, гастролировавший в городе в 1907 г. Созданный выдающейся русской актрисой в 1904 г., театр был обращен к демократическому зрителю. В его репертуаре имелись пьесы М. Горького, С. Найденова, Л. А. Андреева и других драматургов, входивших в литературную группу «Знание». В. Ф. Комиссаржевская была связана с передовым общественным русским движением и сочувствовала большевикам. Однажды она подарила представителям Симбирской организации РСДРП контрамарки на свой спектакль.

В годы реакции на сцене театра шли в основном малохудожественные, безыдейные, а порой и безнравственные комедии и водевили, а также пьесы, преисполненные пессимизма и мистики, но весьма поощряемые местными властями, так как, по их мнению, подобные произведения отвлекали людей от революции.

С началом нового революционного подъема в театральном репертуаре Симбирска снова большое место занимают пьесы Островского и Чехова, ставятся драма Лермонтова «Маскарад» и «Коварство и любовь» Шиллера. Реалистическое содержание, гуманизм русской и лучшей зарубежной драматургии усиливали интерес зрителей, особенно молодых, к театру.

В начале XX в. в России зарождается новый вид искусства — кинематография. Кино еще не было озвучено. Рядом с экраном ставился рояль, под аккомпанемент которого и шла демонстрация фильмов. В Симбирске первые кинотеатры (синематографы) появились в начале 900-х гг. В 1916 г. в городе функционировало уже шесть кинотеатров, в том числе «Ампир», «Патэ», «Калейдоскоп», «Зеркало жизни». Шли в них преимущественно фильмы, снятые на киностудиях Запада, а также отечественные произведения, но находившиеся под сильным влиянием декаданса и натурализма. Исключение

составляло лишь творчество небольшой группы деятелей русского кино во главе с Я. А. Протазановым, стоявшей на позициях русского реалистического искусства и снявшей в дооктябрьский период фильмы «Пиковая дама» и «Отец Сергий».

Живопись, архитектура

Реалистические и демократические начала развивали в своем творчестве художники края. В 900-е гг. в Симбирске началась деятельность художника-пейзажиста П. И. Пузыревского, талантливого ученика П. П. Чистякова и М. Х. Клодта, и живописца А. Н. Остроградского, учившегося у И. Е. Репина в Петербургской Академии художеств. По их инициативе в Симбирске были созданы художественные классы при учебно-трудовом пункте, ставившие своей задачей как пропаганду живописи, так и обучение этому виду искусства.

Одним из наиболее способных учеников Пузыревского стал Д. И. Архангельский. Его первые живописные работы были отмечены большой серебряной медалью на выставке в Симбирске в 1908 г. В 1910 г. картины и этюды Архангельского, изображавшие Волгу и Поволжье, с успехом экспонировались в Петербурге. Тогда же художник выпустил первую серию своих литографических открыток с видами Симбирска, Волги и приволжских деревень. Для учителей народных училищ Симбирской губернии эти открытки явились своеобразным пособием по обучению детей технике рисования, средством воспитания у них тонкого художественного вкуса.

В конце 1890-х — начале 1900-х гг. начал сложный поиск своего места в изобразительном искусстве ученик иконописных мастерских из села Баево Алатырского уезда С. Д. Нефедов — Эрьзя. От картин-икон на библейские сюжеты и росписи стен в сельских церквах к выдающимся скульптурным произведениям, приобретшим мировую известность, — таков путь, пройденный этим самобытным художником.

Борьба стилей и направлений в конце XIX — начале XX в. наблюдалась в архитектуре. Для Симбирска этого периода характерны эклектическая стилизация архитектурных сооружений, неоренессанс и модерн, отличающийся нарочитой причудливостью форм. К числу та-

ких сооружений относились здание губернской земской управы *, построенное в 1903—1905 гг., корпуса губернской больницы **, здание землемерного училища ***. Выражением национально-романтической ветви модерна стало здание Крестьянского поземельного банка, образующее вид большой и нарядной русской избы (1911 г.) ****.

Тогда же в городе начинается промышленное строительство. В 1913 г. в строй вступила симбирская силовая электростанция, два дизель-мотора которой питали 10 тыс. лампочек первых 330 абонентов. Устанавливаются 75 фонарей системы Галкина, разрабатывается проект пуска в городе первого трамвая. С 1910 г. переустраивается и расширяется водопроводная сеть, асфальтируются 20 улиц города.

Наиболее известными архитекторами Симбирска начала 900-х гг. были А. А. Шодэ и Ф. О. Ливчак. С именем Шодэ связан сооруженный в 1913—1916 гг. на средства, собранные по всероссийской подписке в ознаменование 100-летия со дня рождения И. А. Гончарова, Дом-памятник писателю *****. Ф. О. Ливчак впервые применил новый строительный материал — бетон и разработал технологию его использования.

Глава XIV. В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1914 г. — март 1917 г.)

Отношение к войне различных классов и партий

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., явилась закономерным результатом обострения непримиримых противоречий капитализма в его высшей ста-

---

* Ныне почтамт, ул. Гончарова, 9/58.

** Ныне старые корпуса областной больницы № 1.

*** Ныне дом 27 на ул. Энгельса.

**** Ныне дом 42 на ул. Л. Толстого.

***** Ныне здание краеведческого и художественного музеев, бульвар Новый Венец, 3/4.

дии. «Европейская и всемирная война, — писал В. И. Ленин, — имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»[109].

Развязав войну, буржуазия всячески стремилась доказать ее оборонительный характер для одной группировки стран и обвинить в агрессии другую, противостоящую группировку. Народным массам трудно было понять истинный характер и смысл войны, правильно определить свое отношение к ней.

Как и во всей стране, капиталисты и помещики Симбирской губернии встретили войну восторженно. Местная печать призывала население «к единению всех сил нации», к борьбе «за честь и величие России». Во многих городах губернии устраивались «патриотические» манифестации. Оправдывало войну и местное духовенство.

Пособниками буржуазии и помещиков выступили меньшевики и эсеры. С началом войны они отказались от нелегальной деятельности, «мало-помалу начали пристраиваться в земствах» и редакциях легальных газет и, используя фальшивый лозунг «защиты отечества», призывали народные массы к «классовому миру» на время войны[110].

Только партия большевиков, руководимая Лениным, осталась верной пролетарскому интернационализму, твердо стояла на позициях решительной борьбы против самодержавия, помещиков и буржуазии, последовательно отстаивала свой основной стратегический лозунг — превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Симбирские большевики с первых дней войны настойчиво разоблачали ложный патриотизм буржуазии и ее эсеро-меньшевистских пособников, призывали трудящихся активно протестовать против нависшей военной угрозы, крепить единство с пролетариатом других стран, продолжать борьбу с самодержавием. Сызранский комитет РСДРП(б) уже на второй день после обнародования царского манифеста о войне распространил анти-

военную прокламацию, за которой последовали другие. Помимо собственных прокламаций большевики распространяли антивоенные листовки Московского, Самарского, Саратовского и других комитетов РСДРП (б). Они проводили нелегальные собрания рабочих, использовали для прикрытия своей подпольной деятельности легальные учреждения (больничные и страховые кассы, культурно-просветительные общества и кружки), рассказывали народу правду о войне.

Призывы большевиков находили поддержку среди крестьян и солдат. Рухнули надежды правящих классов отвлечь внимание трудящихся от революции, объединить все население под знаменем борьбы с внешним врагом. Организованные властями «патриотические» митинги и демонстрации очень скоро сменились антивоенными выступлениями.

Первые же дни мобилизации были отмечены волнениями запасных в Подкуровке и Ясашной Ташле Симбирского уезда, на станции Ибряси, на сборных пунктах Ардатова, Карсуна. В Сенгилее дело дошло до вооруженного столкновения. 20 июля собравшиеся в город запасные потребовали обеспечить их семьи на время войны денежными пособиями. Воинский начальник ответил грубостью, стал угрожать оружием. На него напали несколько призывников, началась свалка. На помощь начальнику поспешил с вооруженным отрядом исправник. Пятеро запасных было убито, четверо — ранено. Это переполнило чашу народного терпения. Трехтысячная толпа, вооружившись камнями и кольями, осадила канцелярию сборного пункта и уездную тюрьму.

По распоряжению губернатора в Сенгилей со всего уезда стянули стражников, из Симбирска прибыла рота солдат. Выступление подавили. Многие его участники были арестованы, а зачинщики преданы военно-полевому суду, по приговору которого, в частности, был приговорен к расстрелу и казнен Н. Рябов (Пупков). С помощью оружия власти подавили волнения запасных и в других местах губернии.

При всей своей стихийности и неорганизованности, эти выступления являлись протестом народных масс против войны и ее виновников. Не случайно власти относили Симбирскую губернию к числу «неблагополучных». 26 июля 1914 г. она была объявлена на чрезвычайном положении. Губернатор получил неограниченные права

для борьбы с антивоенными и революционными выступлениями.

Чтобы обезглавить оппозиционное движение трудящихся, царизм обрушил всю тяжесть репрессий на большевиков. Они оказались в таких условиях, с которыми «не приходилось сталкиваться нашей партии даже в наиболее тяжелые годы реакции»[111]. Все большевистские организации губернии в разное время подверглись разгрому, сотни их членов и беспартийных активистов были арестованы, отправлены в ссылки.

Однако репрессии и гонения не сломили большевиков. В обстановке суровых законов военного времени и шовинистического угара они настойчиво собирали и сплачивали свои силы, восстанавливали разгромленные организации, создавали партийные кружки на предприятиях, налаживали подпольную технику, издавали и распространяли нелегальные прокламации и листовки, проводили конспиративные совещания и собрания, использовали легальные возможности. Они разъясняли массам грабительский характер войны, предательство меньшевиков и эсеров, призывали трудящихся к продолжению и усилению борьбы.

В конце 1914 — начале 1915 г. несколько оживилась деятельность революционных групп и кружков в Симбирске, Сенгилее и Алатыре. На Гурьевской и Румянцевской суконных фабриках партийную работу вели С. Гафуров, А. Генералов, Л. Лапшев, З. Маслов, Ф. Сорокин и В. Ульянов; на Языковской суконной фабрике — А. Степанов, К. Ермаков и др., в Карсуне — К. Бутыров, Г. Липкин, Солнцев и др.

Особенно умело и эффективно работала большевистская организация Сызрани. Деятельность ее была так тщательно законспирирована, что вплоть до весны 1915 г. местные жандармы не подозревали о наличии в городе комитета РСДРП(б). Лишь в апреле они произвели обыски в помещении больничной кассы и в квартирах ряда руководителей организации. Были изъяты нелегальные книги, брошюры, журналы, письма, рукописи. После этого комитет прекратил свою деятельность. Но в мае сызранские большевики сумели выпустить и распространить еще одну антивоенную прокламацию.

Большевистские лозунги «Долой войну!», «Долой царя!» воздействовали на массы, поднимали их на борьбу. В 1914 г. рабочие Сызрани провели три забастовки.

Бастовали рабочие железнодорожных мастерских в Алатыре, ткачи Румянцевской суконной фабрики. В разгар уборочных работ и массовой мобилизации в армию в ряде уездов подверглись разгрому помещичьи имения. Нарастал протест против войны среди солдат местных гарнизонов.

Хозяйственная разруха. Обострение нужды и бедствий трудящихся

Россия оказалась неподготовленной к войне. Недостаток вооружения и снаряжения, алчность буржуазии и помещиков, казнокрадство, бездарность и предательство членов верховного командования приводили к тяжелым поражениям царской армии. Под тяжестью этих поражений государственная и военная машина царизма начала давать серьезные трещины. В состоянии катастрофического развала оказались промышленность и транспорт, сильный упадок переживало сельское хозяйство. Надвигалась финансовая катастрофа. Быстро росли цены на продукты и товары, усилилась спекуляция.

Многие промышленные предприятия губернии стали обслуживать нужды фронта. Значительно расширили производство суконные и швейные фабрики, изготовлявшие обмундирование, кожевенные предприятия. Уже к концу 1914 г. выпуск продукции на них возрос на 25—30%. Полностью для фронта работали чугунолитейные, металлообрабатывающие предприятия, завод по ремонту автомобилей. Возникли новые предприятия, в частности механическая фабрика обуви в Симбирске. Здесь же строился крупный патронный завод.

Большую роль в военизации промышленности губернии сыграли созданные в 1915 г. Симбирский и Сызранский военно-промышленные комитеты, с помощью которых предприниматели заключали договоры на выполнение выгодных военных заказов. Особенно высокие прибыли получали владельцы суконных фабрик.

Однако в целом война сдерживала развитие промышленности. Вследствие мобилизации мужчин в армию на предприятиях не хватало рабочей силы. Все больше использовался труд женщин, подростков, малолетних и военнопленных. Производительность труда снизилась, ухудшилось качество выпускаемой продукции.

Многие предприятия, производившие товары для гражданского населения, сокращали производство или закрывались. Так, в 1916 г. по сравнению с 1913 г. число предприятий, подчиненных фабричной инспекции, уменьшилось на 34%. На 14 лесопильных и 14 винокуренных заводах, трех паровых мельницах, канатно-прядильном заводе, писчебумажной фабрике, заводе механической обработки дерева и ряде других предприятий производство сократилось на 50%. В целом по губернии выпуск промышленной продукции уменьшился более чем на 40%.

Железнодорожный и водный транспорт был занят главным образом перевозкой войск и военных грузов. В результате промышленные предприятия не обеспечивались сырьем и топливом, а население —предметами первой необходимости.

Деревня также осталась без рабочих рук. Сократилось производство сельскохозяйственных машин и орудий. Старый инвентарь не ремонтировался. Серьезный ущерб сельскому хозяйству наносили частые реквизиции рабочего и продуктивного скота. В 1915 г. по сравнению с 1913 г. количество лошадей в губернии уменьшилось более чем на 54 тыс. голов, крупного рогатого скота — на 15 тыс. голов, овец и коз — на 40 тыс. и свиней — на 14 тыс. голов. Все это вело к значительному упадку земледелия. Резко сократились посевные площади и урожайность полей.

Война обрекла на разорение главным образом бедняцкие и середняцкие хозяйства. С 1910 по 1917 г. количество безлошадных крестьянских хозяйств увеличилось с 34 до 40%, бескоровных — с 26 до 36%, беспосевных — с 10 до 19%. Если в довоенные годы скудный бюджет крестьянской семьи пополнялся побочными заработками — отхожими и кустарными промыслами, то война лишила крестьян этих источников; отходничество почти полностью прекратилось.

Из-за недостатка рабочей силы сократились посевы и в помещичьих имениях. Только кулацкие хозяйства, составлявшие около 15% всех крестьянских дворов губернии, процветали. Пользуясь крайне затруднительным положением деревенской бедноты, они за бесценок арендовали или скупали наделы разорившихся крестьян. Нехватку рабочей силы они, как и помещики, восполняли за счет военнопленных.

Характеризуя жадность и алчность кулаков, В. И. Ле-

нин писал: «Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих...»[112].

К 1916 г. Симбирскую губернию, как и всю страну, охватил жесточайший продовольственный кризис. По официальным данным, до нового урожая 1917 г. здесь не хватало более 3 млн. пудов хлеба. Из-за расстройства транспорта прекратился завоз в губернию из других районов мяса, масла, овощей, сахара и прочих продуктов питания. Резко ухудшилось также снабжение населения солью, керосином, спичками, ситцем и другими предметами первой необходимости. Все шире разворачивалась спекуляция.

Обострился жилищный и топливный кризис, особенно в связи с большим наплывом беженцев, которые двинулись в Поволжье из районов, захваченных врагом. В ноябре 1915 г. в городах и селах губернии проживало около 40 тыс. беженцев. К лету 1916 г. их количество значительно возросло. Все приемные пункты были переполнены. Люди ютились в старых бараках и землянках, снимали по спекулятивным ценам углы в мещанских квартирах.

Война всей своей тяжестью обрушилась на трудящихся. Жизненный уровень рабочих и крестьян резко понизился. Чрезвычайно тяжелыми стали условия труда на предприятиях, особенно на суконных фабриках. Рабочий день был доведен до 15—16 часов. Широко применялись сверхурочные и ночные работы. Нередко рабочих заставляли трудиться в воскресные и праздничные дни. Усилилась эксплуатация труда женщин, подростков и детей. На предприятиях процветала система штрафов, вырос шпионаж. Неугодных рабочих увольняли или отправляли в действующую армию. В деревне основная масса крестьянства стремительно разорялась. Тысячи семей голодали, возросло количество нищих, больных.

Недостаток и плохое качество продуктов, скученность, отсутствие мыла и санитарного надзора вызвали эпидемию сыпного и брюшного тифа. В 1916 г. число больных достигло в губернии 40 тыс. человек. Увеличилась смертность, особенно среди детей.

На плечи народа пало не только бремя милитариза-

ции, роста военных расходов, но и неисчислимый «налог кровью», истребление на фронтах войны миллионов людей.

Классовая борьба в годы войны

Военные неудачи русской армии, катастрофический развал народного хозяйства, усиленная эксплуатация и политическое бесправие трудящихся — все это вызывало среди населения жгучую ненависть к войне и развязавшему ее царизму, открывало глаза даже самым отсталым. Большивистская программа-минимум, призывавшая к свержению самодержавия и установлению демократичекой республики, к введению восьмичасового дня и конфискации помещичьих земель, находила все большее сочувствие среди широких народных масс.

От пассивного сопротивления трудящиеся переходили к открытой стачечной борьбе. В июле 1915 г. вспыхнула стачка на суконной фабрике в Усть-Урене. Рабочие выступали с протестом против войны и всей политики самодержавия. Среди них усилились разговоры о необходимости «повторить, да покрепче, 1905 год». В конце 1915 г. железнодорожники и почтово-телеграфные служащие Симбирска и Сызрани выдвинули требования повысить заработную плату и принять меры для пресечения спекуляции. В январе 1916 г. большевики М. Гимов, И. Сухов, А. Никитин призвали рабочих Симбирского чугунолитейного завода предъявить владельцу свои требования о сокращении рабочего дня и повышении зарплаты. Поскольку предприятие выполняло крупный и выгодный для хозяина заказ фронта на изготовление снарядов, тот вынужден был пойти на уступки рабочим.

По инициативе большевиков чугунолитейного завода 24 апреля 1916 г. была проведена рабочая маевка. Выступавшие на ней ораторы говорили о самоотверженной работе членов РСДРП(б) в тылу и на фронте, о растущем недовольстве рабочих и солдат, о необходимости борьбы за прекращение империалистической войны. Маевка произвела на собравшихся сильное впечатление. «На другой день, — вспоминал один из ее участников И. Сыромятников, — у рабочих завода настроение было приподнятое. Они оживленно обсуждали и пересказывали события, произнесенные речи. Маевка пробудила в нас классовое пролетарское сознание»[113].

Революционное движение трудящихся нарастало с неумолимой силой. В мае забастовали рабочие Гурьевской суконной фабрики. Их поддержали текстильщики других фабрик. В июле начали забастовку железнодорожники Сызрани. Местные власти в самом начале обезглавили это выступление: восемь руководителей забастовки были арестованы, одиннадцать человек отправлены на фронт. На Языковской суконной фабрике большевики организовали несколько массовых выступлений в связи с задержкой заработной платы и отправкой мобилизованных на фронт.

Вслед за рабочими в движение втягивались и другие слои трудящихся. Летом и осенью 1916 г. по всему Поволжью прокатилась волна продовольственных беспорядков, участниками которых были главным образом женщины и подростки. Особенно крупные выступления имели место 4 июля в Симбирске. Во второй половине дня 10-тысячная толпа, требовавшая хлеба, сахара, соли и других продуктов, заполнила улицы города. Против безоружных людей были направлены пешие и конные стражники, городовые и жандармы, а также пять рот солдат. При помощи вооруженной силы выступление было подавлено. 5 июля город был объявлен на чрезвычайном положении.

В 1915—1916 гг. с новой силой разгорелось движение крестьян. Против войны, самодержавия и помещиков совместно выступали русские, татары, чуваши и мордва. В 1915 г. в губернии произошло более 20 крестьянских выступлений против помещиков, а в 1916 г. — около 40. Особенно сильные волнения охватили ряд сел Ардатовского, Сенгилеевского, Симбирского и Сызранского уездов. Крестьяне силой захватывали барские земли, инвентарь, семена, поджигали помещичьи имения.

В некоторых уездах крупные размеры приняло движение деревенской бедноты против кулаков. Основными участниками его были женщины — жены и вдовы солдат. Они оказывали всяческое сопротивление проводимому в интересах кулачества землеустройству, выступали против нарезки земельных участков кулакам-хуторянам.

Вражда между общинниками и хуторянами ставила под удар всю аграрную политику царизма. Поэтому министерство земледелия весной 1915-го и весной 1916 г. дало указания губернаторам о запрещении землеустро-

ительных работ без согласия обеих сторон, а в начале 1917 г. правительство вообще приостановило действие столыпинского закона.

Все больше сознавала бесцельность войны и армия, которая в эти годы, как писал В. И. Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил»[114]. Одним из крупных поставщиков пополнений для фронта в Казанском военном округе являлась Симбирская губерния. Здесь в пяти городах дислоцировались 10 запасных пехотных и один кавалерийский полк, ополченская дружина и несколько отдельных команд. Число рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, колебалось в губернии от 150 до 160 тыс. человек.

Местные гарнизоны ежемесячно отправляли на фронт не менее 50 маршевых рот. Кроме того, на них возлагалась задача подавления революционного движения рабочих и крестьян.

Солдаты тыловых гарнизонов, как и всей царской армии, находились в крайне тяжелых условиях. Они не имели никаких прав. Командующий Казанским военным округом генерал Сандецкий разработал целую систему особо жестоких садистских репрессий и унизительной муштры для солдат. Так, рядовой 57-го полка Филипп Лозгачев писал своему отцу 14 апреля 1916 г.: «Вчера, в воскресенье, отдыхали, и я решил отдохнуть, а у меня горюшко было. Подошел я к ефрейтору нашему Назаренко и глаголю: «Господин ефрейтор, сделайте милость, позвольте на базар сходить». Но он, как был выпивши, ткнул меня в живот так, что я упал, а потом поставил под ружье. Стоял час. Он мне прицепил 75 фунтов разной амуниции и песку. Как я упал, он крикнул: «Пойди в казарму, я тебя там проучу». Пошел в казарму. Он заставил меня засунуть голову в печной дымоход и кричать: «Я дурак!». Потешались они кругом, а я плакал»[115].

Огромное скопление солдат в тыловых городах создавало благоприятные условия для тесного общения их с рабочими, революционизировало армию. Большое влияние на солдат оказывали письма фронтовиков, деятельность армейских большевиков. В тыловых гарнизонах, как и на фронте, большевики имели своих агитаторов, создавали партийные группы и кружки, распространяли нелегальную литературу, прокламации. Все это заставляло солдат больше задумываться о своем по-

ложении и той роли, которую они играли во всей государственной жизни и в общей революционной борьбе.

Одной из форм протеста народа против войны явилось массовое дезертирство из армии, неявка мобилизованных на призывные пункты. В июле 1915 г. вспыхнули беспорядки среди призванных в армию в Сенгилее. Согнанные урядниками и стражниками запасные отказались идти на фронт. Воинский начальник прибег к оружию. Многие участники волнений были арестованы; военно-полевой суд приговорил 10 человек к каторжным работам. В течение 1915—1916 гг. выступления призванных имели место также в Алатыре, Ардатове, на станции Инза и в других местах губернии. В сентябре 1916 г. командир 158-го запасного батальона сообщил ардатовскому исправнику, что из 300 солдат Симбирской дружины ополчения, отправленных во вверенный ему батальон, к месту назначения прибыли только три человека при пяти конвойных. Остальные сбежали в родные края.

Выступления рабочих, крестьян и солдат против войны и царизма все больше сливались в один общий революционный поток. Оценивая политическую обстановку, сложившуюся в губернии к осени 1916 г., симбирский губернатор констатировал: «Не замалчивая опасности, я обязанностью своей считаю довести до сведения высших представителей правительства, что настроение народных масс... чрезвычайно опасное и легко возбудимое. Для поддержания спокойствия на предстоящую, такую тяжелую для народа зиму, нам безусловно необходимо быть очень бдительными и иметь в своем распоряжении достаточную военную силу»[116].

Нарастающее революционное движение выдвигало перед местными большевиками неотложную задачу дальнейшего сплочения своих сил, усиления политической работы в массах. Осенью 1916 г. в Сызрани вновь организационно оформилась группа РСДРП(б). Легальным прикрытием партийной работы продолжала служить больничная касса. На ряде предприятий были созданы рабочие кружки, которыми руководили члены большевистской группы. В ноябре в городе появилась еще одна большевистская организация — «Инициативная группа социал-демократов». В середине декабря 1916 г. обе группы объединились, избрав временный комитет РСДРП(б). В его состав вошли В. Зубцов, Е. Титова,

Н. Воздвиженский, Н. Володин, В. Табенцкий и З. Юрковская. В распоряжении комитета имелись гектограф, нелегальная библиотека, паспортное бюро, склад с оружием. Члены организации были тесно связаны с местными предприятиями, частями гарнизона, руководили рабочими и солдатскими кружками, выпускали и распространяли прокламации.

Оживили свою деятельность и небольшие большевистские группы в Симбирске во главе с М. Гимовым, А. Никитиным и И. Суховым, в Сенгилее во главе с С. Саблиным, в Гурьевском фабричном районе во главе с З. Масловым, на Языковской суконной фабрике во главе с А. Степановым.

Крушение царизма. Возникновение двоевластия

К концу 1916 г. в стране сложилась непосредственная революционная ситуация. Массовые выступления пролетариата Петрограда, Москвы и других крупных городов являлись вдохновляющим примером для рабочих всей страны. Эти выступления сочетались с оживлением борьбы крестьян и солдат, с усилением национально-освободительного движения.

В начале января 1917 г. во время проводов мобилизованных рабочих и крестьян в армию большевики Языковской суконной фабрики провели массовую антивоенную демонстрацию. Ее участники настойчиво требовали прекращения войны. Волнения охватили железнодорожников Алатыря, Симбирска и Сызрани, рабочих ряда суконных фабрик.

В ночь на 9 января Сызранская большевистская организация обратилась к рабочим и солдатам с очередной прокламацией, которая распространялась не только в городе, но и далеко за его пределами. «Товарищи! Довольно молчать и терпеть! — говорилось в прокламации. — Пора освободиться от преступного правительства, пора прекратить бесполезную войну. Ведь она и в случае победы ничего не даст нам, кроме нищеты и бесправия. Долой же ее!.. Запасайтесь оружием. Не отдавайте винтовок. Время не ждет. Долой подлых министров и изменника-царя! Да здравствует демократическая республика!» [117].

В середине февраля на улицах Сызрани и в казармах вновь появились антивоенные прокламации. 27 февраля были обнаружены листовки на заборах и домах Симбирска. Правительство и местные власти пытались любыми средствами ликвидировать распространение прокламаций, подавить революционное движение, не допустить новой революции. Репрессии обрушились на большевиков. 17 февраля командующий отдельным корпусом жандармов приказал губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений направить имеющиеся в их распоряжении воинские части в наиболее взрывоопасные места, особенно туда, где сосредоточены большие массы рабочих.

Сообщая о принятых мерах в связи с этим приказом, начальник Симбирского губернского жандармского управления в рапорте от 24 февраля докладывал:

«Все фабрики и значительное количество заводов... сосредоточены в Симбирском, Карсунском, Сызранском и Сенгилеевском уездах и лишь отчасти в Алатырском. Этот район, в случае возникновения волнений и выступлений на политической почве, полагаю наиболее заслуживающим внимания... (В Симбирске. — *Ред.*) расквартированы 96-й, 97-й, 142-й и 242-й пехотные запасные полки... в г. Сызрани — 100-й, 119-й и 230-й пехотные запасные полки, 687-я пешая Симбирская ополченская дружина и 1-й запасный кавалерийский полк и только... ст. Инза совершенно лишена воинских частей, если не считать ничтожной воинской команды... Между тем станция эта имеет двоякое значение, во-первых, как важный железнодорожный узел, а во-вторых, как ближайший пункт, из которого в самое короткое время можно двинуть вагоны с воинскими командами в юго-восточную часть Карсунского уезда, где сгруппировались наиболее крупные фабрики не только этого уезда, но и соседнего Сенгилеевского.

В случае надобности выслать войска на фабрики, расположенные в окрестностях городов Симбирска и Сызрани, города эти вполне обеспечены тем составом воинских частей, которые в них квартируют, станция же Инза, как сказано выше, лишена воинских частей.

Ввиду вышеприведенного полагаю настоятельно необходимым иметь на ст. Инза, в случае наступления тревожного времени, 1—2 батальона пехоты и 50—70 конных стражников.

Квартирующих в городах Карсуне и Алатыре 158-го и 160-го пехотных запасных полков совершенно достаточно для обслуживания небольшого количества фабрик, расположенных севернее железнодорожной магистрали Инза — Симбирск, а 165-й пехотный запасный полк, квартирующий в г. Сенгилее, может, при надобности, выслать отряды на 2—3 фабрики и завод, расположенные между р. Волгой и почтовым трактом Симбирск — Сызрань.

Что касается северных уездов — Курмышского, Ардатовского, Буинского, а частью и Алатырского, то в них, за отсутствием фабрик и заводов, нет пунктов сосредоточения рабочих масс, к тому же в коренное население этих уездов вкраплено немало инородцев — татар, мордвы, мало податливых на чистую политическую агитацию и политические выступления.

Самые города Ардатов и Буинск, при возникновении опасности, всегда могут своевременно получить помощь от гарнизонов близлежащих к ним городов — Алатыря и Симбирска. Сравнительно изолированным остается один лишь г. Курмыш, куда полагал бы необходимым поместить хотя бы одну роту 160-го пехотного запасного полка, квартирующего в г. Алатыре»[118].

В ночь на 1 марта в Симбирске и Сызрани начались массовые аресты революционеров. Но учинить расправу над большевиками местным властям помешала февральская буржуазно-демократическая революция. Под ее ударами рухнуло залитое грязью и народной кровью здание романовской монархии, пали оковы царского деспотизма, более трех столетий душившие народ России.

В Петрограде и ряде других городов страны в первые же дни после победы революции возникли Советы — органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но вследствие недостаточной политической зрелости трудящихся масс и предательской политики эсеров и меньшевиков официальная власть оказалась в руках Временного правительства, олицетворявшего диктатуру буржуазии и помещиков. В стране образовалось двоевластие.

Местные власти сначала пытались скрыть от народа известия о свержении самодержавия или подавали их в искаженном виде. Губернатор князь Черкасский, председатель губернской земской управы, городской голова призвали население не верить «ложным слухам», соблю-

дать порядок и спокойствие. Одновременно они приводили в боевую готовность воинские части, жандармские и полицейские силы.

Однако обмануть трудящиеся массы властям не удалось. Победа революции в центре России дала могучий толчок революционным выступлениям рабочих, солдат и крестьян по всей стране, включая и Симбирскую губернию. Уже 1 марта общее собрание рабочих депо станции Симбирск единодушно приветствовало свержение царизма и потребовало установления в стране республиканского строя. В тот же день на базарной площади Ардатова собралось более 5 тыс. трудящихся. Они приветствовали крушение самодержавия, при поддержке солдат разоружили полицию, арестовали председателя уездной земской управы, изгнали из города исправника, разгромили уездную тюрьму и сожгли полицейский архив.

В первых числах марта многотысячные демонстрации и митинги состоялись в Симбирске, Сызрани, Алатыре, Буинске, Карсуне, Курмыше, Сенгилее, в фабричных поселках. В Симбирске участники демонстрации разоружили полицию и освободили из тюрьмы политических заключенных. В Сызрани были арестованы полицмейстер, исправник и жандармский полковник, распущена полиция, освобождены политзаключенные. В Карсуне демонстранты арестовали председателя уездной земской управы, изгнали из города исправника, разоружили полицейских и разгромили помещение стражников; присоединившиеся к ним солдаты 158-го пехотного запасного полка убили своего командира и арестовали ненавистных им офицеров.

На состоявшемся митинге был избран революционный комитет.

Восторженно встретили известие о свержении самодержавия жители сел и деревень. «С быстротой молнии эта радостная весточка облетела все наше село, — сообщалось из Астрадамовки. — Взвились флаги свободы, загремела песня. Манифестанты направились к волостному правлению, где сожгли царские портреты. Вечером состоялось собрание сельчан. Обширное здание не могло вместить всех желающих участвовать в первом свободном собрании. Присутствовавшие избрали волостной комитет, который безотлагательно приступил к созданию милиции...»[119].

Используя опыт первой русской революции и пример Петрограда, Москвы и других городов, трудящиеся губернии создавали свои органы революционной власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 6 марта в помещении Симбирской городской думы состоялось собрание рабочих типографий и мелких предприятий, на котором по призыву большевиков был сформирован Совет рабочих депутатов. В Симбирском гарнизоне под руководством армейских большевиков проходили выборы в солдатские комитеты и Совет солдатских депутатов.

Одновременно предпринимались меры к объединению солдат и рабочих и образованию единого Совета рабочих и солдатских депутатов.

18 марта в зале городской думы состоялось совместное торжественное собрание представителей Советов рабочих и солдатских депутатов. По инициативе большевиков собрание решило объединить оба Совета. Для руководства вновь созданным единым органом власти был избран исполнительный комитет.

В конце марта — начале апреля Совет рабочих и солдатских депутатов пополнился депутатами от суконных фабрик губернии. Так, 4 апреля общее собрание рабочих и служащих Екатериновской суконной фабрики постановило: «Примкнуть к Симбирскому Совету рабочих и солдатских депутатов и по указанию означенного Совета совместно с ним работать»[120]. Для участия в его собраниях были избраны Е. П. Клетанин, С. С. Спирин, С. А. Коровин и С. Шамшетдинов.

В апреле Симбирский Совет объединял свыше 40 тыс. рабочих города и суконных фабрик губернии и около 60 тыс. солдат гарнизона. Он издавал свою газету «Известия Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов», первый номер которой вышел в свет 28 марта 1917 г.

Сызранский комитет РСДРП(б) в первые дни февральской революции занимал ошибочную позицию поддержки местного так называемого обывательского (гражданского) комитета, рассчитывая на то, что демократические элементы в нем будут составлять большинство. Но «этого не произошло, и Сызранский комитет тогда решил организовать по примеру Петрограда и Москвы Совет рабочих и солдатских депутатов, т. е. организацию чисто демократическую»[121]. Окончательно Сыз-

ранский Совет оформился 31 марта. Он представлял 10—12 тыс. рабочих и около 60 тыс. солдат.

Не сумели в первые дни революции правильно определить свою позицию и большевики уездного города Сенгилея. «По политической неопытности,— вспоминал С. К. Саблин, — мы в первые дни не дошли до мысли создания своего органа власти — Совета рабочих депутатов, а решили выделить 6 представителей в создавшийся в городе так называемый «Комитет общественной безопасности». Это был орган буржуазной власти...

Через несколько дней, получив газеты, рабочие узнали о возникновении в Питере Совета рабочих и солдатских депутатов. С этого момента нам стало ясно, какой орган нам необходимо создать и в нашем захолустном Сенгилее, чтобы и здесь отстаивать революцию и двигать ее дальше. В конце марта в Сенгилее был избран первый Совет рабочих депутатов, пополненный позднее солдатскими депутатами»[122].

В конце марта завершилось создание Советов в уездных городах Ардатове и Алатыре, а в апреле — начале мая — в Буинске, Карсуне и Курмыше.

Одержав первые победы, трудящиеся, однако, не сумели взять всю полноту местной власти в свои руки. Буржуазия оказалась лучше организованной и более подготовленной к захвату власти. За время войны она значительно укрепила свои экономические и политические позиции, у нее имелись собственные отлаженные органы управления — городские думы, земские управы, союзы земств и городов, военно-промышленные комитеты, а также предпринимательские организации — биржевые комитеты, общества заводчиков и фабрикантов и др. Между тем немногочисленный рабочий класс губернии в годы войны понес серьезный ущерб, в его составе произошли большие изменения. Вместо многих кадровых, революционно настроенных рабочих, мобилизованных в армию, на предприятия пришли женщины и подростки, кустари и разорившиеся крестьяне, а также выходцы из торговцев, кулаков, мелких предпринимателей-хозяйчиков, военнопленные и беженцы. Все это снижало организованность рабочего класса, обусловливало идейные шатания в его рядах, крайне осложняло деятельность большевиков, чьи организации были сильно ослаблены за годы репрессий.

5 марта в Симбирске кадетско-октябристские лидеры во главе с князем Баратаевым создали «Комитет народной власти», этим громким названием пытаясь внушить массам, что они якобы добились своей цели и задачи революции уже исчерпаны. Буржуазные органы власти были созданы и в уездных городах. Все они стремились сдержать напор революционных масс, обуздать их инициативу, сохранить как можно больше от старого аппарата управления.

Спешило укрепить свое влияние и Временное правительство. Его официальными представителями на местах стали губернские и уездные комиссары. Они назначались из числа крупных помещиков — как правило, председателей губернских и уездных земских управ. Губкомиссаром Временного правительства в Симбирской губернии стал заместитель председателя губернской земской управы Ф. А. Головинский. При губкомиссаре был создан губернский исполнительный комитет, заменивший «Комитет народной власти».

Большинство уездных комиссаров не смогли долго удержаться на своих новых постах. Трудовое крестьянство питало к ним жгучую ненависть, считая их врагами революции, явными приверженцами свергнутого самодержавного строя. Поэтому буржуазные органы вынуждены были вскоре сместить комиссаров-помещиков, назначенных сверху. На эти посты были выдвинуты представители «демократии» — главным образом эсеры.

По составу населения Симбирская губерния являлась мелкобуржуазной. Быстрая победа над самодержавием, резкий поворот от разгула насилия и террора к политической свободе вызвали среди населения всеобщее опьянение, соглашательские настроения. «Гигантская мелкобуржуазная волна, — писал В. И. Ленин, — захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...»[123]. На гребне этой волны выступили вперед эсеры и меньшевики. Спекулируя на доверчивости и политической неискушенности трудящихся масс, они обеспечили себе большинство и руководящую роль в Советах.

В Симбирском Совете, например, из 90 депутатских мест им принадлежало 37, а большевикам — лишь 8. Остальные 45 депутатов были беспартийными и шли в своем большинстве за соглашателями. Председателем

президиума исполкома Совета был избран меньшевик И. Жижин.

Советы пользовались безграничным доверием и поддержкой масс. Так, когда Симбирский Совет занял для своих нужд бывший дом губернатора, назвав его «Домом свободы», буржуазный губернский исполнительный комитет не решился воспрепятствовать этому акту. Однако в первое время Советы были еще слабы в силу того, что ведущую роль в них играли представители мелкобуржуазных партий. Эсеры и меньшевики толкали массы на соглашательский путь. Взяв курс на свертывание революции, они сразу же поставили Советы в зависимое положение по отношению к местным органам буржуазной власти. Уже на первом своем заседании Симбирский Совет выразил доверие Временному правительству и губернскому комиссару, признал «единственно законной властью» губернский исполнительный комитет и делегировал в него для «осуществления контроля» своих представителей. Совет выдвинул лозунг: «Солдаты — в окопы, рабочие — к станку, крестьяне — к сохе». На деле это был призыв к примирению труда и капитала, продолжению империалистической войны «до победного конца».

Особенно ярко соглашательская политика эсеров и меньшевиков проявилась на специально подтасованном первом губернском «крестьянском» съезде, который работал в Симбирске 20—21 марта. Делегатами его были не трудящиеся крестьяне, избранные на волостных или сельских собраниях, а представители от волостных правлений, кооперативно-кредитных потребительских товариществ и земских управ. В роли руководителей съезда подвизались ярые враги революционного народа — князь Баратаев, Бонч-Осмоловский, губкомиссар Головинский и эсеро-меньшевистские лидеры — И. П. Суханов, И. С. Устюгов и др. Такой состав съезда определил и характер его решений по основным вопросам. Съезд выразил доверие Временному правительству, высказался за продолжение империалистической войны, призвал крестьян исправно обеспечивать армию продовольствием, отказаться от захватов помещичьих земель и ждать решения земельного вопроса до Учредительного собрания.

Если в губернском и уездных центрах органы управления оформились достаточно определенно, то в воло-

стях и селах была иная картина. Как только вести о свержении самодержавия дошли до крестьян, они, не ожидая указаний сверху, стали упразднять волостные суды и правления, смещать земских начальников. Вместо них избирались крестьянские комитеты: исполнительные, земельные, продовольственные и проч. Органы Временного правительства стремились взять эти комитеты под свою опеку, сделать их своими помощниками в охране помещичьей собственности. Но эти попытки не имели успеха. Если кое-где и удавалось направить деятельность крестьянских комитетов в русло буржуазной законности, то они немедленно теряли поддержку в массах.

Не сумев подчинить крестьянские комитеты своим органам на местах, Временное правительство приняло решение ликвидировать их и учредить взамен выборные всесословные волостные и сельские земства. Но и эта попытка фактически провалилась. В Симбирской губернии создание таких органов затянулось до осени 1917 г. Вместе с тем почти повсеместно продолжали активно действовать самочинно возникшие крестьянские комитеты и союзы, которые выступали организаторами борьбы за землю. Трудящееся крестьянство губернии искало подлинного освобождения от помещичьего гнета в совместной борьбе с пролетариатом, руководимым большевиками.

Период двоевластия не мог продолжаться долго. В. И. Ленин писал, что двоевластие выражает временное состояние, «*переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»[124]. Предстояла новая борьба за дальнейшее развитие и углубление революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 404.
[2] Там же, т. 21, с. 29.
[3] Там же, с. 33.
[4] Там же, с. 57.
[5] Там же, с. 162.
[6] Там же, с. 163.
[7] Там же, с. 164.
[8] Хвальсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда-Бен-Камар-Ибн-Даста. Спб, 1869, с. 19—21.
[9] Полное собрание русских летописей, т. 1, вып. 2. Спб, 1908, с. 460—461.
[10] История Татарии в документах и материалах. М., 1937, с. 41.
[11] Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., Просвещение, 1966, с. 20.
[12] Полное собрание русских летописей, с. 460.
[13] См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950, т. 1, с. 180.
[14] Полное собрание русских летописей, т. 19, с. 228.
[15] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. VI, кн. 2, с. 90.
[16] Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877, с. 211.
[17] Там же.
[18] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882, с. 149.
[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.
[20] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1940, с. 342.
[21] Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. 2. Спб, 1902, с. 624.
[22] Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века, с. 211.
[23] Там же, с. 246.
[24] Русская старина, 1886, ноябрь, с. 470.
[25] Заозерская Е. И. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. М.—Л., изд. АН СССР, 1947, с. 22, 30, 76.
[26] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, ч. 1, с. 152.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39. с. 70.
[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 319.
[29] Мавродин В. В. Крестьянская борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1773—1790 гг.). Л., изд. ЛГУ, 1975, с. 66.

30 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.

31 Кленякин А. В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян в первой половине XIX в. Саранск, 1974, с. 65.

32 Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. Грозный, 1959, с. 228.

33 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 134.

34 Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Спб, 1868, с. 101.

35 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.

36 Тургенев Н. И. Россия и русские. М.. 1907, т. 2, с. 86—87.

37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 470.

38 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

39 Сборник народных песен П. В. Киреевского. Л., 1977, т. 1, с. 9.

40 Край Ильича. Саратов, 1980, с. 123.

41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

42 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI. М., 1948, с. 164.

43 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

44 На заре крестьянской свободы. Материалы для характеристики общества. 1857—1861 гг. — Русская старина, 1898, № 1, с. 84.

45 Русская старина, 1883, № 2 (февраль), с. 600—601.

46 Там же.

47 Симбирские губернские ведомости, 1863, 9 ноября; 16 ноября.

48 Прошлое нашего края. Саратов, 1968, с. 155.

49 Симбирские губернские ведомости, 1863, 9 ноября.

50 Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. Социально-экономическое исследование. М., 1984, с. 63.

51 Симбирская земская газета, 1877, 4 сентября; 11 сентября; 18 сентября.

52 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 430.

53 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

54 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

55 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.

56 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 141.

57 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 224.

58 Симбирская земская газета, 1880, № 177.

59 Волга, 1887, 27 января.

60 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIII. М., 1955, с. 183.

61 Кустарные промыслы Симбирской губернии, кн. 3. Симбирск, 1905, с. 207.

62 Симбирские губернские вести, 1864, 29 февраля.

63 Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права, ч. 1—2. Донесения свитских генералов и флигель-адъютантов. М.— Л., 1949, с. 213—214.

64 Русская старина, 1904, № 5 (май), с. 451.

65 Крестьянское движение в 1861 году.., с. 473—474.

66 Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886, с. 15.

67 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 127.

68 Суперанский М. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, с. 87—88.

69 Пазухин А., с. 15.

70 Там же.

71 Там же.

[72] Певец Волги Д. Н. Садовников. Куйбышев, 1940, с. 5.
[73] Прошлое нашего края, с. 219.
[74] Исторический вестник. Спб, 1889, сентябрь, с. 692—693.
[75] Архив А. М. Горького, т. 1. История русской литературы. М., 1939, с. 216.
[76] Морозов М. Модест Иванович Писарев. М.—Л., 1949, с. 23.
[77] Там же, с. 22.
[78] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 61.
[79] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 66.
[80] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 97.
[81] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 185.
[82] Прокламации Симбирской организации РСДРП. 1904—1907 гг. Сб. док. Ульяновск, 1951, с. 18—19.
[83] Там же, с. 20—21.
[84] Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 годов. Документы и материалы. Ульяновск, 1955, с. 34—36.
[85] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 321.
[86] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 2.
[87] Краеведческие записки, вып. 3. Ульяновск, 1971, с. 122.
[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 70.
[89] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 72.
[90] Волжские вести. Симбирск, 1907, 7 июня.
[91] Там же.
[92] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 18—19.
[93] Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г. Симбирск, 1913, с. 92.
[94] Правда, 1913, 14 февраля.
[95] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 244.
[96] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 265.
[97] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 153—154.
[98] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 68, 70.
[99] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 35.
[100] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 62.
[101] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 — июнь 1918 гг.). Сб. док. Ульяновск, 1957, с. 84.
[102] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 83.
[103] Песни революции. Симбирск, изд. Симбирской группы РСДРП, 1905.
[104] См.: Рябиков В. Симбирские большевики в 1903—1906 гг.— В сб.: 1904 год в Симбирске. Ульяновск, 1925, с. 20.
[105] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 223.
[106] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 291.
[107] Изгнанник. Песни предрассветных сумерек. Спб, 1906.
[108] Федоров Г. Н. Младенец младший. Саратов, 1983, с. 64—65.
[109] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 1.
[110] Гоударственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 855, оп. 1, д. 1264, л. 95—96.
[111] Кураев А. Е. Большевики в Государственной думе. М., 1954, с. 348.
[112] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 40—41.

[113] Борьба за власть Советов в Симбирской губернии. Сб. воспом. Саратов, 1967, с. 68.
[114] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8.
[115] Правда, 1935, № 120.
[116] ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 1493, л. 17—19.
[118] Прошлое нашего края, с. 392—393.
[119] Симбирянин, 1917, 16 марта.
[120] Борьба за установление и упрочение Советской власти, с. 30.
[121] Пролетарий, 1917, 24 марта.
[122] Борьба за власть Советов, с. 243—245.
[123] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.
[124] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 155.

СОДЕРЖАНИЕ

Массово-политическое издание

КРАЙ СИМБИРСКИЙ

Краткий исторический очерк

Редактор *Н. Шарыгина*
Художник *В. Иванов*
Художественный редактор *В. Бугенко*
Технический редактор *Л. Борисова*
Корректор *И. Соколова*

ИБ № 1691

Сдано в набор 05.04.89. Подписано в печать 21.09.89. НГ44379. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 14,05. Тираж 10 000. Заказ 564. Цена 70 коп.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

20 к.

Край симбирский